

POWER GARY

ROMAIN GARY **СПАСИТЕ НАШИ ДУШИ**

KING COUNTY LIBRARY SYSTEM

30000004304733

SYMPOSIUM

ROMAIN GARY

**charge
d'âme**

Paris
Gallimard

РОМЕН ГАРИ

спасите наши души

Перевод с французского
Ларисы Бондаренко

Санкт-Петербург
Symposium
2010

ББК 84.4 Фр
Г20

Перевод с французского
Ларисы Бондаренко

Художник
Павел Лосев

*Всякое коммерческое воспроизведение текста
или оформления книги — полностью или частично,
в печатном или электронном виде — возможно исключительно
с письменного разрешения Издателя.
Нарушения преследуются в соответствии
с законодательством и международными договорами РФ.*

ISBN: 978-5-89091-430-9

© Editions Gallimard, 1977
© Издательство «Симпозиум», 2010
© Л. Бондаренко, перевод, 2009
© Издательство «Симпозиум»,
оформление, 2010

ОТ АВТОРА

Слово «душа» вышло из моды. Изгнано из словарей всех серьезных писателей. Теперь это архаизм, устаревший слезливо-лирический штамп, такая разменная монета гуманизма. Время души прошло.

Саркастическое, презрительное употребление выражений «прекрасная душа», «республика прекрасных душ» и т. п. восходит к тридцатым годам. Именно такие чувства в них систематически вкладывали как правые, так и левые. Кроме того, такое употребление невольно приводит на ум знаменитую фразу нацистов: «Когда я слышу слово „культура“, я хватаюсь за револьвер», а также шутку Максима Горького по поводу «лирических клоунов, исполняющих свой номер терпимости и идеализма на арене капиталистического цирка». Интересно, что сказал бы Горький в 1977 году о советских диссидентах, которые исполняли все тот же «номер» на арене марксистского цирка?

Глумление над душой сыграло хоть и не главную, но немаловажную роль в подготовке почвы для гитлеровских и сталинских репрессий и для ГУЛАГа. Оно продолжается и сейчас. После последней войны его основной мишенью у нас оказался Альбер Камю. В Соединенных Штатах придумали свое насмешливое выражение: *bleeding hearts*, «истекающие кровью сердца». Оно часто звучало в ходе гонений на «сентиментализм» — любимой гигиенической процедуры американских интеллектуалов. В кругу французских государственных мужей выражение «душевное состояние» часто употребляется в том же издевательском ключе: чтобы показать, что любое проявление чувств есть признак слабости. Совершенно есте-

ственно, что этому оружию, осмеянию, нашлось место и в арсенале, ключом к которому могла бы служить фраза Мишеля Фуко¹: «Человек — недавнее изобретение: археология нашего мышления указывает нам на его недавнее рождение. А возможно, и близкий конец».

У меня нет склонности к религии. Точнее, я не иду в ней дальше любви, а это самое земное, что в ней есть. Если бы меня попросили дать определение душе, я бы ответил: душа это то, что приводит нас в движение; это то представление, которое человек создает о себе самом, о своем достоинстве и о своей «чести» — кстати, «честь» — это еще одно слово, ставшее табу. Я бы также сказал, что существование этой силы, которая позволила создать столько шедевров, которую ловили и удерживали в стольких гулагах, является неизменной данностью бытия; а еще — что душу оспаривают друг у друга идеология и техника: обе стремятся ее подчинить и использовать.

Сегодня все чаще раздаются крики возмущения, а порой даже возгласы философского отчаяния по поводу замкнутости и «заточения» внутри социо- и техносистемы, в которой мы являемся одновременно создателями и составляющими, «энергоносителем» и отходами.

В романе, к чтению которого вы сейчас приступите, я попытался отобразить эту двойственность, причем сделать это, в некотором роде, наглядно, — не в рассудочной форме, а в виде художественного повествования.

Те немногие факты из области экологии, на которые я ссылаюсь, легко проверить по разнообразным и легкодоступным источникам. Я старался не загромождать свой рассказ такими фактами — в общем и целом они, как мне кажется, и так хорошо всем знакомы.

Возможно, в моем романе усмотрят недальновидные, исполненные ретроградства нападки на науку и ученых. Это заблуждение. Парадокс науки, как я утверждаю на этих страницах, заключается в том, что компенсировать причиняемый ею вред может только одно: еще больше науки.

---

¹ Мишель Фуко (1926—1984) — французский философ, историк идей (здесь и далее прим. перев.).

В сентябре 1977 года в Стамбуле состоялась конференция по ядерной энергии; на ней термин «передовое топливо» часто использовался применительно к плутонию.

Надеюсь, что читатель прочтет «Спасите наши души» с улыбкой. Ведь это, конечно же, всего лишь развлечение.

Р. Г.

Симаррон, сентябрь 1977

Часть первая

«ПЕРЕДОВОЕ ТОПЛИВО»

Небо над Римом было голубым, безоблачным, и молодой американец, высокий бородач в очках, который больше ни разу не будет здесь упомянут, сказал своей светловолосой спутнице, любуясь чистой лазурью: «В этом небе одна холодная ясность и никакого чувства». Перед бронзовыми воротами, там, где заканчивается Италия и начинается Христианское королевство, хлопали на ветру бело-желтые штандарты швейцарских гвардейцев; Иоанн XXIII благословлял верующих, а также толпу туристов, глазевших на это зрелище с той самой площади, где девятнадцать веками ранее испустил на кресте свой дух святой Петр.

Было жутко холодно.

Незадолго до того Его Святейшество, в длинных кальсонах и домашних туфлях, мерил шагами спальню и бурчал, обращаясь к монсеньору Домани, своему личному секретарю:

— Когда стареешь, каждое утро просыпаешься с ощущением, что отопление не работает...

С последними словами «*Deo gratias*»¹ дюжины голубей взмыли над толпой. Это был знак почтения со стороны братьев ордена Святого Андрея; курия, однако, сочла его неуместным.

---

¹ «Возблагодарим Господа» (лат.).

Монсеньор Домани, соединив руки в жесте, в котором было больше от привычки, чем от благочестия, стоял за спиной Иоанна XXIII. Кардинал Очелло держался чуть поодаль, слева, — так же, как и синьор Деччи, архитектор, приехавший обсудить с понтификом некоторые проекты модернизации Ватикана.

Его Святейшество уже завершил молитву и соби-рался было осенить толпу крестным знамением, но его поднятая рука застыла в воздухе. Он склонился вперед, опёрся на балюстраду, и громкоговорители разнесли по всем четырем сторонам площади его исполненное ужаса бормотание:

— Che cos'ì... Che cos'ì?¹

Монсеньор Домани и кардинал Очелло кинулись к понтифику, опасаясь, что ему стало плохо — за последнее время здоровье папы не раз давало повод для серьезного беспокойства.

— Madonna! Guardi!²

Какой-то человек, пошатываясь, прокладывая себе дорогу в толпе, бесцеремонно расталкивая всех на своем пути; впрочем, проявления религиозной экзальтации были здесь довольно обычным явлением, и никто не обратил на него особого внимания.

Три выстрела раздались в тот момент, когда незнакомец добрался до колоннады Бернини под окнами понтифика. Человек рухнул на мраморные плиты, не выпуская из рук кожаную папку. Позднее Его Святейшество будет рассказывать своему ближайшему окружению, что имел несчастье заметить стрелявшего — тот стоял позади преклонивших колени черных паломников из Фатимы — но благодаря божественному милосердию тут же потерял его из виду. Толпу охватило смятение, о каком газеты обычно пишут,

---

¹ Что это... Что это? (Итал.)

² Матерь Божья! Гвардейцы! (Итал.)

что «воспользовавшись всеобщей паникой, убийца скрылся».

Монсеньор Домани проявил замечательное присутствие духа: он закрыл окно и задернул шторы.

Несколькими минутами позже он, выполняя распоряжение понтифика, уже склонялся над незнакомцем. Секретарю пришлось впоследствии признаться своему духовнику, что в голове у него мелькнула мысль, в которой было мало христианского: этот несчастный мог бы выбрать другое место для того, чтобы дать себя убить.

Человек еще дышал. Глаза его были широко раскрыты, и монсеньора Домани поразило их выражение. Он никогда прежде не видел — и надеялся, что никогда больше не увидит, — такого ужаса в глазах умирающего.

Старая кожаная папка, которую он выпустил из рук лишь когда его настигла третья пуля, валялась рядом.

Лет ему было, наверное, семьдесят. Несмотря на возраст, его лицо отличалось красотой, в которой молодой клирик угадал отражение возвышенных мыслей; пышная седая шевелюра была из тех, что в Италии тут же обеспечивают своему обладателю обращение «maestro». На лацкане пиджака секретарь увидел крест ордена Почетного легиона — высшую награду Франции.

Монсеньор Домани заметил еще одну деталь, но принял ее за оптический обман и тут же забыл о ней.

Когда монсеньор Домани опустился на колени рядом с умирающим, тот попытался заговорить:

— *Души... вызволить... Иоанн Двадцать третий... он один... вызволить...*

— Да, сын мой, — произнес монсеньор Домани, сложив руки и одобрительно кивнув головой, так как

было ясно, что умирающий направил свои мысли по верному пути.

Зато следующие несколько слов, которые выговорил, собравшись с силами, незнакомец, были лишены всякого смысла:

— *Энергия... Окончательное решение... Передовое топливо...*

— Да, сын мой, — повторил монсеньор Домани умиротворяющим тоном.

Бедняга бредил — если только речь не шла о чем-то политическом; зачастую, впрочем, это одно и то же.

— *Иоанн Двадцать третий... Наш бессмертный дух...*

Последним усилием неизвестный подтолкнул к молодому священнику кожаную папку, как бы давая понять, что в ней содержится наш бессмертный дух, каковой совершенно необходимо передать понтифику в собственные руки.

После чего незнакомец скончался.

Монсеньор Домани опустил голову, но, приступив к молитве, снова испытал странный оптический обман.

Папка подрагивала.

Не переставая бормотать молитву, папский секретарь нервно отпрянул.

Ему ничего не мерещилось.

Старая кожаная папка в самом деле подрагивала. Ритмичная пульсация, своего рода... да... биение. Монсеньор Домани поначалу решил, что внутри заперт какой-то зверек, но ритмичность движения указывала на то, что там скорее некий механизм. Бомба, внезапно понял монсеньор Домани и поспешно поднялся, сочтя более благоразумным отойти подальше. В папке могла оказаться адская машина, предназначенная для Его Святейшества. Теракты случались в Италии ежедневно.

Полчаса спустя капитан Гуччони из службы безопасности Ватикана доложил секретариату, что погибший — профессор Голден-Мейер, заведующий кафедрой истории цивилизации в Коллеж де Франс¹. Что до содержимого папки, то оно оказалось вполне безобидным: самая что ни на есть обыкновенная пластмассовая зажигалка и механическая игрушка, вроде шарика для пинг-понга, который приводился в движение каким-то внутренним механизмом, что и объясняло подрагивание папки. Положенный на землю, шарик подскакивал вверх примерно на полметра, причем не переставая. Скорее всего, именитый гость приобрел эти вещицы в подарок внукам.

Еще в папке обнаружился запечатанный конверт, адресованный понтифику.

Было совершенно невозможно понять, почему видный профессор Коллеж де Франс — вдобавок еще и еврей — перед смертью из последних сил умолял монсеньора Домани вручить пингпонговый шарик и зажигалку Его Святейшеству Иоанну XXIII. Столь же непонятно было и то, почему профессора преследовали и почему его убили — будто бы кто-то пытался помешать ему передать эти ничем не примечательные предметы папе. Монсеньор Домани пришел к выводу, что убийство никак не связано с содержимым папки и что следует препоручить это дело полиции.

Он отправился к понтифику, чтобы ввести его в курс дела. Иоанн XXIII сидел у себя в кабинете, вид у него был опечаленный и подавленный. Преступление, совершенное прямо у него на глазах, потрясло его. Он выслушал рассказ своего секретаря, велел ему ознакомиться с содержимым конверта и информировать его о ходе будущего расследования.

---

¹ *Коллеж де Франс* — одно из старейших учебных и научно-исследовательских заведений Франции; находится в Париже.

II

Монсеньор Домани работал допоздна. Пробил уже час ночи. Он закончил проверять расходы сестры Марии, старой служанки папы, занесенные в хозяйственную книгу, которую та оставила на столике у изголовья кровати, и тут вдруг его охватило беспокойство, быстро сменившееся тревогой; капли холодного пота выступили на лбу; ему показалось, что он вот-вот упадёт в обморок. Монсеньор Домани протянул руку к графину с водой, и в тот же миг на учащённое биение его сердца отозвалось как эхо — или, быть может, как причина и источник, — другое биение, на сей раз внешнее, ровное и приглушённое. Он повернулся в направлении звука и увидел на кресле возле камина кожаную порыжевшую папку — такого профессорского и в силу своей изношенности почти одушевленного вида — которую из службы безопасности принесли ему после того, как проверили содержимое. Папка подрагивала. Gadgeto¹, вспомнил монсеньор Домани. Он улыбнулся и успокоился, приписав приступ тревоги переутомлению и душевным волнениям этого дня.

Взяв с кресла папку, он забрался в постель, устроился поудобнее, подложив под спину подушку и согнув колени. Сначала он достал из внешнего кармана тол-

---

¹ Игрушка, штучка (*итал.*)

стый желтый конверт и отложил его в сторону. Затем, поскольку папка продолжала как-то неприятно подрагивать, точно была живой, он не без некоторого колебания запустил руку внутрь главного отделения и извлек оттуда перламутрово-белую пластмассовую зажигалку. Ощувив прилив сил от своей смелости, монсеньор Домани завладел и другим предметом, который описала ему служба безопасности: пингпонговым шариком, сделанным из того же перламутрового материала. Шарик выскользнул из рук, упал на пол и тут же стал подскакивать вверх с замечательной регулярностью, достигая при этом каждый раз одной и той же высоты.

Монсеньор Домани достал сигарету — он позволял себе одну сигарету, когда работал допоздна, — и прикурил ее от зажигалки, которую по-прежнему держал в руке. Пластмасса была теплой и приятной на ощупь, зажигалка горела красивым оранжевым пламенем. Одна из тех грошовых штучек, подумал монсеньор Домани, вдыхая дым, вот только... да, он не ошибся: зажигалка подрагивала, и она тоже, какая-то внутренняя вибрация. Тук... Тук... Тук... Теперь кругом электроника, подумал монсеньор Домани. Он бы не удивился, если бы оказалось, что зажигалка не бензиновая, а на какой-нибудь миниатюрной батарейке. Он снова извлёк крохотное пламя, погасил его, отложил зажигалку на столик и распечатал конверт, в котором оказалась толстая стопка бумаг. Их он быстро пролистал: диаграммы, математические формулы... Занятно. Может, речь идет о новом подходе к борьбе с загрязнением окружающей среды, ведь именно это сейчас у всех на уме. К бумагам было прикреплено письмо, написанное по-французски размашистым нервным почерком с сильным наклоном. Письмо начиналось словами: *«Ваше Святейшество!»* Молодой священник начал читать.

В камине уютно пылал огонь. Перламутровый шарик ритмично подпрыгивал посредине комнаты. Не отрываясь от чтения, секретарь рассеянно поигрывал зажигалкой, и стоило ему лишь слегка надавить пальцем, как тут же вспыхивало красивое оранжевое пламя.

Окончательное и необратимое разложение... Апофеоз цивилизации, поставившей во главу угла культ силы и закабаление человека...

Еще один манифест, понтифик получает такие каждый день, подумал монсеньор Домани.

Монсеньор Домани был тощий молодой человек с резкими чертами лица и горящим взглядом. Год назад он окончил Дипломатическую академию Ватикана и был рекомендован Иоанну XXIII, как раз подыскивавшему себе секретаря, как умный, трудолюбивый и набожный молодой священник. В чертах монсеньора угадывалось смутное сходство с папой Пием XII, которому он, кстати сказать, приходился дальним родственником: вероятно, он неосознанно подражал поведению и жестам великого понтифика, аскета и консерватора. Монсеньору Домани тоже была свойственна некоторая нетерпимость, признак истовой набожности; он имел склонность воздевать руки по любому поводу и соединять ладони, выражая возмущение, — жест, в котором смешивались итальянская живость и робкий ум. Монахини, занятые на папской кухне, сходились во мнении, что *rovergo*¹ следовало бы набрать килограммов двадцать, чтобы окончательно повзрослеть.

Ему понадобилось добрых пять минут, чтобы осознать смысл того, что он читает.

Лицо его посерело, из горла вырвался сдавленный крик, и, словно обжегшись, монсеньор Домани отбро-

---

¹ Бедняжке (*итал.*).

сил зажигалку, которую все это время держал в руке. Он резко выпрямился и прижался спиной к стене, рот его приоткрылся, он хрипло дышал, переводя исполненный ужаса взгляд с оранжевого пламени зажигалки, которое продолжало гореть, на перламутровый шарик, без устали прыгавший по паркету... В глазах у него помутилось, и он потерял сознание.

Когда монсеньор Домани пришел в себя, оказалось, что он лежит на полу возле кровати, а огонёк зажигалки отделяют от его лица какие-нибудь двадцать сантиметров. Он протянул руку, схватил зажигалку и погасил ее. Позднее он, должно быть, говорил себе, что это был самый мужественный и, возможно, самый христианский поступок в его жизни.

И тут он увидел белый шарик, который продолжал подпрыгивать на полу, и теперь, когда он *знал*, молодому иезуиту показалось, что тот подпрыгивает с целью привлечь его внимание, что сила, оживлявшая шарик, зовет на помощь и отчаянно стремится высвободиться.

Монсеньор Домани рывком поднялся, схватил с кровати бумаги и бросился вон из комнаты. Ночная стража видела, как он неся верхними коридорами, натываясь на стены, точно перепуганная птица. Он неся, выпучив глаза, а губы его так истово шептали молитву, что когда он достиг папских покоев, то понял, что никогда прежде не молился по-настоящему.

III

Он поднял глаза, захлопнул книгу — «Бесчеловечных» Крезинского — и в очередной раз застал ее в приступе христианского милосердия. Распластавшись на постели — грудь обнажена, лицо в слезах — она смотрела на перламутровый шарик с той смесью жалости, страдания и любви, которой столькие художники наделяли Марию Магдалину у подножия креста. Два тысячелетия промывки мозгов читались в этом взгляде.

— Послушай, Мэй, хватит. Брось. Сколько раз тебе повторять? Это обыкновенный прибор. Научное изобретение.

Он снова удостоился одного из тех взглядов, от которых всякий раз чувствовал себя детоубийцей.

Матье бросил книгу, подошел и сел рядом с ней на кровать.

— Мэй, это игрушка. Тебе знакомо это старое доброе французское слово, игрушка? Там внутри нет ничего, кроме энергии.

— Знаю. Знаю, что это за энергия. *Кто там внутри*, Марк? Кто тот парень, у которого вы, мерзавцы, украли бессмертный дух? Кто донор?

— Вот черт.

— Ведь он же все-таки чей-то? Кто донор?

— Жан Питар, раз тебе это так важно.

— О господи, Жан был твоим лучшим другом, и ты хочешь сказать... и...

Он закрыл глаза. Терпение. С этой идиоткой, которую он по непонятным — а в общем-то, по *сентиментальным* — причинам любил, требовалось прежде всего терпение, а именно терпения ему больше всего и не хватало.

— Ты получил разрешение родных?

— Да о чем, по-твоему, идет речь, дура? О пересадке органов, что ли?

— Жан дал согласие?

— Не успел. Он был еще жив, когда его привезли в больницу, и я рванул к нему. Да, мы действительно были друзьями. Разумеется, я прихватил с собой уловитель. Всё равно Жан был убежденным атеистом. И к тому же ученым, так что...

— Ты задал ему прямой вопрос?

— Нет, конечно. Есть вопросы, которые уже не принято задавать в научной среде. Про «душу», например. «Душа»... «Наш бессмертный дух»... Весь этот средневековый лексикон... Это было уместно, когда люди запрягали волов в телегу. Речь идет об энергии. О том, что на языке ядерной физики называется «передовым топливом». Или ты не слышала об энергетическом кризисе? А мы открыли новый источник энергии: она ничего не стоит, она рядом, нагнись и подбери, и она практически неистощима. Вот и всё. Разумеется, если использовать эмоционально окрашенную лексику из другой эпохи, можно создать себе абсурдные проблемы. Вопрос о душе тут неуместен по той замечательной причине, что мы говорим о *науке*. Даже радетели экологии не смогут поднять крик: тут все чисто. Никакого загрязнения, никакой радиоактивности, никакой угрозы для окружающей среды. Да, имеет место психическое воздействие, но мы над этим работаем. По мере привыкания оно должно исчезнуть.

Существует так называемая восходящая сила, которую мы в Коллеж де Франс открыли первыми. Поэзией все уже сыты по горло, Мэй. В тот самый момент, когда цивилизация особенно нуждается в энергоресурсах, а те, в свою очередь, очень быстро истощаются, мы разработали метод, позволяющий покончить с разбазариванием энергии, которое длится с начала времен. Мы стоим на пороге новой эры, грядет неслыханное процветание, которое положит конец всем материальным проблемам на Земле, а ты...

Но все было бесполезно. Все, что он мог сказать, разбивалось о стену тысячелетних предрассудков. В Мэй было что-то животное, инстинктивное, первобытное и непобедимое, как будто предназначенное для того, чтобы противостоять натиску человеческого гения. Коре головного мозга, которая формируется позже спинного мозга, пока что не удавалось возобладать над животным, инстинктивным, примитивным, над тем, что старше всего человеческого на несколько миллионов лет. Нам предстоит проделать еще чертовски много работы, чтобы освободиться от своих корней. В облике этой двадцатилетней стриптизерши из Техаса, которую он подобрал в ночном клубе, в ее груди, бедрах и прочих округлостях было что-то архаичное, примитивное, что подчеркивалось синевой глаз и застывшим в них выражением простодушия. Возможно, именно здесь следовало искать причину, по которой он так глубоко привязался к ней: простодушие. Оно действовало освежающе. Часто, когда он ловил ее взгляд, такой невинный, что разрывалось сердце — еще одно старомодное клише, — ему на память приходили строки из Йейтса:

Лицо, что было у меня
До сотворенья мира.

Пфф!.. Тоска по первоосновам. Конечно, человечество несколько сбилось с пути, уклонилось, и новояв-

ленные экологи, как называли теперь тех упрямец, что мечтали о незнамо каких переменах, возможно, в чем-то и правы.

— Здесь заложен тот же принцип, что и в прыгающем мексиканском бобе. Какая-нибудь маленькая штукавина — в бобе это червяк — извивается внутри, стараясь выбраться наружу. Это понятно даже ребенку. Когда червяк гибнет, боб становится неодушевленной материей, и это уже не смешно.

Она не слушала. Опершись на локоть, — распущенные светлые волосы струились по ее щекам и плечам, — она не отрываясь следила *христианским* взором — иначе и не скажешь — за прыжками маленького чуда техники, плода стольких усилий, первого лепета нового века и одновременно триумфального завершения целой эпохи.

— *Robrecito*¹, — пробормотала она.

У нее когда-то была няня-мексиканка.

Матье сидел на кровати — в пижамных штанах, голый по пояс, волосы всклокочены — и мучительно подыскивал простые успокаивающие слова, которых требовали обстоятельства. Все это прежде всего было вопросом терминологии. Зря они ввели такие термины, как «реактор-размножитель», «удерживание» или «переработка отходов»: от них пахло нацистским лагерем или ГУЛАГом. Они привлекли к своим исследованиям Голден-Мейера, предложив ему изучить эти пережитки устаревшего словаря и разработать новую терминологию, отвечающую духу времени. К сожалению, пожилой профессор, специалист по истории цивилизации, сам оказался диплодоком, безнадежно завязшим в допотопных воззрениях. Он впал в депрессию и не нашел ничего лучшего как броситься в Рим, чтобы предупредить папу о грядущем «окончательном

---

¹ Бедняжка (*исп.*).

решении» энергетической проблемы. Старик, разумеется, был убит, так как ни Соединенные Штаты, ни Советский Союз, ни какая другая из так называемых ядерных держав не могли допустить подобного разоблачения; ядерным державам нужно было любой ценой избежать вмешательства Иоанна XXIII, чье слово могло оказаться решающим, учитывая, что атомная энергетика и так уже вызвала немалое смятение умов. Все эксперты сходились в одном: требовалась долгая кампания по разъяснению и убеждению, просветительская работа и усилия по созданию положительного общественного мнения. В противном случае никто не брался предвидеть, как далеко может зайти паника. Как только предрассудки будут преодолены, останется, вероятно, единственный вопрос — о стандинге, то есть о посмертном распределении энергии каждого. Поначалу, в особенности в демократических странах, доноры неизбежно станут требовать, чтобы их ставили в известность о том, будет ли на их энергии работать мотор «роллс-ройса» или же насос для откачки дерьма. В общем, и тут не обойдется без классовой борьбы. Свободный Западный мир, вероятно, будет внимательнее к частным предпочтениям каждого энергетического донора, чем восточноевропейские страны. Но тут уж ученые ничего не могут поделать.

— Pobrecito...

Она не сводила глаз с шарика.

Ему ни в коем случае не следовало ей ничего рассказывать, но, опьяненный победой, он не удержался. Когда любишь женщину, даже если она и дура, ты — что совершенно нормально — стремишься делиться с ней и радостью, и горем. Однажды вечером он принес из лаборатории эту игрушку: это был один из первых действующих образцов. Ему казалось, что игрушка ее позабавит. Да что там, он просто нуждался в некоторой доле восхищения. Вполне человеческое

желание. Ладно, он не собирается разводить сам с собой дискуссию, что человечно, а что нет. Но он натолкнулся на полное непонимание, на животный ужас, на суеверия и штампы из самого отсталого религиозного лексикона. И с тех пор — истерики, слезы и пригоршни транквилизаторов.

У нее было самое прекрасное тело, какое он когда-либо видел, но в остальном она осталась на уровне тех времен, когда писали Библию.

— Какой же ты подлец, Марк. Все вы там подлещи с этим вашим плутонием, реакторами — как их там — размножителями и переработкой отходов. А отходы-то — это ведь мы сами. Но ты талантливее других, так что из всей своей компании ты самый главный подлец...

— Оставь меня в покое, Мэй, не лезь со своими глупостями. Ты привыкнешь, как и все, а потом даже перестанешь замечать.

Он прошел на кухню, засунул три кусочка хлеба в новый тостер, который смастерил в лаборатории: раздалось непродолжительное потрескивание, и тостер вместе с тостами превратился в вонючее месиво. Невредимой осталась лишь маленькая, слабо фосфоресцирующая перламутровая батарейка.

Этот проклятый вопрос об управляемости был сущей головоломкой. В этом русские их обошли. Вот уже полгода его команда тщетно искала решение проблемы дезинтеграции: вещество казалось неделимым. Никак не удавалось расщепить его, раздробить, разделить на малые объемы, чтобы прийти к единицам мощности, которые можно применять на практике.

Вечно эта технология. Технология была задним проходом науки.

IV

Флорентийская библиотека располагалась на третьем этаже Ватиканского дворца, неподалеку от личных покоев папы. На картине Беллини, висевшей напротив входа, был изображен вид на Тибр: такой же вид открывался из окон и поныне — пейзаж с соборами, куполами, крестами в небе над древнеримскими развалинами продолжал честно воспроизводить прошлое, которое обессмертил живописец.

Других картин на стенах не было — кроме одной, известной как «Мадонна рыболовов», — творения неизвестного художника XVI века; она была недавним приобретением, подарком, сделанным Иоанну XXIII рыболовецкой общиной Фьезоле.

С момента смерти понтифика, случившейся два дня назад, — а кардинал Сандом был убежден, что тот умер от горя, и причиной стала та ужасная вещь, — теологическая комиссия, созданная Его Святейшеством за какие-то несколько часов до того, как он испустил дух, заседала непрерывно.

Кардинал Сандом, примас обеих Галлий, упорно не отрывал взгляда от кроткого облика мадонны. Так он пытался унять внутреннее кипение, в котором ярость, возмущение и едкий, почти мстительный юмор примешивались к чему-то вроде мрачного удовлетворения: он всегда говорил, что этим все и кончится.

Достаточно было не быть слепым и глухим, чтобы даже без лежавших перед ним бумаг знать, что происходящее сейчас во всех уголках мира было *тем самым*.

Он взглянул на шарик, что подскакивал рядом с зажигалкой в центре большого круглого стола из красного дерева под удрученными либо бесстрастными взглядами прелатов, и улыбнулся в бороду. Он надеялся, что сила, которая приводила шарик в движение, или «энергия», как говорилось в бумагах, принадлежала какому-нибудь ученому, желательнее одному из отцов атомной бомбы — еще одно расхожее выражение. В самом начале заседания он, не колеблясь, взял зажигалку и щелкнул ею, надеясь услышать потрескивание внутри.

Про примаса Галлий говорили, что он был «приверженцем первобытной веры». Де Голль как-то отпустил такую шутку на его счет: «Кардинал дает отличные советы... особенно когда его об этом не просят». Семьдесят пять лет — и ни одного седого волоса. Единственным признаком старения было растущее нетерпение: Сандом торопился в лучший мир. Во взгляде его читалось веселье, которое ни разу не удалось омрачить никакому сомнению, никакому вопросу без ответа. Иоанн XXIII часто ставил ему в вину то, что в его любви было больше требовательности, чем прощения, больше строгости, чем милосердия. Слишком принципиальный, он никогда не рассматривался как возможный кандидат на папство: в области дипломатии и компромиссов не было места Сандому.

Их было семеро, собравшихся малым составом на совет во главе с кардиналом Монтини: Сандом, представлявший Францию, Суэтенс — Фландрию, Халлер — Германию, Полдинг — Соединенные Штаты; генерал иезуитов Хаас и францисканец Буоминари — рядовой монах из Компостелы, к чьим советам охотно

прислушивался Иоанн XXIII, ценивший его за простоту и смирение, еще не изуродованное диалектической изворотливостью. Сидевший справа от Монтини Халлер из Германии белизной своей кожи напоминал призрак: это была белизна очень старых людей и очень молодых соборов.

Доклад теологической комиссии был готов. Оставалось только прийти к единодушию, всегда столь искомому в лоне Церкви. Документ был составлен в крайне осторожных выражениях. Для примаса Галлий эта осторожность уже свидетельствовала о нерешительности и капитуляции. Положение, на его взгляд, требовало не дипломатических тонкостей, а громоподобной анафемы. И трудно было ожидать от Монтини, самого вероятного кандидата на место папы, человека мягкого и чувствительного, твердости и неуступчивости.

Документы, собранные Голден-Мейером, казались неоспоримыми. Два знаменитых физика-атомщика, Нитри и Коллини, к которым обратились за консультацией, не только подтвердили изложенные в них факты, но и, похоже, не очень-то удивились: все великие державы работали в этом направлении. Советские ученые несколько опережали своих коллег, возможно потому, что лучше были подготовлены идеологически. Был найден так называемый «кратчайший путь», и сделано это было французскими физиками из Группы Эразма, в частности самым молодым и известным из них, Марком Матье. Само открытие не стало неожиданностью, ведь именно благодаря успехам Матье Франция получила и готовилась испытать свою первую атомную бомбу.

Сандом повернулся к генералу иезуитов Хаасу, который в эту минуту превозносил работу, проделанную теологической комиссией.

— Выводы, к которым мы пришли, представляются мне совершенно убедительными. Очевидно, что

рука человека не должна похищать, захватывать и использовать в промышленных и военных целях то, что принадлежит одному лишь Создателю. Было бы кощунством даже помыслить о такой возможности...

Сандом коротко кивнул, и это был кивок неодобрения. Никто из прелатов не принял этот саркастический жест за согласие. Старый борец за веру просто давал понять, что Хаас занял ожидаемую позицию и выражает рациональное мнение, свободное от предрассудков и суеверий, во всем достойное Ордена, который выполняет в лоне Церкви диалектическую функцию — и редко ошибается.

Генерал иезуитов устремил на неисправимого «приверженца первобытной веры» холодный пристальный взгляд своих бледных и вместе с тем ярких глаз под красноватыми, почти лишенными ресниц веками: его фламандские корни выдавали себя рыжими нитями, еще проступавшими в седине волос, и светло-желтой россыпью веснушек.

— Чувствую, что Сандом придерживается *радикально* иного мнения по этому вопросу...

Он улыбнулся и стал ждать реакции.

Рука Сандома какое-то мгновенье перебирала лежавшие перед ним откопированные страницы.

— В точных науках я невежда, но я слышал об *энтропии*, то есть о неизбежной деградации всякой формы энергии. Я всегда полагал, что это понятие может также применяться в науке и в идеологии к деградации духовной энергии... что и привело нас туда, где мы сейчас находимся. Я различаю в лексике этих... — он сдержался, — ученых игру слов, которая кажется мне знаменательной. Разумеется, это студенческие забавы. И нужно отнестись к этому с юмором. Машет собака хвостом — и ладно, никому не придет в голову ей мешать. Но, говоря о единицах измерения нового «элемента», они бесстрастно употребляют

термины «один гулаг», «один человеко-дух», «одна душа», далее следует «один маркс» и, под конец, да простит мне Господь, — «один христос». Также у меня перед глазами такое вот интересное примечание: «Обсудить с кем-то из коллег-гуманитариев, может быть, с Голден-Мейером, возможность разработки нового словаря терминов и обозначений, не столь оскорбительных для ненаучных умов». Вот в каком положении мы оказались. Мое мнение категорично: довести это дело до сведения всего мира авторитетнейшим голосом церкви и сопроводить это категорическим и безоговорочным осуждением.

— Это абсурд!

Восклицание прозвучало так гневно, что Сандом удивился, что за ним не последовало удара кулаком по столу. Кардинал Полдинг из США, казалось, был вне себя. Крепкого телосложения, с короткой стрижкой, багровыми складками щек и шеи, кустистыми бровями за толстой черепаховой оправой очков, он, сидя на другом конце стола, выпрямился, будучи явно не в состоянии и дальше слушать пророчества итальянских прелатов, которые характеризовал как «средневековые». Банкир по специальности, он прославился тем, что выправил финансовое положение американской Церкви и вступил в яростную полемику с кардиналом Беа на Втором Ватиканском конгрессе.

— Это западня, расставленная нашими противниками... Это очевидная провокация. От нас хотят добиться осуждения, чтобы свободный мир не мог использовать новую энергию, а в это время марксистские страны вырвутся вперед. У нас уже были подобные дебаты по поводу плутония и атомных электростанций... Какое отношение к бессмертной душе может иметь этот чисто *технический* вопрос? Ибо, в конце концов, тот факт, что новый элемент, новая элементарная частица — а их открывают каждый день! — подконтрольна уче-

ным, явственно свидетельствует, что речь здесь идет о чисто *физическом* явлении и ни в коей мере не о *духовном*... Мы имеем дело с физической энергией, с одним из промышленных ресурсов, и если мы воспротивимся ее использованию, то будем наголову разбиты коммунистами. Это открытие поможет нам бороться с бедностью в странах третьего мира, но если мы откажемся от движения вперед, то атеистический коммунизм уйдет в отрыв и вытеснит нас отовсюду...

Кардинал Монтини поднял руку. Он говорил с такой добротой, что примас Галлий в очередной раз был поражен его хрупкостью, кротким и теплым блеском итальянских глаз, в которых глубокий ум смягчался извечной средиземноморской близостью ко всему, что есть жизнь и свет. Он будет цивилизованным папой, подумал Сандом. Однако в нынешние времена требуется папа-приверженец первобытной веры. Вера должна вернуться к своим истокам, к плотникам и пастухам.

Будущий папа Павел VI напомнил прелатам, что больше нет возможности продолжать дискуссию, что все уже сказано и необходимо принять безотлагательное решение.

Оное было принято единодушно, за вычетом одного голоса, и Сандом снова неодобрительно кивнул головой: в точности это он и предвидел. Дипломатия с ее склонностью к компромиссам и уловкам была проклятием, которое угрожало будущему христианского мира. Он с безграничной грустью вспомнил слова, сказанные ему тридцать лет тому назад французским писателем Бернаносом: «Сандом, — сказал тот, — вы принадлежите к ушедшей эпохе: эпохе католической церкви».

Матье мрачно смотрел на обуглившийся тостер: это была задачка для Чавеса. Люсьен Чавес был, несомненно, лучшим технарем в команде. Когда речь шла о переходе от теории к делу, то ему никто в подметки не годился; он видел в науке этакую корову, которую следовало доить до последней капли. Практический результат — единственное, что имело для него значение. Он не терпел научных теорий, которые, по его выражению, «не несли яиц». В его глазах это было искусством ради искусства. Он не переносил ученых, которые замыкались в абстракциях и не заботились о техническом воплощении своих идей. Подобное поведение он называл «стоять у пустой классной доски».

Матье допил апельсиновый сок, прошел в ванную и принялся бриться, с привычным отвращением разглядывая в зеркале свое лицо. В период его знаменитого «кратчайшего пути», когда Франция, благодаря ему, произвела на атолле Муруроа свой первый ядерный взрыв, один пройдошливый журналист написал, что у него физиономия пирата и не хватает лишь кольца в ухе, чтобы сходство было полным. «Внешность профессора Марка Матье и, я бы добавил, его образ жизни весьма мало соответствуют нашему представлению об ученом, которого вроде бы должны отличать организованность, четкость, собранность... Во многих

отношениях его облик напоминает о „проклятых поэтах“ XIX века, Рембо и Верлене... Возникает даже ощущение, что научный гений ошибся человеком: у Матье артистический темперамент. Нельзя также не отметить поразительное сходство со знаменитым автопортретом Гогена, висящим в музее Оранжери».

Он открыл бритву и достал батарейку. По чистой случайности он знал ее донора. После первых успехов проблема «психологических последствий» породила внутри Группы Эразма бесконечные дискуссии. Нужно было придумать, в каких словах объявить об их открытии, подготовить общественное мнение, чтобы избежать волны протестов, подобных тем, что прокатились в широких массах, особенно среди молодежи, при строительстве первых атомных электростанций. Они отправились к Морису Шерону, хранителю Музея Человека, чтобы спросить его мнение. Но напросились в результате совсем на другое. У Шерона случился апоплексический удар, и он упал замертво, когда Чавес продемонстрировал ему уловитель и объяснял в общих чертах наконец-то найденное окончательное решение проблемы истощения энергетических ресурсов. Энергия, которая излучалась в момент высвобождения духа в радиусе семидесяти пяти метров от уловителя, мгновенно капсулировалась, и Матье с нежностью посмотрел на маленькую, еще теплую батарейку из кальциевого бентонита, лежащую на ладони. Торжество миниатюризации.

В скором времени энергии, высвобожденной за один уик-энд с его дорожными происшествиями, будет хватать на освещение Парижа *ad aeternum*¹.

Еще в начале работы они повесили у себя в лаборатории, в полуподвале Коллеж де Франс, плакат со знаменитым лозунгом Мао Цзэдуна, ставшим девизом

---

¹ На веки вечные (*лат.*).

их группы: «Духовная энергия должна быть преобразована в энергию материальную».

Русские и китайцы продвигались в этой области быстрее Запада: у них было больше возможностей для идеологической подготовки своих граждан, и они при этом могли работать спокойно, в полной секретности. Неразглашение информации было у них строго соблюдаемым правилом, что позволило избежать брожения умов, свойственного Западу с его несогласными всех мастей, маршами протеста, с итальянскими, немецкими и прочими террористами.

Сохранение исследований в тайне было одной из главных забот Группы Эразма. Общественное мнение было не готово, реакция простых людей могла свести все на нет.

Первый печальный опыт был приобретен несколько месяцев назад — злополучное происшествие с шофером Альбером.

Их первым прикладным успехом стал «ситроен», переведенный на новую энергию.

Когда цены на бензин взлетели и мечта о дешевом, доступном топливе стала занимать умы всех и каждого, поползли слухи о некоем чудесном «моторе на воде», изобретенном французскими инженерами. В Коллеж де Франс нагрянули журналисты.

Валенти отделался от них несколькими фразами о синтезе водорода и «огромной работе, которую еще предстоит проделать».

Слухи поутихли, но Матье с коллегами все же решили вывезти опытную установку за пределы Парижа и спрятать в гараже дома Валенти в Фонтенбло, где для нее был сооружен испытательный стенд. Гараж сторожил вышедший на пенсию водитель такси по имени Альбер Кашу, старикан в кепке, с большими седыми усами, в прошлом — участник Сопротивления, депортированный в Германию, — единственной темой

разговора у него были те два года, что он провел в концентрационном лагере.

В тот вечер Матье сидел в гараже вместе с Валенти и Чавесом. Уже полгода они тщетно пытались увеличить радиус захвата энергии. За пределами семидесяти пяти метров энергия не улавливалась. Знаменитая «гравитационная вилка» Яковлева не работала: единожды рассеявшись, энергия уже не поддавалась утилизации. Это было головной болью всех физиков, трудившихся на переднем крае атомной энергетики.

Чавес был марксистом, и такое чудовищное разбазаривание энергоресурсов выводило его из себя. В одиннадцать вечера, на грани нервного срыва, совершенно подавленный постоянными неудачами, он уехал домой. Матье и Валенти остались в гараже. Трудности с энергетической подпиткой, связанные с невозможностью увеличить радиус захвата, вынуждали их тайно устанавливать портативные ловители в больницах, что напоминало о тех героических временах, когда медики выкрадывали покойников с кладбища, чтобы изучать анатомию. Ставкой в этом деле была возможность в более или менее отдаленном будущем создать прибор с неограниченной зоной действия, способный улавливать и накапливать дух в масштабе целой страны, а после заключения международных соглашений собирать энергетическую отдачу всего человечества в целом, распределяя ее затем по потребностям. В то время как одни сетовали на истощение ресурсов, другие умирали зазря.

Валенти был убежденным либералом, и тайное присвоение энергии было для него неприемлемо с нравственной точки зрения. Права человека нужно соблюдать, и с каждым гражданином необходимо открыто обсудить то, как государство намеревается использовать его высвободившиеся жизненные силы: на заводе, в автомобиле, в стиральной машине, на фабрике по производству

сосисок или в уличном освещении. Предоставить выбор было делом принципа и знаком уважения к человеку.

Валенти и Матье, полагая, что они в гараже одни, говорили открыто. Для простоты они, как обычно, использовали старую добрую гуманистическую лексику. Они рассуждали о двигателе в «один человеко-дух» и о «душе» как единице энергии, как в России времен крепостного права говорили об «имении в тысячу душ». Время от времени, они, шутки ради, измеряли дух в «христах» и «марксах». Но польза от этих шуток тоже была: они помогали быстрее привыкнуть к новшествам. Ведь одной из проблем, которые еще предстояло решить, была проблема побочных эффектов, то есть воздействия новой энергии на психику: энергия вызывала чувство тревоги и могла привести к депрессии, сопровождавшейся галлюцинациями и видениями, напрямую связанными с уровнем культуры подвергнувшегося воздействию человека, что, вероятно, объясняло, почему так много советских ученых оказывались в конце концов в психушках.

— Понятно, что американцы и русские здорово нас опередили, — говорил Валенти. — Они уже разработали необходимый словарь и идеологическую базу. У них народ уже по привычке. А у нас...

Он ласково погладил капот синего «ситроена».

— Только представь себе: цивилизация, «построенная на эксплуатации человеческой души»! Автомобиль мощностью в четыре человеко-духа... Поди объясни им, что это всего лишь слова! А пока... кто согласится водить эту машину, зная, что она переделана для работы, так сказать, на «человеческой душе»?

Такой шел у них разговор; Матье как раз рассказывал, как он провел ночь в коридорах Сальпетриера¹ и собрал там добрую дюжину «душ», когда вдруг

---

¹ *Сальпетриер* — одна из парижских больниц.

услышал у себя за спиной какой-то хрип. Старина Альбер застыл в воротах гаража с недокуренной сигаретой в зубах; он пялился на открытый капот «ситроена». На лице его было такое выражение, как если бы его попросили отдать родине все лучшее, что у него есть, — ведь если Франция хотела остаться великой державой, сейчас она как никогда нуждалась в своих сыновьях.

— Что случилось, старина? — по-отечески спросил Матье. — Нацисты вошли в Париж?

Не в силах выговорить ни слова, Альбер наставил на «ситроен» обвиняющий перст.

— Ну да, ну да, — сказал Матье. — Мы воплотили это в жизнь. Идея носилась в воздухе давно, не хватало лишь небольшой помощи со стороны науки. Теперь будет полная занятость, дружище Альбер. Ну же, не строй такую мину. Ты будешь служить не частным интересам — эту область наверняка национализуют. Наступит социализм, так что не стоит так расстраиваться. Если все пойдет как надо, с тобой даже посоветуются, ты сможешь выбрать место службы. Ну же, старина, это на благо Франции! Как под Верденом!

— К черту! К черту! К черту! — выкрикнул Альбер и попытался выйти из гаража, но ноги у него подкосились и он рухнул на пол — лицо его стало землисто-серым, взгляд остановился.

— С чего бы этот типичный представитель народа грохнулся в обморок? Мы ведь говорим о прогрессе, — удивился Матье.

— Культурный шок, — констатировал Валенти.

— Да, предстоит длительная воспитательная работа.

Они перенесли Альбера к нему домой. Ветеран Сопротивления бредил три дня. Врач только качал головой, слушая, как больной толкует о том, что «машины теперь будут заправлять человеческим нутром», и о

«ситроене», который он видел собственными глазами: двигатель его переделан «и может до бесконечности работать на нашем духе».

— Профсоюзы! Профсоюзы! — вопил Альбер, бог знает почему, а потом обвинил врача в том, что тот пришел забрать его дух.

— Алкоголизм — язва Франции! — пробормотал Матье.

«Франс-Суар» пронюхала об этой истории и напечатала юмористическую статью о «способе борьбы с энергетическим кризисом и безработицей, открытом парижским таксистом, который предлагает использовать человеческий дух как дешевое топливо». Матье считал, что газета права и что раз уж настали такие времена, когда непримечательный студентик Принстонского университета в состоянии соорудить у себя в комнате атомную бомбу, ничего кроме юмора, иронии и насмешки нам не остается.

Несколько дней спустя жена Альбера позвонила Матье и сообщила, что ее муж умирает и что «я вам это говорю, потому что вы очень хорошо к нему относились». Матье провел весь день в лаборатории, работая над проблемой расщепления, а вечером решил съездить в гараж в Фонтенбло, чтобы поговорить с Чавесом и Валенти. Единственной свободной машиной был переделанный «ситроен», и он доехал на нем до Ла-Вилетт, где жили супруги Кашу. Новый двигатель пока еще работал неровно. Он то вибрировал, то глох: энергия стремилась вырваться исключительно вверх и не создавала давления в других направлениях. «Ситроен» был, говоря языком военных, машиной «первого поколения». Прямо к датчику уровня топлива был присоединен запасной уловитель.

Матье остановил машину перед домом Кашу и заглушил двигатель. Кузов все еще подрагивал. Избыток мощности.

Он закурил. Ему стало страшно: сейчас он вновь увидится с беднягой Альбером. Мысль о том, что типичный представитель народа пришел в ужас от того, что его дух может оказаться полезен цивилизации, наводила тоску.

Матье потянулся к двери, чтобы выйти, как вдруг двигатель заработал сам собой. Матье бросил взгляд на датчик: стрелка, которая мгновеньем раньше колебалась около единицы, установилась на цифре «2».

Не было никакой нужды подниматься на пятый этаж. До дома было менее семидесяти пяти метров. Альбер только что отдал концы и тут же прилетел пополнить запас топлива «ситроена».

Чего-чего, а технических накладок Матье не выносил.

Вернувшись домой, он напился. Он чувствовал, что вина за смерть старика Альбера лежит на нем. Но как он мог, разговаривая с Валенти, догадаться, что рядом стоит этот бравый старикашка, который истолкует их слова в столь анахроничном духе?

В общем, бедняга Альбер стал мучеником науки, вот и всё. Но в конце концов, Рабле, Монтень и Паскаль тоже ими стали.

Терпимей будьте, братья люди, к нам,
Что раньше вас прошли земным путем.
Коль явите вы жалость к мертвецам...¹

Матье стиснул зубы. Культурный побочный эффект. Как ни старались они полностью изолировать систему, всегда находилась какая-нибудь стихотворная строка, которая все же просачивалась наружу.

Прошло три дня с тех пор, как в Риме был застрелен Голден-Мейер. В восьмичасовом выпуске новостей

---

¹ Франсуа Вийон, «Баллада повешенных». Перевод Ю. Корнеева.

радио сообщало, что поиски убийцы продолжаются. Но это был далеко не первый теракт, итальянское общественное мнение к ним давно привыкло. Привыкание — все дело в нем.

Матье был уверен, что бумаги находятся сейчас в руках самых высокопоставленных лиц Церкви. Он бы дорого дал, чтобы узнать, какое решение примут эти старые лисы.

VI

В тот же день, в десять часов вечера, черный лимузин выехал из Ватикана через бронзовые ворота и взял курс на Фидзоли.

В машине сидел совершенно обмякший монсеньор Домани. Последние три дня и две бессонные ночи оставили на его лице морщины, которые, вероятно, уже никогда не разгладятся. Преподобный отец Буш из Католического института Франкфурта, один из авторов доклада, только что одобренного собранной в спешке теологической комиссией, сидел рядом с молодым священником, по-дружески положив ему руку на плечо.

У ворот кладбища Фидзоли их почтительно дожидался синьор Валли, direttore¹.

Преподобный отец Буш держал в руках старый кожаный портфель.

— Все готово? — спросил он.

— Могилу выкопали всего полчаса назад, — сказал синьор Валли. — Распоряжения поступили очень поздно, и мне стоило немалого труда найти рабочих...

— Ну что ж, будьте любезны, покажите нам дорогу.

Синьор Валли, казалось, был удивлен.

---

¹ Директор (*итал.*).

— А... где же гроб? Мне говорили что-то о похоронах...

— Проводите нас, мой добрый друг.

Синьора Валли все подмывало спросить, где же тело христианина, которое надлежит предать земле, поскольку в кожаном портфеле, который преподобный отец крепко сжимал под мышкой, усопшему было бы тесновато.

Когда они дошли до могилы, синьор Валли обнажил голову и замер в ожидании.

— Что вы здесь делаете? Уходите! — крикнул монсеньор Домани фальцетом, прозвучавшим, по мнению direttore, несколько истерично.

Синьор Валли ничего не понимал. Гроба не было. Покойного не было. Только два прелата. У одного из них — того, что постарше — было приятное, отмеченное грустью лицо. Второй, ещё очень молодой, пребывал в нездоровом возбуждении, во взгляде его читались тревога и возмущение — точь-в-точь как у цыпленка, которому сейчас отрежут голову. Синьор Валли удалился. Но единственной страстью, которую он никогда не мог в себе побороть, было любопытство. Как только он понял, что его потеряли из виду, он крадучись вернулся и спрятался за кустами.

То, что он затем увидел, совершенно не поддавалось пониманию, и он поспешил отнести это на счет двух бутылок кьянти, выпитых за обедом.

Две вещицы, которые преподобный отец Буш вынул из портфеля и бросил на дно могилы, сами по себе не представляли никакого интереса: обыкновенная зажигалка и фосфоресцирующий перламутровый шарик. Вот только шарик дважды вырывался из рук преподобного отца и, словно подталкиваемый какой-то внутренней пружиной, начинал прыгать по земле. Кинув оба эти предмета в могилу, священники взялись за лопаты и засыпали яму. Уже от одного вида этого

погребения у синьора Валли глаза повывлезали из орбит, а когда он узрел, как представители высшей церковной власти падают на колени, и услышал, как их голоса возносят страстную молитву, предавая эти два gadgetos в руки Господа, синьор Валли тихо вскрикнул, поднес одну ладонь к сердцу, а другую ко лбу и нетвердой походкой удалился, думая только об одном: поскорее вернуться к жене и вызвать врача.

VII

Виновен. Такой приговор он вынес самому себе. В этом приговоре не было ни юмора, ни иронии; и не было такой освободительной пляски, которая помогла бы от него ускользнуть.

Виновны. Благодаря таким, как он, Америка теперь способна за пять минут уничтожить *все* русские города с населением больше ста тысяч человек, *по тридцать шесть раз каждый*. Благодаря своим ученым Советский Союз может снести с лица земли *все* американские города, *по двенадцать раз каждый*. Потери США в случае термоядерной атаки со стороны СССР составят от 50 до 130 миллионов жителей, в зависимости от намерений агрессора.

Виновны. Четверть всех ученых СССР и США целиком посвятили себя исследованию и разработке оружия массового уничтожения.

Что до «души»... Компьютеры главных штабов рассчитывали ее разрушительный потенциал в *мегасмертях*: мегасмерть означала миллион погибших.

Французские военные вернулись к старому доброму значению слова «еппи», каким оно было во времена Жоашена дю Белле и Ронсара¹: степень разрушений

---

¹ *Жоашен дю Белле* (1525—1560) и *Пьер Ронсар* (1524—1585) — выдающиеся французские поэты XVII века, члены поэтической группы «Плеяда».

от ядерного удара, при которых Франции уже было бы не выжить, называлась на их языке «степенью скорби».

Что до души... Скорость дезинтергации рассчитывалась специалистами по переработке «отходов» в наносекундах. Наносекунда — это одна миллиардная секунды. Чтобы сделать энергию полностью управляемой, требовалось построить «хронометр» точностью в одну тысячную наносекунды. Что касается идеологического аспекта, то в одной лишь Камбодже удалось добиться утилизации каждой «души», то есть каждой единицы энергии. В СССР, несмотря на совершенство системы контроля, давал о себе знать побочный культурный эффект — он вызывал то, что принято называть словом «диссидентство».

Что до души... Все ученые-ядерщики знали, что 10 и 11 мая 1945 года выбор «цели» для сброса атомной бомбы обсуждался в кабинете Оппенгеймера в Лос-Аламосе. Он не сразу пал на Хиросиму. Поначалу был выбран Киото. «Мыслители» обосновали это тем, что разрушение Киото, колыбели японской цивилизации, оказало бы «максимальное психологическое воздействие» на Японию. В лос-аламосском коммюнике заявлялось: «Население Киото отличается высоким уровнем образования и потому в большей степени, чем население других японских городов, способно оценить значение нового оружия».

Лишь возражения советника Рузвельта, Гарри Стимсона, заставили отказаться от выбора Киото и остановиться на Хиросиме.

Что до души... Как с юмором писал французский генерал Жорж Бюи, скорость новых ядерных ракет такова, что они успеют достичь своих целей «в промежутке между двумя ударами сердца».

Что до души... В шестидесятые годы самый большой вклад, который физик-ядерщик мог внести в раз-

витие человечества, — это воздержаться от всякого вклада.

Он пытался отойти в сторону. Порвать со своим призванием, с самим собой, с тем, что занимало все его мысли.

Когда «гравитационная инверсия», существование которой предугадал Ёсимото пятнадцатью годами раньше, внезапно представилась Матье осуществимой на практике, он решил порвать со своим призванием.

15 августа 1968 года газеты объявили о «таинственном исчезновении ученого Марка Матье, первооткрывателя знаменитого „кратчайшего пути“, который позволил Франции стать ядерной державой».

Была выдвинута версия об убийстве. Она была достаточно правдоподобной: паритет страха требовал также паритета серого вещества. «Гениальный» мозг грозил в любой момент склонить чашу весов в пользу СССР, США или какого-нибудь нового участника гонки. ЦРУ и КГБ трудились не покладая рук. Спутники непрерывно фотографировали все вновь появлявшиеся установки.

Газеты писали также о возможном «дезертирстве», добавляя, что «профессор Матье был известен своими чудачествами и непредсказуемым характером».

Никому и в голову не пришло, что говорить надо не о «дезертирстве», а о *дефекации*¹. Дефекации, вызванной тем, что в изменившемся мире бескорыстные научные исследования стали невозможны, а самое чистое человеческое призвание втаптывается в грязь.

Матье изменил внешность, раздобыл фальшивый паспорт и укрылся в Полинезии². Он целыми днями

---

¹ Дефекация — в технике — очищение от грязи.

² Полинезийские приключения Марка Матье описаны в романе «Повинная голова» (прим. автора).

рисовал, пытаясь таким образом дать выход пожиравшей его потребности в творчестве. С отроческих лет он знал, что наука — призвание столь же могучее, столь же неодолимое, как и призвания Ван Гога, Гогена или Моцарта, — и столь же чистое. Никто пока что не нашел способа преобразовать фреску Джотто или симфонию Бетховена в смертоносное оружие: Нобелевская премия еще ждет своих лауреатов.

Но порой, посреди ночи, музыка у Матье внутри начинала звучать слишком громко. Он вставал, зажигал масляную лампу, на свет которой тут же устремлялись ночные бабочки, вероятно принимая его за свет цивилизации. Матье выходил наружу. Океан сверкал миллиардами микроорганизмов; песок был мелким, чистым, непотревоженным. Лишь шорох среди обломков кораллов — стрелой мелькнувший краб.

Матье брал щепку и, убедившись, что серебристая тень не скрывает ничьих своекорыстных глаз, опускался на колени и давал волю своему подлинному «я». Ему даже не нужно было тратить время на размышления: за месяцы воздержания в его голове успевало накопиться столько готовых тем, что оставалось лишь записывать их. Он не думал — он освобождался, полностью отдаваясь этой поэме без слов, своей безмолвной музыке. Не замечая бега времени, он предавался священной страсти часами — ползал по песку, иногда поднимался с колен, чтобы окинуть взором совокупность линий, разбегавшихся по пляжу среди миниатюрных везувиев, в которых прятались перепуганные крабы.

Он улыбался. Ему было хорошо.

Когда звезды бледнели и наступал океан, Матье бросал последний взгляд на формулы, с гордостью оценивая пользу, которую извлечет человечество из их утраты. Он дожидался, пока утренний прилив не скроет под собой его поэму. С дрожью волнения оке-

ан надвигался на письма, исполняя таким образом роль отца и хранителя рода. Океан словно боялся, как бы какой-нибудь фрагмент того, что начертала человеческая рука, не ускользнул от него. Порой океанской волне чуть-чуть не хватало сил, и тогда Матье сам стирал или затапывал следы своего творчества. Возможно, он только что спас какой-нибудь ландшафт, селение, ДНК ребенка.

А потом он растягивался на песке, в душе у него был покой, и он улыбался, не поддавшийся, не покрившийся.

Вдали в лиловых облаках все еще трепетала гроза, затем небесное ворчание утихло и оставался лишь шепот моря, в котором ученый слышал юный голос утра мира — как будто ничто не было потеряно и все пути еще были открыты.

Вскоре, однако, выяснилось, что его попытки сбежать от всех столь же тщетны, как и попытки убежать от себя. Сначала — приглашение на обед к губернатору, которое вручил ему рассыльный: на конверте стояла его настоящая фамилия. Он уже знал, что его фарэ¹ в Пуаавиа обыскивали. Неоднократно он замечал, что его «охраняют»: два телохранителя неприметно следовали за ним, куда бы он ни пошел. Причиной слезки был, вероятно, тот же страх «дезертирства» или похищения: его серое вещество представляло собой капитал, которым Франция страшно дорожила. Через несколько дней после приглашения к губернатору, на которое он не ответил, парижское радио сообщило: «Профессор Марк Матье вышелся. Он поправляет здоровье в Полинезии после длительной депрессии, вызванной переутомлением». Государство никогда не выпускало его из виду, следовало за ним по пятам.

---

¹ Фарэ — традиционное жилище полинезийцев.

Пришло письмо от Валенти. «Я по-прежнему считаю, что ты не прав. Ты нам нужен, чтобы *избежать худшего*. Русские, американцы и даже китайцы упорно тащат мир к катастрофе. Они ставят эксперименты с духом в такой концентрации, какую ты и представить себе не можешь. Свирский недавно рассчитал, что посмертная энергоотдача одного только ГУЛАГа эквивалентна пятистам миллионам киловатт в час. Они пытаются вырваться вперед любой ценой, но пока что им не хватает — и тебе это известно лучше, чем кому-либо — одного и самого главного. Для захвата и расщепления они пользуются самыми примитивными способами. Прибегают к средствам, которые с научной точки зрения являются совершенно варварскими. В любой момент может произойти авария — не мне тебе говорить, какую опасность таит в себе цепная реакция. Мощности, которыми они оперируют, попросту неуправляемы. Возвращайся. Сегодня, как никогда раньше, очевидно, что возможен только один ответ на угрозы, которые несет в себе наука: еще больше науки».

А затем прилетел Чавес. У Матье накануне ночью снова был приступ: Чавес ненадолго задержался на пляже и горько улыбнулся, глядя на затоптанные следы математических формул на песке. Вандализм.

Он пересек пальмовую рощу и вошел в фарэ. Матье сидел голый на кровати, с накинутой на плечи москитной сеткой. В углу на циновке старательно расчесывала длинные волосы таянка — за ухом у нее торчал белый цветок, а бедра были повязаны парео. У стены стояло с десяток свеженаписанных картин. Полное отсутствие в них таланта даже казалось трогательным.

— Ну да, — сказал Матье. — Абсолютно бездарные. Но я стараюсь...

Черты его обострились, густая черная борода закрывала лицо до самых скул. В глазах читался отблеск

страдания и негодования, но то, что у человека непростые отношения с самим собой, — не новость. Во внешнем облике Матье всегда чувствовалось какое-то с трудом сдерживаемое напряжение, как будто туловище, плечи и вся мускулатура постоянно находились под давлением избыточного внутреннего заряда.

— Извини, что не встретил тебя в аэропорту, — сказал Матье. — Право, не стоило лететь семнадцать часов, чтобы получить пинок под зад. Оставьте меня в покое.

— Я привез тебе несколько бумаг из Америки, — сказал Чавес. — Это чудовищно. Чу-до-вищ-но!

Матье рассмеялся:

— Чудовищно? И это все, до чего вы додумались в мое отсутствие?

— Мне бы хотелось, чтобы ты все же взглянул. Для начала, вот небольшой отчет с места происшествия...

Он протянул ему вырезку из «Геральд Трибюн».

Происшествие, которое квалифицировалось газетой как «странное», произошло недавно в Мерчантауне, штат Огайо, в лабораториях «Унгарн тулз компани». Газета писала, что эта компания проводила опыты в области ядерной физики по заказу американского правительства. Речь шла о работе с одной особенно «капризной» элементарной частицей. В лаборатории разрабатывали некую бомбу, которую газета назвала «нейтронной», и по ходу дела произошел взрыв, а странность происшествия заключалась в том, что при этом не было ни человеческих жертв, ни даже материального ущерба. Здание осталось совершенно невредимым — ни одного выбитого стекла. Ни у кого из пострадавших не обнаружили никаких видимых телесных повреждений. Но все они были, в некотором роде, *дегуманизированы*. Одиннадцать инженеров, а также ученых Торджома и Полица обнаружили стоя-

щими на четвереньках и поедающими собственные экскременты.

Матье скомкал лист бумаги. Он молчал.

— Они утратили человеческий облик, — сказал Чавес.

— Утратили человеческий облик? Ну что ж, впервые научный эксперимент привел к тем же последствиям, что и эксперимент идеологический.

— И это все?

— Нет, не все. Знаешь, что сказал кайзер Вильгельм в тысяча девятьсот восемнадцатом году после того, как загубил миллионы человеческих жизней? «*Ich habe das nicht gewollt...*» *Я этого не хотел...*

— Эйнштейн заявил примерно то же самое после Хиросимы... Это *твои* разработки, Марк, хочешь ты этого или нет...

Матье утвердительно кивнул:

— Да, стоит пойти в ванную вымыть руки — и вас немедленно объявляют Понтием Пилатом... Так на чем мы остановились?

Он провел несколько часов за чтением научных статей, привезенных Чавесом. Это были вдумчивые исследования, серьезные, честные, но... без вдохновения. Авторы бродили вокруг да около решения, как слоны. Недоставало той самой священной искры, того внезапного озарения, о котором упоминал Бетховен, говоря о Девятой симфонии. У истоков, в самых глубинах, существует единая изначальная тайна, и нет различия между тем, что станет затем поэмой, симфонией или математической теорией. Различие есть в том, какой к этой тайне будет приложен человеческий инструмент: художник, поэт, Микеланджело или Нильс Бор. Творческая энергия принимает различные формы и проявляет себя в зависимости от типа мозга, которым она овладела для самовыражения. Не подчиниться ей невозможно. За наукой ни-

когда не было и не могло быть никакой вины. Вина Вагнера в преступлениях нацистов не больше, чем вина Эйнштейна или Бора в том, что извращенные умы использовали их теории для создания оружия массового уничтожения.

Был час ночи. Маттье хорошо запомнил эти мгновения. Он прикрыл глаза и слушал безмолвную музыку, которая поднималась в нем, пока формулы и выводы сменялись в голове, как на классной доске.

Его последней осознанной мыслью была мысль о Пикассо. Что осталось бы от мира, если бы эта созидательная и одновременно разрушительная гениальность принадлежала физику-ядерщику?

Он уже не думал: он слушал. Его мозг не посылал сигналов: он их *получал*. Они приходили извне. То была гармония, которую он слышал ясно и отчетливо и которую оставалось лишь записать.

Чистейшее эстетическое наслаждение. Красота идеального порядка, наконец-то достигнутого, когда все, что было бессвязным, фрагментарным, бесформенным, обрело, наконец, свое место в совершенной гармонии.

Он нетерпеливо оттолкнул привезенные Чавесом бумаги.

«Динозавры какие-то», — подумал он.

И потянулся за карандашом.

Несколько раз он выходил из фарэ, чтобы перевести дух.

Океан спал: не было никого, кто мог бы говорить от имени человека. Из водной дали катились к пляжу длинные белые буруны. В пальмовых рощах из темноты выступали лишь неподвижные кроны. Вода фосфоресцировала и переливалась миллионами невидимых жизней.

Лицо, что было у меня
До сотворенья мира.

Сутки спустя, в три часа ночи, он закончил.

— Вот, — сказал он.

Чавес сидел напротив. Выглядел он еще более изнуренным, чем Матье. Очки на его сухом, остроносом, костлявом лице поблескивали какой-то болезненной неудовлетворенностью: неудовлетворенностью вечно-го ведомого.

— Готово, — сказал Матье. — Теперь можете начинать.

Чавес бросил растерянный взгляд на стопку бумаги.

— Мне за тобой не поспеть. У меня уйдет недели две, чтобы в этом разобраться.

— Можешь на меня положиться.

— Ну, это конечно, — злобно сказал Чавес. — Такой мозг, как у тебя, встречается два-три раза в столетие.

— По-видимому, чаще и не надо, — отозвался Матье. — Теперь ваш черед.

— Будь спокоен. Интендантская служба не подведет.

Матье рассмеялся:

— Да будет тебе, старина. Не нужно недооценивать роль техники...

— Однако, по-моему, ты сам говорил, что технология — задний проход науки, — сказал Чавес.

Он встал. От внутреннего напряжения губы у него побелели.

— Если это сработает...

— Сработает. Обязательно сработает. Все к тому и вело — наука, идеология, Бухенвальд, Хиросима, Сталин. Оставалось только воплотить в жизнь.

Губы Чавеса искривились в иронической улыбке.

— У тебя не начнутся снова муки совести?

— Совесть? Что это такое? Я — ученый.

— Вспомни, что сказал Кагельман по поводу загрязнения вод и разрушения озонового слоя: «Есть лишь один ответ на вред, ошибки и опасности, которые несет в себе наука...»

— «...еще больше науки». Это неоспоримо.

— Ты отдаешь себе отчет, что это означает, — то, что ты только что придумал... Если оно сработает...

— Сработает. Не может не сработать. Это, вероятно, было запрограммировано с самого начала, записано в генетическом коде.

Чавес не слушал. Он рассказывал по фарэ в лихорадочном возбуждении.

— Источник безграничной, неистощимой, абсолютно чистой энергии — никакого загрязнения или отходов. И себестоимость, можно сказать, нулевая...

Матге какое-то время слушал его с ненавистью, затем вышел из фарэ.

Луна хранила свое серебро: пляж сиял непорочной белизной начала времен и первых надежд.

Терпимей будьте, братья люди, к нам,
Что раньше вас прошли земным путем.
Коль явите вы жалость к мертвецам,
В свой срок и вам Господь воздаст добром.

Убежать не удалось. Он не мог скрыться от своей сущности, от своей биологической данности. То, что он набросал в эту ночь, когда столь долго сдерживаемое вдохновение выплеснулось бурным, неудержимым потоком, не отпускало его и непрерывно накатывало новыми волнами. Теперь *было можно*, а значит и *должно* идти дальше.

Он поднял глаза к небу и поискал созвездие Псов.

Человеческие или обезчеловеченные?

Это одно и то же.

Нужно идти до конца. Дать им то, за чем они гнались с таким упорством.

Матье вернулся в Париж.

Как бы там ни было, уже не в первый раз любовь к человечеству оборачивалась ненавистью к человеку.

— Марк...

Она стояла в дверях ванной с халатом в руках, и на миг Матье испытал зрительный восторг — всего на миг, зная, что в следующие секунды какое-нибудь движение или жест спугнут очарование. Ее невинный голубой взгляд, который ничто не могло обесцветить, ее великолепное тело, сотворенное из бело-розовых излишеств, были связаны с жизнью узами такой крепкой дружбы, что казалось даже, будто природа, состязаясь с человеком, нарочно решила продемонстрировать ему свое превосходство. Матье охватило страстное желание навсегда удержать это мгновение красоты: тот, кто впервые изобразил бегущую антилопу на неровной стене пещеры Ласко¹, вероятно, подчинялся тому же зову — зову красоты, удел которой — тлен. Она надела халат, и Время — этот старый грабитель — прошло, утаскивая свою добычу.

— Марк, прости меня, пожалуйста. Я не знаю, что со мной. Это нервное... Какая-то тревога...

Иммунитет, подумал он. Нужно любой ценой повысить иммунитет. Но это не в компетенции физиков. Тут должны потрудиться психологи. Пропаганда, все дело в ней. Эта гадость оказывает страшное психическое воздействие. Не исключено, что справиться с этим могут только генетики. Уже сейчас, в Америке,

---

¹ *Пещера Ласко* — один из известнейших памятников эпохи палеолита, пещера на юго-западе Франции, на стенах которой сохранились древние изображения.

в Стэнфордском университете, эксперименты с генами дают многообещающие результаты.

Он опустил глаза.

— Милая, есть лишь один ответ науке: еще больше науки...

Она рассмеялась:

— Мне нравится, когда ты говоришь мне вещи, которых я не понимаю. От этого мне начинает казаться, что я умная. Взгляни...

Она вытянула вперед запястье.

— Я надела часы, которые ты мне подарил. Видишь, я не боюсь. Они будут идти... вечно, правда? — Ее голос задрожал. — Кто... кто там внутри?

Безнадежно.

— Никого. Это нуклон. Элементарная частица, которую мы выделили и капсулировали.

Матье говорил себе до этого тысячу раз, что найди он женщину, которая бы его не понимала, они бы были по-настоящему счастливы. Счастье вдвоем требует очень редкого качества: неведения, взаимного непонимания — идеальный образ другого должен оставаться нетронутым, как в самые первые мгновенья. Он мог сказать теперь, что нашел то, что искал, — и эта находка оборачивалась пыткой. Он встал, обнял ее, пытаясь спрятаться, забыть о том, что Валенти, жуя сигару, называл в моменты философских забав «тяжбой человека»¹. *Виновен*. Какой великий моралист написал: «*Всякая цивилизация, достойная того, чтобы так называться, всегда будет чувствовать себя виноватой перед человеком, и именно по этому признаку, по этому чувству вины я и узнаю цивилизацию*»? Паскаль, наверное. Или Ларошфуко. Или Камю. Все они сплошь аристократы, эти мерзавцы. Думали, понимаешь, о высоком. Куда выше собственной задни-

---

¹ «Тяжба человека» — название эссе Ромена Гари.

цы. Им никогда не нужно было решать *научных* задач. Они понятия не имели, что это такое — истощение ресурсов, источников сырья и энергии. Они ударились в поэзию, в морализаторство. Они были выше всего этого. Похоже, они даже не подозревали, что есть неустранимое противоречие между проблемой материального выживания человечества и рафинированной заботой о наших духовных конфетках.

Он спрятал в белокурых волосах свою повинную голову.

Если взять за единицу измерения один христос, то бурный рост населения в конце века, похоже, имел своим следствием преумножение числа Иуд.

Он пытался справиться с внутренней бурей: таким было бы кипение брата-Океана, сумей тот выразить себя в голосе одной-единственной капли.

VIII

На подоконнике сидели воробьи, а возвышающийся над крышами Пантеон — такой же собственник и гордец, как петух в курятнике — прятал под своими крыльями бессмертные захороненных в нем великих людей. Последние лучи солнца падали на красный плиточный пол, и голос Матъе наполнял комнату: «Мэй, если ты не перестанешь впутывать Бога в это дело, ты просто заболеешь. Сама подумай: если бы Бог существовал, я бы давно уже заинтересовался таким источником энергии. Если нам хватит средств...» Больше на пленке ничего не было, и Старр выключил магнитофон.

— Кончится тем, что этот тип сделает себе харакири из-за гипертрофированного чувства юмора. И любит же он пошутить. Впрочем, ведь играл же Эйнштейн на скрипке, и, позволю себе заметить, так, что хоть уши затыкай. Это все?

— Все.

Старр перегнулся через подоконник и вытряхнул содержимое своей трубки на Париж.

У полковника Старра было нездоровое, изможденное лицо, которое, казалось, вылепила не природа, а череда автокатастроф. При первом взгляде создавалось впечатление, что ему недостает некоторых черт, хотя невозможно было сказать, каких именно. В глазах то

и дело вспыхивал пронзительный ледяной отблеск, который обычно свидетельствует о безоглядном фанатизме или о полнейшем отчаянии; в случае Старра это была всего лишь игра света на бледной фарфоровой голубизне. Из-за туго натянутой кожи, резких черт лица и очень коротко остриженных волос голова его напоминала кулак. Сонная артерия, удивительно выпуклая — почти вдвое толще обычной, — выступала на крепкой шее, больше напоминая мышцу, а не артерию.

— Ты спросила его, почему они регулярно передают сведения о своих открытиях не только нам, но и русским, и китайцам?

— Да.

— И что он тебе ответил?

— «Потому что эти мерзавцы того заслуживают...»

У Старра вырвался невеселый смешок.

— Джек...

Она сидела в высоком, с прямой спинкой кресле в стиле Людовика XI, обитом геральдическим штофом; ее обнимали когтистые лапы средневековых грифонов — настоящее привидение из Нового времени: туфли без каблучков, белый синтетический плащ, чудной берет на голове и сетка с апельсинами на коленях.

Прошел уже год с того дня, когда в посольство Соединенных Штатов в Париже явилась высокая светловолосая девушка, совсем молоденькая, стриптизерша по профессии. В глазах ее читалась тревога. Она заявила: «Я живу с человеком, который обратил нашу душу в топливо. Да, в горючее... в энергию. Я не сошла с ума. У меня с собой документы. Это что-то... ядерное. Я бы хотела поговорить с кем-нибудь, кто в этом разбирается».

Ее трижды выпроваживали. Пока кто-то из жалости не полюбопытствовал, есть ли у нее родственники

в Париже. Нет, родственников у нее нет. Но есть любовник. И зовут его Марк Матье.

Двумя днями позже в Париж прибыл Старр.

— Джек, я не могу так больше. Я люблю его. То, что вы заставляете меня делать, ужасно.

— Никто тебя, малышка, не заставляет. Ты сама к нам пришла... Вспомни.

— Знаю...

Старр отметил, что за год она немного утратила свежесть, но стала при этом очень красивой. Нервное истощение и внутренние терзания сделали свое дело.

— ...Но я не могу так больше. Мне приходится шпионить за Марком, лгать ему, рыться в его бумагах — мне это не по силам... Микрофильмы и все остальное. Тогда я пришла к вам потому, что слегка свихнулась. Я была ужасно напугана.

— А теперь? Ты успокоилась?

— Нет. Разумеется, нет. Но он почти убедил меня. Он столько раз повторял, что к их исследованиям неприменимо понятие «совесть», так же как и к...

— К ядерной физике?

— Да. Он рассказывал мне о нейтронной бомбе, которую вы сейчас разрабатываете, и... по сути, он прав... Это...

— То же самое?

— Да.

Старр в задумчивости посасывал трубку.

Все из-за того, как она сидит сейчас перед ним, подумал он: сжав колени, вцепившись руками в сетку с апельсинами. И этот ее беретик. И эти белые носки и туфли без каблуков. Этаким потерянный ребенок, который даже у такого законченного сукиного сына, как он, вызывал желание уберечь, защитить, спасти...

— Не будем углубляться в духовные материи, Мэй. Это не моя область. Пожалуйста, давай ограничимся наукой. Твой парень работает по пятнадцать часов в

сутки, и мы должны знать, как далеко он продвинулся. Китайцы строят сейчас такой огромный коллектор энергии, что нас просто колотит. Русские тоже бросили на это все силы... Любая информация об открытиях Матье, которую мы получим *раньше остальных*, может позволить нам сделать рывок. Ты должна нам помочь.

Она закрыла глаза и кивнула головой. По щекам ее покатались слезы.

— Никто не говорит мне правды. Никто. Я ходила к преподобному отцу Рике...

— Это еще кто такой?

— Который читает проповеди в Нотр-Дам.

— И что он тебе сказал? Мне правда интересно.

— Что наша душа участвует во всем, что делает человек, и это справедливо даже в области атомной энергетики... Понимаешь...

— Понимаю. Так вот, послушай. Если ты все для себя решила, это наша последняя встреча. Но я хочу, чтобы ты все же поняла, о чем идет речь. Чтобы ты это ясно осознала, раз и навсегда.

Она подняла глаза:

— Я прекрасно осознаю это, Джек. Речь идет о *проклятии*.

Старр отвел взгляд. В кои-то веки христианская вера способна помочь ЦРУ.

Он не проронил ни слова в ответ.

— Вот почему я пришла к вам. *Проклятие*. Вот над чем работают Марк и остальные. Вы можете называть это нейтронной бомбой, или переработкой отходов... или «полным циклом», как они называют это на своем языке... Но речь идет именно о проклятии.

Старр резко поднялся, подошел к круглому столику в стиле Людовика XV, на котором стоял поднос, и налил себе виски. Он размышлял о том, что «проклятие», если все же это слово имеет какой-то смысл, — про-

цесс весьма длительный, а если точнее — нескончаемый. Конечное проклятие — это терминологическое противоречие, а значит, проклятие может длиться вечно. Возможно, за это время успеют даже создать новую цивилизацию. Это как-то успокаивает. Он вернулся к окну и устроился на подоконнике; глядя под этим углом, казалось, что Нотр-Дам сидит у него на плечах.

— Матье сам снабжает нас информацией, — произнес Старр. — Так что ты не предаешь его. Просто мы хотим получать сведения чуть раньше остальных. Соперничество между великими державами — ты прекрасно это понимаешь.

Она тряхнула головой.

— Все вы сволочи, что одни, что другие, — сказала она совершенно спокойно и слегка улыбнулась.

— Суть дела в том, чтобы предугадать, кто именно — страны свободного мира или авторитарные режимы... — Старр прервал свою речь и рассмеялся. — К черту! И чего это я заговорил таким тоном, будто прошу повышения по службе? Захочешь бросить нас, малыш, только намекни. Придумаем что-нибудь другое.

Апельсины у нее на коленях сверкали в лучах солнца.

— Я и дальше буду помогать вам, — сказала она. — Лучше, чтобы это все же была христианская страна, чем...

Старр поспешно отвернулся: не время для цинизма.

— Джек, ты подходил близко к... к одной из этих штуквин?

— Разумеется. Наш технический отдел сделал несколько экземпляров.

— Тебе не кажется, что это... заразно?

— Что заразно?

— То, что внутри. Оно пытается общаться...

— Тебе нужно отдохнуть.

— Происходит утечка...

— ЧТО?

— Страдание внутри настолько велико, что ему удается... просочиться... Оно передается...

— Послушай, Мэй...

Голос Старра внезапно посуровел. Во рту у него пересохло, и он почувствовал комок в горле.

— Миллионы людей по всему миру живут в постоянных страданиях — и ничего не «просачивается». Не передается. Но возможно, в нашем случае имеется все-таки какое-то вредное побочное воздействие. Возможно, какие-то химические вещества проникают сквозь оболочку наружу. И они могут наносить вред нервной системе. Однако это всего лишь часть более общей проблемы загрязнения, которую рано или поздно нам обязательно удастся решить. Ведь это пока что экспериментальные модели, и они еще будут совершенствоваться. — Старр поднялся. — Мне нужно идти.

В этот момент он заметил на стене пейзаж Сезанна: гору Святой Виктории. Едва он успел разглядеть ее, как картина исчезла. На ее месте оказалась мертвая собака, привязанная к дереву. Одна из тех животных, что французы оставляют подыхать, отправляясь в отпуск. В следующее мгновение на стене появился норвежский охотник, который смотрел на Старра и смеялся. В поднятой руке у него была дубинка, готовая вот-вот обрушиться на белька. За этим последовали груды трупов в Бухенвальде и Мадонна эпохи Возрождения.

Культурное побочное воздействие. Его предупреждали.

На лбу у него выступили капельки пота, он повернулся к Мэй. Знать-то об этой проблеме он знал, но свыкнуться с ней у него пока никак не выходило.

— Ты случайно не принесла какой-нибудь из их последних шедевров?

— Да. Марк сам мне его дал.

Она сняла с запястья часы.

— Очень красивые.

— Что-то не так со стеклом. Циферблата совсем не видно. Плесень, что ли.

Старр сунул часы в карман. Затем поцеловал Мэй в лоб, сам себя ненавидя за этот показной псевдоотеческий жест. Внезапно он ощутил ужас перед своим собственным лицом, перед суровыми чертами, перед глазами, в которых не было и тени иллюзий. Сентиментальность — вещь недопустимая, но ведь есть еще и то, что на языке ядерного оружия называется *overkill*, дословно — «чрезмерное убийство». Это прекрасное выражение обозначает число убитых, превышающее то число, что требовалось для победы. Он так тщательно вымарал в себе следы «сентиментальности», что те проступили на его лице неизгладимым отпечатком. Вот так человек и превращается в камень.

— Не терзай себя, Мэй. Это в природе человеческого гения — искать. Поиски, стремление к невозможному. Всегда идти дальше и дальше. А когда кажется, как, например, в этом случае, что ты зашел *слишком* далеко, это означает лишь одно — ты зашел *недостаточно* далеко. Поиски нужно доводить до конца.

В ее по-детски чистых голубых глазах блеснула грусть.

— Как и предсказывалось, — произнесла она.

— Малыш, мы, агенты американской разведки, люди простые. Мы не привыкли смотреть на бога как на подрывной элемент.

На улице Старр внимательно изучил часы. Стекло было влажным, всё в капельках. Эта штука внутри — потеет, подумал сидевший в нем циник. Но нужно было быть осторожным. Сплавы, из которых

делались корпуса батареек, оставляли пока желать лучшего. Поэтому имело место вредное побочное воздействие — вроде того, что он только что испытал на себе. Нередко возникали галлюцинации, сопровождавшиеся то ликованием, то глубокой подавленностью. Советские психиатры очень заинтересовались этим феноменом и обнаружили, что у жертв этого отравления часто возникают «реформаторские и мессианские» наклонности. Похуже, чем какой-нибудь ЛСД. Эта штука по действию подобна наркотику контркультуры, и нужно хорошенько с ней разобраться, прежде чем она попадет в руки подрастающему поколению.

Бывший тронный зал императорского дворца в Пекине теперь был строгим, пустым помещением; от недавнего прошлого в нем уцелел только красно-желтый плакат, занимавший всю стену: Ленин, выступающий перед толпой трудящихся, со знаменитой фотографии 1917 года.

Пэй старался не поднимать глаз. Невозможно было смотреть на старика, сидевшего в большом, обитом серым войлоком кресле возле окна, и не чувствовать себя при этом бестактным и грубым. Характерная, почти идеальная округлость лица Мао стерлась, и сходство с каноническим портретом приняло характер пародии: черты смешались и одряхлели, превратившись в небрежный набросок прежнего облика. Легендарный военный френч лишь подчеркивал одряхление плоти.

— Этот скачок науки открывает новую захватывающую перспективу перед таким старым, уже мало на что годным человеком, как я...

Его речь в последнее время стала неуверенной и порой переходила в бормотание: отныне во время визитов глав иностранных государств нужно было прибегать к помощи «переводчиков», которые в действительности были специалистами в чтении по губам.

— Я всегда боялся, что однажды наступит день, когда мне уже нечего будет дать моему народу. Теперь

же, благодаря этому новому открытию, я смогу вечно вносить свой вклад в дело прогресса Китая... Нам предстоит еще многое сделать, особенно в области образования. Думаю, мне хотелось бы стать светом...

Он улыбнулся.

— Представь маленькую сельскую школу. Темнеет. Учитель зажигает лампу. Дети обращают свои взоры к этому источнику света, и учитель говорит: «Этот свет продолжает идти к нам от нашего вождя Мао, основателя государства, который умер пятьдесят лет назад. Его энергия не была утрачена и не утратится никогда: согласно его воле, она стала светом. Он выбрал эту школу потому, что родился в этой деревне. И прежде чем начать урок, я призываю вас с благодарностью склониться перед этим сиянием, которое никогда не погаснет. Каждое новое поколение будет приходить сюда, садиться на эти скамьи и продолжать учебу в его негаснущих лучах...»

Он умолк и задумчиво посмотрел на Пэя.

— На совещании ты единственный высказался против, Пэй... Единственный. Было бы лучше, если бы ты поделился со мной своими сомнениями и опасениями до того, как изложишь их публично.

Генерал Пэй поймал себя на том, что беспокойно сглатывает слюну. Эта нервозность и усилия, которые он прилагал, чтобы не обнаружить ее, тут же оборачивались чувством вины: он считал, что эта попытка скрыть свои чувства свидетельствовала о недостаточной лояльности.

— По моему смиренному мнению, мы слишком спешим в этом деле, — сказал он. — Я безоговорочно признаю необходимость исследовать и использовать все источники энергии, которые стали нам доступны благодаря нашей идеологии и науке. Но я считаю, что мы недооцениваем живучесть предрассудков и стереотипов мышления, доставшихся нам от предков, — нам

еще не удалось их побороть. В донесениях, поступивших из провинции, сообщается о случаях, когда семьи совершают настоящие паломничества, чтобы поклониться этим новым аккумуляторам энергии. Неоднократно нашим ответственным лицам приходилось убирать подношения — рис и цветы. В этом есть что-то, досадно напоминающее прежний культ предков... Идеологическая подготовка пока оставляет желать лучшего. Конечно, это касается, главным образом, пожилых людей, но этот яд исходит из глубины веков, и мы еще не избавились от него окончательно. Нельзя допустить, чтобы новые электростанции стали объектами культа. Я рекомендовал глубже изучить причины нашей культурной отсталости в этом вопросе. Наши труженики от науки первыми заявляют о том, что они пока что не в состоянии сделать новый источник энергии полностью управляемым. Они отмечали случаи тревоги, депрессии, галлюцинаций и даже массовой истерии. Именно по этой причине я выразил некоторые сомнения, идущие вразрез с позицией военных и партийных руководителей, слишком нетерпеливых, слишком озабоченных, как мне кажется, сиюминутной пользой. Я рекомендовал ввести мораторий сроком на полгода. Должно быть, я заблуждался. Может, мне самому не хватает идеологической стойкости.

Генерал Пэй был сыном крестьянина. Воспитавшие его католические миссионеры предсказывали одаренному ребенку блестящее будущее. Миссионеры не ошиблись: Пэй Сю был теперь самым молодым генералом Народной Республики. Иногда ему казалось, что благожелательностью и поддержкой Мао Цзэдуна он обязан не столько своим способностям, сколько молодости и скромному крестьянскому происхождению. Все партийные руководители были на сегодняшний день глубокими стариками, так что, каковы бы ни были их заслуги, они в глазах Мао являли собой связь

с прошлым страны, напоминали ему о Китае слабом, истощенном и коррумпированном. Но Пэю было всего тридцать два: за ним было будущее...

— Кроме того, мне кажется, что отдавать приоритет чисто экономическим соображениям — рентабельности и эффективности новой энергии — противоречит вашему учению, — сказал он.

Осунувшееся лицо старика на миг оживила улыбка. Он на протяжении пятидесяти лет сражался с целым миром, выказывая чудеса мужества, энергии и хитрости, а теперь, когда он завершал свое дело, которому ничто вроде бы уже не угрожало, ему в очередной раз приходилось бороться за собственное политическое выживание.

IX съезд единогласно провозгласил маршала Линь Бяо «наследником и преемником любимого Мао Цзэдуна», при этом мнением самого Мао не заинтересовались.

Улыбка старика сделалась более осмысленной. Приятно снова ощутить, что тебе грозит опасность. От этого молодеешь.

Он посмотрел на безмолвные деревья перед окном. Когда-то там летали ласточки и воробьи, но теперь их планомерно истребляли по всему Китаю как вредителей.

— Как дела у Лянь? — тихо спросил он.

Пэй поднял глаза и встретился со взглядом благожелательным, как все мудрое. Он знал, что его раскусили, что его видят насквозь, и тут уже не до диалектических ухищрений: подлинные причины его поведения на последнем заседании Совета носили сугубо личный характер. Он хотел выиграть время, отложить на несколько месяцев новый скачок, которого единодушно требовали вышестоящие партийные органы и военные руководители. Он порекомендовал задержать на полгода ввод в эксплуатацию энергетического ком-

плекса Фуцзинь по весьма предосудительным мотивам: видимо, ему не удалось полностью избежать пагубного влияния догм, привитых в детстве миссионерами.

— Врачи уже не в силах ей помочь... Это вопрос нескольких недель... Она очень признательна вам за прекрасные цветы...

Лянь была подругой его детских игр. А теперь она умирала от туберкулеза в народной больнице Фуцзиня: слишком поздно поставленный диагноз — болезнь, напоминавшая о том времени, когда нищета и недо-едание были великой, единственной демократической верой Китая.

В Китае больше не было нищеты. Народные массы своим духом вскормили эксперимент такого размаха, какого мир еще не знал. Дух китайского народа совершил настоящее чудо: сместил горы, изменил течение великих рек, победил невежество, обеспечил каждому материальный достаток, покончил с тысячелетней бедностью. Но для Пэя размах этих свершений, самоотречение китайского народа и его каждодневные жертвы свидетельствовали о простой истине: дух китайцев был священным духом. Религиозные, архаические понятия были тут ни при чем, под словом «священный» он имел в виду глубокое почтение, и почтение это требовало поставить предел рентабельности, эффективности, эксплуатации — использованию народного духа.

— Я готов выступить с самокритикой, — сказал Пэй. — Теперь я осознаю, что за моим возражением против ввода в эксплуатацию электростанций Фуцзиня стояла личная, субъективная, эмоциональная причина... Впрочем, мой голос был единственным голосом против, что доказывает, что я полностью ошибался.

Лицо Мао Цзэдуна было по-стариковски невыразительным, однако виной тому была лишь мышечная усталость. Старость не имела власти над этим взглядом и улыбкой, так часто проступавшей на его губах,

что непонятно уже было, улыбка ли это еще или начало эрозии.

— Душа... — Он устало взмахнул рукой. — Душа, Пэй, конечно же, существует, но это не то, что пыталась представить из нее на протяжении веков реакционная пропаганда. Ты, как и я, сын крестьянина, а значит, тебе, как и мне, известно, из чего веками состояла душа китайского народа: из голода, холода, страха, невежества, болезней и надежды. Надежды... А сегодня речь уже идет только о надежде. Благодаря тому, что китайский народ совершил одной лишь силой своего духа, речь идет уже только о надежде...

Наступила новая пауза. Печаль только подчеркивала, как он одряхлел.

— Но кто говорит о надежде, тот говорит о будущем, а меня в нем уже не будет... Значит, мне нужно принять решение сегодня, сейчас... А мне не всегда говорят правду. Так что я хочу, чтобы ты отправился в Фуцзинь, посмотрел, что там происходит, и сказал мне, что об этом думаешь. И поскорее... Смешно: чем старше становишься, тем больше приходится торопиться... Ты ведь знаешь, у военных далеко идущие планы... Но во всей этой затее пока еще много неясностей, и, возможно, она представляет собой страшную угрозу. Они присылают мне из Фуцзиня одни лишь оптимистические и исполненные энтузиазма доведения, но ставка в этой игре слишком велика для заказного оптимизма... Не было ни одного неблагоприятного отчета, и это вызывает у меня крайнюю настороженность. Источники безграничной мощи почти всегда являются и источниками катастроф... Нужно знать границы возможного. Не для того, чтобы остановиться, а для того, чтобы, дождавшись подходящих условий, поманить невозможное. Именно так я всегда и делал, и у меня это неплохо получалось. Я хочу правды.

— Я немедленно отправлюсь туда.

— Тот, кто знаком с прошлым нашего народа, знает, что его выносливости нет предела. Но делать ставку на эту его безграничную выносливость — значит делать ставку на прошлое...

На сей раз это была не просто тень улыбки: на его лице заиграла ирония...

— Эта мысль принадлежит не Мао: это высказывание Чжоу Эньлая¹. У военных, как тебе известно, очень далеко идущие планы. Но осуществляются они или нет, зависит от эксперимента в Фуцзине. У них там образцово-показательная коммуна, и ее идеологический уровень очень высок. Я хочу, чтобы ты посмотрел, что там происходит, и сообщил мне свое мнение. Я не доверяю донесениям. От них веет фальшью, а я хочу правды.

— Я скажу вам правду.

— И ты повидаешься там с Лянь. Скажи ей, что старик часто о ней думает.

— Она будет очень рада, — ответил Пэй.

---

¹ Чжоу Эньлай (1898—1976) — китайский политик, первый председатель госсовета КНР.

Матье провел ночь за мольбертом. Ничего путевого на холсте никогда не возникало, он уже давно смирился со своей бесталанностью, но после нескольких часов возни с красками чувствовал себя лучше. Уже больше семи лет он каждый день подвергался в лаборатории побочному воздействию, и живопись, музыка и поэзия были для него средствами детоксикации, они помогали бороться с деморализующим эффектом. Как первые рентгенологи, он внимательно наблюдал за собой, мгновенно распознавая признаки отравления, степень которого зависела от полученных доз. Ученые, несшие в последнюю четверть века ответственность за судьбу мира, не могли позволить себе психические отклонения. От их уравновешенности и ясности ума зависело будущее. Так что Матье оборонялся, как мог, а живопись была способом избавиться от опасных «душевных состояний», представлявших собой профессиональный риск для всех, кто работал с передовым топливом. Такие выдающиеся физики, как американец Эдвард Теллер, отец водородной бомбы, сэр Брайан Флауэрс, председатель британского Королевского общества по ядерной энергетике, или Лев Коварски, великий французский физик-атомщик, — разве они не выступили недавно против первого реактора-размножителя «Супер-фе-

никс», который сами же и разработали? Для тех, кто работал над новыми источниками энергии, так называемые «душевные состояния» были, похоже, общим делом.

Едва Матье отложил кисть, как зазвонил телефон. Он бросился к аппарату, опасаясь, как бы звонок не разбудил Мэй.

— Профессор Матье?

— Да.

— Моя фамилия — Старр, полковник Старр, американские вооруженные силы. Я хотел бы встретиться с вами.

— Сколько? — спросил Матье.

— Простите, не понял?

— Сколько ЦРУ готово заплатить за доступ к нашим последним результатам, полковник? Русские уже сделали нам очень достойное предложение.

Старр рассмеялся:

— Учитывая, что вы бесплатно сообщаете эту информацию всем ядерным державам, не понимаю, зачем мне ее у вас покупать.

— О чем же тогда речь?

— Буду откровенен. Некоторое время тому назад мне было поручено... гм... ну, скажем, обеспечивать вашу безопасность. Не напрямую, разумеется, а...

— Понимаю. И что же?

— А то, что вы, вероятно, не удивитесь, узнав, что, будучи вынужден «думать» днем и ночью о феномене Матье, порой до тошноты...

Матье начинал нравиться этот человек.

— Спасибо.

— ... я надумал, что не прочь повстречать это мифическое животное лично.

— Отлично. Тогда приходите в штаб-квартиру съесть со мной по круассану.

— В штаб-квартиру?

— В штаб-квартиру секретных агентов. В «Славный табачок».

— Надо же, как занятно! — сказал СтARR. — Именно оттуда я вам и звоню.

ХІ

«Славный табачок» был излюбленным местом шлюх. С одиннадцати утра девицы уже мерили шагами тротуар на улице Форжо. Матье направился к стойке, и Рене выдал ему его утреннюю пачку сигарет «Капораль».

— Как дела, Рене?

— Порядок... вот только Нанетта снова завалила экзамен в автошколе...

Нанетта, в высоких черных сапогах на шнуровке и в кожаной мини-юбке, выслушивала слова утешения от сгрудившихся вокруг подружек. С ростом уровня жизни проститутки постепенно перебирались с панели за руль.

— Пусть попробует еще разок, — сказал Матье. — Усилие воли, и все получится.

Матье бросил дружелюбный взгляд на своих ангелов-хранителей. Возможно, один из них окажет ему услугу, которую он не в силах оказать самому себе: положит конец его призванию.

За десятилетие, прошедшее после «случайной смерти» профессора Чарека, утонувшего на побережье Массачусетса, Соединенные Штаты потеряли Расмила, Лучевски, Паака, Спетаи — у всех у них начались проблемы со здоровьем, которых ничто, казалось бы, не предвещало. В бюллетене Уоллоха, опубликованном в

Кембридже, значились пятеро советских ученых первой величины, исчезнувших со сцены в 1967 году. Франция лишилась Бернера в 1963-м, Ковала в 1964-м; Англия потеряла Барлмонта, Франка и Густавича. Официально все это были смерти от естественных причин. В январе 1971 года передовица студенческой газеты университета Беркли «Фри спич» порекомендовала великим державам заключить джентльменское соглашение: специально созданная комиссия определяла бы каждый год число и фамилии ученых, подлежащих уничтожению, а страны, поставившие свои подписи под этим документом, брали бы на себя обязательство ликвидировать своих ученых сами: этакое новое Хельсинкское соглашение, позволяющее сохранить «равновесие страха».

Русский из КГБ занимал столик у двери в уборную. За ним обосновался типичный французский рабочий — вот разве что с беретом он перестарался. К тому же, у французских рабочих не было времени в такой ранний час потягивать кофе. Шалле, сотрудник французской контрразведки, болтал с девицами. Франция «опекала» Матье со времени его полинезийской вылазки, заботясь не столько о его безопасности, сколько о том, чтобы он не предложил свои бесценные услуги какой-нибудь другой стране. Матье сразу же узнал агента ЦРУ и подсел к нему за столик.

— Поздравляю! — сказал, смеясь, Старр. — У вас наметанный глаз! Даже немного обидно, что вы меня так легко вычислили.

— Голову чистокровного американца можно узнать из тысячи, — сказал Матье.

— Спасибо. А то мне уже надоело выслушивать, что у меня физиономия пруссака.

— Это примерно одно и то же.

Старр иронически прищурил глаза:

— Профессор, только не говорите, что у вас какие-то фобии в отношении Америки. С тех пор, как вы

стали оповещать о своих работах все великие державы, я смотрю на вас как на человека, начисто лишённого предрассудков. Иными словами, я считаю, что вы ненавидите нас всех — причем с величайшей беспристрастностью.

Гастон, хозяйский фокстерьер, подошел, вихляя задом, к их столику, и Матье отдал ему свой круасан.

— Кстати, — продолжил Старр, — ваши специалисты-психологи говорят о вас как об одном из тех пламенных идеалистов, что разрываются между любовью и ненавистью к роду человеческому... Что-то вроде немецкого террориста... но бесконечно более опасного. Этим замечанием я лишь выказываю почтение вашему гению...

— Этим вы его только опошляете, полковник, — сказал Матье. — Как поживает мой друг Каплан? Я слышал, у него были кое-какие проблемы из-за побочных эффектов...

— Небольшой нервный срыв. Галлюцинации. Вам это знакомо?

Матье ничего не ответил. Он гладил собаку.

— Да, нам, по-видимому, еще далеко до того, когда наша психика и нервная система будут на нужной высоте, — заметил Старр. — В общем-то, это понятно, учитывая... природу этого нового источника энергии.

— Это вполне старый источник энергии, — сказал Матье.

— Мне как-то неудобно высказываться по этому вопросу в присутствии ученого, но, хотим мы того или нет, будет очень трудно убедить людей, что... в общем, вы меня понимаете. Даже самый закоренелый атеист не может не испытывать нездоровой неловкости...

— Из-за души, что ли? — спросил Матье.

— Ну да, что-то вроде того.

— Религиозное мракобесие.

— Конечно, конечно. Но людям будет непросто согласиться с этим.

— Вы ошибаетесь, полковник. Они всегда соглашались. И когда они останутся без бензина для своих драндулетов, они согласятся с чем угодно.

Он протянул Гастову второй круассан.

— По сути, речь идет не о чем ином, как о сборе, переработке и утилизации отходов, — сказал он.

— Нацисты смотрели на вещи примерно так же, — пробормотал Старр.

— Вы могли бы еще сослаться на Хиросиму, Вьетнам, ГУЛАГ и на много других «точек зрения», — заметил Матье. — Только зря вы переживаете. Если бы речь и в самом деле шла о нашей душе, — в той мере, в какой мы еще вправе претендовать на нее, — вот тогда бы вопрос о загрязнении стал действительно дьявольской задачей. Давайте лучше поговорим серьезно. Почему вы захотели со мной встретиться?

— По одной-единственной причине. Я должен был заверить вас, причем самым категоричным образом, что мы не имеем никакого отношения к убийству профессора Голден-Мейера. Вы, разумеется, не обязаны верить мне на слово...

— Но я вам верю...

Фокстерьер положил голову на колени Матье, и тот нежно почесывал ему за ушами.

— Меня мало интересует, какая из великих держав приказала убрать Голден-Мейера. Причина этого «необъяснимого убийства», как его назвала пресса, для вас, разумеется, столь же очевидна, как и для меня. Если бы документы попали в руки Иоанна XXIII, этот старый крестьянин поднял бы страшный шум. Ничто не помешало бы ему прокричать на весь свет правду и развернуть кампанию против того, что он когда-то назвал — я имею в виду его слова по поводу термо-

ядерной бомбы — «крайним падением души человеческой и нашего богоданного духа»... Он как будто что-то предчувствовал, не так ли?

— Замечу, что вы противоречите самому себе. С одной стороны, вы полностью отрицаете... «богоданный» характер новой энергии, а с другой... В общем, весьма двусмысленно.

— Возможно. Документы попали к нему в руки, и он отправился на тот свет.

— Иоанн XXIII был очень болен.

— И теперь, когда его больше нет, я предполагаю, что современная церковь займет в этом деле осторожную, уклончивую — то есть типично *современную* позицию. Что-то в духе: «Термоядерную бомбу использовать, конечно, можно, но только в мирных целях».

Старр вежливо улыбнулся:

— Забавно.

Матье напоследок еще раз погладил фокстерьера.

— Есть вещи, в которых собаки заведомо не виноваты, — сказал он. — Счастливчики. У Франсиса Жамма есть очень красивое стихотворение «Чтобы отправиться в рай с ослами»¹.

Он встал и взял плащ.

— Тяжба человека... не слышали?

В своем отчете Старру пришлось написать: «Он выглядел настолько удрученным, мятущимся, почти отчаявшимся, словно его же собственный гений одержал над ним верх; признаюсь, у меня на миг даже возникла симпатия к этому необыкновенному и непредсказуемому человеку, от которого можно ожидать чего угодно, в том числе и самого худшего».

---

¹ Франсис Жамм (1868—1938) — французский поэт-символист.

ХП

Матье припарковал свой «альбер-ситроен» позади Коллеж де Франс и спустился в лабораторию. Помимо проблемы дезинтеграции и редукции духа, решение которой им по-прежнему не давалось, их главной заботой была недостаточная герметичность контейнеров. Случались утечки, потери мощности и просачивание; прикоснешься к аккумулятору — и чувствуешь, что он будто бы покрыт росой, или слезами, как говорил не чуждый поэзии Валенти. Эти недостатки должны были исчезнуть с появлением нового поколения коллекторов и по мере изобретения новых способов управления энергией — так уже было с плутонием.

А пока что культурные побочные эффекты лишь усиливались. Валенти жаловался, что слышит Баха всякий раз, когда переводит единицу энергии из коллектора в батарейку, а однажды утром Матье оказался лицом к лицу с Мадонной Беллини¹ из Венецианской академии: в течение нескольких секунд она парила в воздухе над одним из уловителей, — хотя в нем содержались поступления от какой-то домработницы. Культурное загрязнение, похоже, было никак не связано с социальным статусом донора.

---

¹ Джованни Беллини (1420—1516) — итальянский художник эпохи Возрождения, основатель Венецианской школы живописи.

Но главной проблемой оставалось расщепление. Элемент делению не поддавался. Энергия разбазаривалась. Количества духа, используемого в аккумуляторе стиральной машины, хватило бы на то, чтобы обеспечить работу электростанции до полного износа механизмов. Пока им не удастся добиться управляемой дезинтеграции, манипуляции с духом будут ставить перед наукой те же проблемы, что и перед идеологией.

Еще одна трудность возникала из-за необходимости делать все втайне, чтобы избежать истерической реакции прессы. Бывали и промахи — например, досадный инцидент с «мертвецом, который ожил и запел», как гласил заголовок одной газетной статьи. Речь в статье шла об итальянском дантисте, друге Валенти по имени Боно, у которого случился инфаркт. Валенти и Чавес пришли к нему в больницу с цветами, и Чавес на всякий случай прихватил с собой уловитель. Дантист испустил дух в тот момент, когда Чавес сидел в колле рядом с палатой, а уловитель лежал у него на коленях, спрятанный в букете цветов. Из-за какой-то неисправности в цепи произошел сбой, и запустился обратный процесс: энергия совершила то, что на языке ядерной физики называется «экскурсом». Дух устремился в обратном направлении и вернулся к своему источнику, причем с такой силой, что вызвал не только реанимацию, как всегда бывает в подобных случаях, но еще и сильный культурный побочный эффект. Дантист воспрял, сел на постели, открыл глаза, прижал руку к сердцу, а затем, с выпученными глазами и оцетинившимися от разряда усами и шевелюрой, запел довольно приятным баритоном «O sole mio!», после чего вновь испустил дух, и все вернулось на круги своя.

В лаборатории повеяло пораженческими настроениями. Чавес поговаривал о том, чтобы прекратить исследования: будучи убежденным маоистом, он ут-

верждал, что решение проблемы невозможно без идеологической подготовки, подобной китайской. Что до Валенти, тот поддался лирическому отчаянию и, как и большинство ученых, целыми днями подписывал манифесты с протестами против практических результатов своих же собственных открытий. У Валенти была густая шевелюра, сладострастный рот и красивые карие глаза. Сам о себе позаботиться он был не в состоянии, и внушительное число особ женского пола тщетно пытались ухватиться за эту возможность придать смысл своей жизни. Он больше, чем кто-либо, страдал от побочных эффектов и видел на классной доске, вместо формул, творения Леонардо да Винчи и Микеланджело, причем все это сопровождалось звучанием григорианских хоралов. Матье успокоил Валенти, сказав, что расспросил парижских водопроводчиков, работавших в канализации, и те единодушно подтвердили, что через какое-то время к вони привыкаешь и перестаешь что-либо чувствовать.

Лаборатория была забита техническими новинками. Валенти переделывал под новый аккумулятор water-pick — фонтанчик для чистки десен, только-только появившийся на рынке. Чавес трудился над «электрической насадкой». Как говорилось в рекламном каталоге: «Достаточно включить прибор, положить внутрь свежее яйцо, — и вскоре оттуда вылезет дышленок».

— Черт, — произнес Матье. — Когда я думаю о том, что миллионы людей подышают с голоду...

Чавес, конечно же, все понял превратно:

— Это правда. Поступлений духа от одной только детской смертности хватило бы, чтобы сделать из Индии современную страну.

Электрический матрас: новый способ провести приятную ночь. Издает ритмичные звуки, навевающие сон. Вибратор: незаметное включение. Удобная форма придется по душе вашему партнеру.

Матье отшвырнул каталог, тихо выругавшись.

— Да ладно тебе! — отозвался Валенти. — Это лучше, чем эксперименты на собаках и крысах. По крайней мере, это не вивисекция. И всегда можно снять аккумулятор, чтобы позже найти ему лучшее применение.

Из угла лаборатории доносился легкий, ритмичный стук: это методично подскакивал белесый шарик размером с грецкий орех. Уже четвертый год дух без усталости — но тщетно — пытался вырваться на свободу. Матье подумал о Мэй. Она снова переживала религиозный кризис.

Господи, подумал он, сколько же тысячелетий понадобится человечеству, чтобы избавиться от предрассудков?

— Должен сказать, как-то не укладывается в голове, что эта штучка так и будет прыгать до конца времен... — не без удовольствия заметил Валенти.

Теперь они уже оба с нежностью смотрели на шарик. Тот стал чем-то вроде амулета лаборатории. Это был их первый успех. Валенти хотел передать его в дар Музею Человека.

— Наступит день, — говорил он, — когда школьники будут приходить специально, чтобы посмотреть на него, на этот новый этап человеческой истории, избавленной от груза прошлого. А! Кстати, взгляни-ка...

Он показал ему газетную вырезку. «Новая электрическая лампочка создана в Соединенных Штатах... Эта лампочка практически не подвержена износу. Своим высоким КПД она обязана нанесенной на стекло пленке, состоящей из двух слоев окиси титана, разделенных слоем серебра...»

— Эти дураки приступили к массовому производству еще до того, как поняли, к чему это приведет, — сказал Матье. — Сто тридцать люменов на ватт, гово-

рят они. Понимаешь, о чем речь? Одно высвобождение дает, по крайней мере, сто мегаватт. Примерно. Не может быть, чтобы они настолько вырвались вперед. Вспомни аварию в Мерченгауне.

— Подано это, во всяком случае, очень неплохо, — сказал Валенти. — Вот, послушай еще: «Пропускающая видимое излучение пленка отражает обратно на нить накала инфракрасные лучи, которые несут в себе основное тепло...»

— В этом нет ничего нового, — сказал Матье. — Усовершенствованный Эдисон, и ничего более. Единственный на сегодняшний день способ дойти до полной деградации...

— Ты хочешь сказать — произвести деградацию, — поправил Валенти.

— Это одно и то же. Единственный способ дойти до полной деградации — это использовать водородную бомбу. Но даже если бы нам удалось получить на это финансирование и избежать международных санкций, нет никакой уверенности в том, что выброс энергии окажется управляемым. Здесь и кроется противоречие: нам нужна замкнутая система.

— Если бы американцам удалось дезинтегрировать дух, об этом все бы узнали. Но им слабо.

Машинально они с Чавесом взглянули на Матье.

— Я не знаю, — произнес Матье глухо. — Не исключено, что мы вообще имеем дело с неделимостью.

Чавес пожал плечами:

— Да брось ты. Нет ничего неделимого.

— А что у нас с побочным эффектом?

Валенти скривился:

— Все так же. Он уменьшается немного по мере привыкания, но, похоже, иммунитет появится еще не скоро. Я вот снова все утро слушал Моцарта.

Чавес рассмеялся:

— Ну что же, не нужно будет ставить на заводах приятную музыку — она будет звучать по расписанию и бесплатно!

Матье сделалось тошно. Это ощущение не сильно отличалось от того, которое он испытывал каждое утро, читая газеты, но было более интенсивным и сопровождалось наплывами возмущения, переходившего в панику и ярость. Сам собой напрашивался вопрос, обратимо ли токсическое воздействие отходов на нервную систему и психику.

— Я не знаю, — снова пробормотал он.

Валенти потрепал его за плечо:

— Я уверен, что решение найдешь ты, Марк, именно ты. Боюсь, к тебе перешла эстафета от Эйнштейна, старина... Что до меня... — Валенти вздохнул. — Мне пятьдесят три года. И судя по всему, я уже не на подъеме, а на спуске. Говорят, после тридцати физикам и математикам как ученым приходит конец. Творческий расцвет, старина, похоже, совпадает с пиком потенции.

— Судя по тому, что про тебя рассказывают, ты никогда еще не трудился так творчески, как сейчас, — сказал Матье.

Валенти просиял.

Он уже закончил приспособливать аккумулятор к фонтанчику — энергетическая начинка внутри элемента принадлежала дантисту Боно — и теперь принялся чистить себе десны.

— А как идут дела у китайцев? — спросил Матье.

— Фан-тас-ти-ка, — сказал Валенти. — Фан-тас-ти-ка. Кажется, они всех обогнали. Я разговаривал с их атташе по науке, здесь, в посольстве. Мы обменялись последними новостями. Их экспериментальные электростанции в Фуцзине — это фантастический успех!

ХІІІ

Город Фуцзинь находится на южном берегу реки Янцзы. С незапамятных времен его почв — самых плодородных почв в Китае — не хватало на то, чтобы прокормить все население. Плодородие Фуцзиня, сравнимое с плодородием русского чернозема, было обусловлено тем же, что и его бедность: опустошительными паводками Янцзы. Когда река разливалась, в этой равнинной местности ничто не сдерживало ее потоков, а разливалась она регулярно, словно справляя некий ритуал возмездия.

Китайская Народная Республика покончила с этими древними причудами реки. Несколько лет назад была построена Фуцзиньская плотина. Триста тысяч рабочих вложили все свои силы в осуществление этого замысла, а благодарные крестьяне, наконец-то освободившиеся от напасти, стали самой преданной опорой режима. Неоднократно партия присуждала почетные звания коммуне Фуцзинь: в этой области урожайность была гораздо выше показателей, достигнутых коллективными хозяйствами где-либо на остальной территории Китая. Как провозглашали расклеенные по городу плакаты, победа над Янцзы привила здешним жителям вкус к грандиозным свершениям: «Вперед под мудрым руководством вождя Мао Цзэдуна! Превратим духовную энергию в энергию материальную!»

Они были выбраны для того, чтобы стать пионерами нового технологического и промышленного «скачка».

Пэй знал, что если и есть в стране область, где трудящиеся готовы отдать душу и тело ради «пилотного эксперимента» — начала крупномасштабной эксплуатации нового источника энергии, — так это Фуцзинь. Ни в каких других местах не было такого благоприятного сочетания идеологических и психологических условий. Если где-нибудь и имели смысл выражения «отдавать лучшее, что в нас есть» или «до последнего вздоха», так это в Фуцзине.

Из аэропорта в деревню его довез юноша, член местной партийной ячейки. Он хранил почтительное молчание в присутствии молодого генерала, героя народной революции, горячо почитаемого в родных краях.

Вся область находилась под строгим контролем военных. Через каждые три километра стоял дежурный пост, и информация об их прибытии передавалась по радию из пункта в пункт. После того как машина остановилась в пятый раз, водитель, бормоча извинения, повернулся к Пэю.

— Это двигатель барахлит, товарищ генерал, — сказал он. — Опытный образец. Вы, наверное, заметили, как нас потряхивает, — до ума его еще не довели.

В горле у Пэя пересохло, но ему тут же сделалось стыдно: это волнение было проявлением средневековой дикости, наследием предков. С малолетства его дух был отравлен народными сказками, историями про драконов и духов, и годы, проведенные в иезуитском коллеже, мало что изменили.

Он вперился взглядом в бегущую навстречу дорогу, болезненно отзываясь на каждое сотрясение. Физический принцип был между тем прост и не отличался в целом от принципа работы старых паровозов или дви-

гателя внутреннего сгорания: толчки были результатом «тяги» — энергия стремилась высвободиться.

— Это странно, товарищ генерал, но, кажется, возраст и пол донора не имеют значения. Старик, женщина, ребенок — все едино. Они испробовали собак и крыс, но это ничего не дало. Нужен человек.

Пэй видел лицо водителя в зеркале заднего вида: его выражение менялось, переходя от отупения к ужасу. Генерал уже слышал, что новое топливо дает побочный эффект, наносящий вред нервной системе, и что выработать иммунитет можно только методом строгой идеологической подготовки.

— Бывает, оно там внутри скрипит, стонет, или же оно... оно поет, — неуверенно произнес водитель. — Те, кто работает на главной электростанции, потеряли сон. Есть такие, что сходят с ума, и их приходится отправлять в психиатрическую больницу. Они несут всякий бред, в котором сквозит гнилое буржуазное влияние. Я сам, товарищ генерал, поймал себя на том, что слушаю упадническую западную музыку Бетховена. Хотя прекрасно знаю — «Народная газета» проинформировала нас, — что слушание Бетховена рассматривается партией как серьезный проступок. Это запрещено. Но я ничего не могу с собой поделать. Оно начинает играть само собой, стоит только подойти к одной из этих штук.

— Боюсь, товарищ, что вы недостаточно идеологически подготовлены, — сказал Пэй.

Шофер умоляюще взглянул на него:

— Прошу вас, не говорите им об этом, товарищ генерал. Простите мне мою отсталость и реакционность.

— Не волнуйтесь, я не стану писать рапорт, обещаю вам. А здесь много товарищей, которые проявляют такую же... нервозность, что и вы?

— Не знаю, товарищ генерал, мы стараемся не говорить об этом. Мы хотим соответствовать той великой

задаче, которую доверила нам партия. Мы гордимся, что мы пионеры, товарищ генерал.

Бедняга и правда старается как может, подумал Пэй. Водитель даже попытался пошутить. Это была традиционная китайская шутка, которую он сопровождал не менее традиционным взрывом смеха.

— Меня бы ничуть не расстроило, скорее наоборот, если бы там внутри оказалась моя теща!

Пэй отправился напрямик в больницу.

Ему много раз говорили, что Лянь очень красива, но у Пэя не было на этот счет никакого мнения. Любое суждение о женской красоте предполагает сравнение, а он никогда не обращал внимания на других женщин. Она была талантливой актрисой, играла в пекинском театре, затем вмешалась болезнь, которую распознали слишком поздно: врачи сказали, что, вероятно, туберкулез поразил ее очень давно, еще в детстве. Сам Пэй тоже так думал. Ему вспоминались наводнения, грязь и голод, и как в двенадцать лет он воровал на рынке рис, чтобы принести ей.

Его принял главный врач, который был одна сплошная улыбка, и Пэй тоже заулыбался: драма, которую он переживал, была сугубо личной и мало что значила для лучезарного коллективного будущего, которое открывалось перед китайским народом.

Он сел возле ее кровати, и они улыбнулись друг другу с оптимизмом, с верой в счастливое будущее народных масс. Своим развитием Китай подает пример всему миру и обязательно увлечет его за собой. Тут не могло быть поводов для грусти и отчаяния: подобное субъективное и эгоистическое поведение было немислимо. И отныне даже после смерти китайские граждане могли служить делу строительства социализма. Посмертное разбазаривание священного духа китайского народа скоро прекратится. Медсестры улыбались, врачи сновали взад-вперед, излучая радость, а

больные, весело смеясь, наблюдали за тем, как влюбленные обмениваются нежностями.

— Наш экономический рост в этом году вдвое больше, чем у всего остального мира. По производительности труда мы скоро догоним, а затем и перегоним капиталистические страны, — сказал Пэй.

— Я так счастлива, — произнесла Лянь.

— Наши товарищи, труженики текстильной промышленности, увеличили производительность труда на семьдесят процентов.

— Знаю, — прошептала Лянь. — Наши доблестные вооруженные силы заставляют дрожать от страха предателей дела социализма из Советского Союза.

— Все вредные насекомые и птицы, которые угрожали нашим урожаям, находятся на грани исчезновения, — сказал Пэй. — В этом году не было ни одной эпидемии. Американские империалисты, после того как их наголову разбили во Вьетнаме, переживают глубокий экономический кризис. Наш арсенал ядерного оружия пополняется из месяца в месяц.

Они продолжали говорить друг другу слова любви, и пациенты сияли от счастья. Все знали, что это генерал Пэй, и им всем хотелось продемонстрировать ему свою веру в будущее. Как отдельные индивиды все в этой палате были обречены, но, оставаясь частью коллектива, они строили радужные планы, которые должны были обязательно воплотиться в жизнь. Они лежали на своих койках, не в состоянии даже пошевелиться от слабости, и сияли от счастья.

Пора было уходить, но Пэй — он нервно теребил фуражку, сверкая гладко выбритым черепом, — был не в силах оторваться от Лянь и отчаянно подыскивал новые слова любви, не из реакционного буржуазного лексикона, а что-нибудь ласковое и нежное, один из тех пустичков, которые так радуют девушек.

— Статистика свидетельствует, что в этом году мы увеличили площадь пахотных земель на десять процентов. Мы разработали новые ракеты, которые могут нести ядерный заряд на расстояние в пять тысяч километров.

Это был хороший предлог: Лянь взяла его руку в свою и нежно сжала.

Она держала его руку, сколько это было возможно, чтобы ее жест при этом не показался слишком личным, и он увидел в ее глазах слезы, которых никто, кроме него, видеть не мог.

Врачи сияли, медсестры и больные тоже. Он был самым молодым генералом Народной армии, и, хотя он и пришел к этой молодой женщине, обращался он к ним ко всем — он был здесь и для них тоже.

— В скором времени научные достижения, ставшие возможными благодаря учению вождя Мао Цзэдуна, позволят энергии китайского народа вечно работать на строительство социализма.

У нескольких больных хватило сил на аплодисменты.

Пэй встал. Он не мог смириться с мыслью, что, возможно, видит Лянь в последний раз. Ему пришлось улыбнуться, чтобы скрыть свою столь эгоистичную и столь личную растерянность. Лянь смотрела на него. Он сжал кулаки, пытаясь перевести в мышечное усилие то внутреннее смятение, что поднималось в нем, отчаянное и неодолимое. Несмотря на все идеологическое воспитание, что-то инстинктивное, животное, *атавистическое* бурлило в его крови от негодования. Это была внутренняя буря, походившая на неистовство океана.

Он резко повернулся, прошел в ординаторскую и несколько минут говорил с врачами о технических вопросах — уж в их-то важности не было никаких сомнений. В больнице было прекрасное чехословацкое

оборудование, но им бы не помешало еще несколько кислородных палаток. Хотя было и не похоже, чтобы главврач умышленно прибегал к доводам личного характера, тем не менее тот заметил, что, скажем, Лянь большую часть времени проводит в палатке, а учитывая количество больных... На этом главврач тактично замолчал, явно испугавшись, что сказал лишнее. Пэй пообещал поговорить об этом с компетентными органами в Пекине. Затем он выслушал статистические данные, касающиеся больницы: это были факты, представляющие коллективный интерес, и *только они* имели значение.

Пэй на короткое время задержался в зале коллекторов энергии. Указывая на слегка фосфоресцировавшие сосуды из сталинита красивого перламутрового оттенка, главврач сказал:

— Замечательно работает. Ни одной потерянной человеческой жизни.

Следующие несколько часов Пэй провел, осматривая новую электростанцию и конвейеры, на которых собирались портативные радиаторы, предназначенные для отопления жилищ трудящихся. Завод был небольшой, но Пэй отметил про себя, что настрой у рабочих отличный. Похоже, они были иммунизированы от побочных эффектов, благодаря соответствующей идеологической подготовке, которую с детства проходили в партийных ячейках, или благодаря бдительности ответственного за идеологию, товарища Хань Цзы. Это был невысокий, очень живой и подвижный человек, глаза которого светились оптимизмом. Товарищ Хань Цзы объяснил, что трудящиеся пользуются некоторыми льготами, дополнительными пайками и одеждой.

— Поначалу без этого не обойтись, нужно привыкнуть. Единственный побочный эффект, с которым мы сталкиваемся, это чрезмерная привязанность к самим

сосудам. Я часто замечал, что им оказывают внешние знаки почтения — небольшой пережиток, оставшийся со времен культа предков. Мы уже снабдили несколько семей радиаторами, и вы сами сможете убедиться, что люди прекрасно к ним привыкают.

Это была чистенькая и уютная квартирка в новом многоэтажном доме — первом в своем роде в этой деревне и потому весьма престижном. Семья, которая ее занимала, состояла из механика, его жены, двоих детей и семидесятивосьмилетнего дедушки. Старик чувствовал себя неважно и лежал в постели: у него было морщинистое лицо и традиционная для пожилых китайцев седая бородка. Но если не считать странного смятенно-вопрошающего взгляда, обусловленного, вероятно, преклонным возрастом, выглядел он для своих лет неплохо.

Квартира была светлой; портреты Мао Цзэдуна, Маркса и Ленина красовались в соответствующих местах, как и полагалось. Отец был еще на заводе, а вернувшиеся из школы дети бегали по маленькой комнатке и громко смеялись. Молодая женщина встретила гостей радушной улыбкой. Даже предок попытался улыбнуться побелевшими, едва различимыми губами, словно упавшими внутрь его беззубого рта, но глаза его выражали безграничное удивление, довольно необычное для человека его лет, который уже всего на-видался. Трудно было сказать, испытывал ли он в тот момент какие-либо чувства кроме глубокой оторопи.

Маленький коллектор дожидался в изножье кровати того часа, когда можно будет забрать энергетический взнос старика. Коллектор был подключен к радиатору, лампам и бытовой технике на кухне.

На сосуд поставили букетик цветов.

Время от времени старик бросал взгляд на коллектор, затем на радиатор, и выражение бесконечно-го изумления в его глазах лишь усиливалось. У него

над головой, на стене, под портретом Маркса, была старательно выведена надпись: «Я счастлив отдать все лучшее в себе на благо народа».

Его дочь беспрерывно смеялась, и внуки тоже смеялись, но как-то странно.

— Вы можете убедиться, — сказал доктор Хань Цзы, — что их психологический настрой выше всяких похвал. Эта естественная веселость весьма показательна. Букетик цветов, конечно, несколько неуместен... Но в целом эта семья идеально подходит для эксперимента. Теплые родственные отношения; отец — ответственный партийный работник; зима стоит очень суровая, и старик явно рад, что скоро сделает энергетический взнос, который пойдет на отопление квартиры его близких. Да, лучших условий для эксперимента и быть не может.

Предок неожиданно прыснул со смеху; его дочь и внуки смеялись не переставая, — казалось, что они просто не в силах побороть этот странный приступ веселья.

Пэй пришел к выводу, что доктор Хань Цзы основательно заблуждается или же, что куда серьезнее, умышленно стремится ввести его в заблуждение.

Вся семья — дети, бабушка, женщина — явно находились в состоянии, близком к идиотии. Женщина корчилась от истерического смеха, а у обеих детишек был настоящий нервный припадок. Что же касается предка, то, судя по выражению глаз, он был убежден, что это сосуд его разглядывает, а не наоборот.

— Перед нами интересный случай: представитель старшего поколения демонстрирует полное понимание прогрессивных идей.

И вот тогда-то все и испортилось. С феноменальной быстротой и ловкостью старый крестьянин выпрыгнул из кровати — трудно было ожидать этого от человека таких лет и в таком состоянии. Злобно вскрикнув, дос-

тойный предок пнул ногой сосуд, который ждал часа, чтобы принять его дух, схватил его, швырнул об стену, затем, приподняв подол рубахи, выпрыгнул в окно, и мгновение спустя Пэй увидел, как он несется по улице, а потом напрямую через поле, время от времени оглядываясь, как будто желая убедиться, что сосуд не скачет за ним по пятам. Потом он перепрыгнул через изгородь и растворился в природе.

Женщина упала на кровать и разразилась рыданиями.

Доктор Хань Цзы стал мертвенно-бледным. Лицо его исказилось.

— Боюсь, мы не сможем сделать ни положительного, ни отрицательного вывода из этого инцидента. Здесь налицо семейные отношения, которые еще явно несут на себе отпечаток пагубного буржуазного влияния, а этот умственно отсталый старик... В общем, мы проследим за их перевоспитанием.

— Прошу вас не принимать никаких мер, — сказал Пэй. — Это крайне интересный случай, и чтобы лучше изучить его, следует оставить все так, как есть.

Молодая женщина бросила на него благодарный взгляд.

Теперь Пэй знал, что он хочет увидеть: психиатрическое отделение больницы, которое ему до этого не удалось показать. Подходя к больничным постройкам, молодой генерал ощутил, как в нем нарастает страх. В Корее, в бою, он видел, как гибнут его лучшие друзья, и часто читал в их глазах последний призыв, немой и истовый. Здесь не было устремленных на него глаз, и тем не менее, пройдя через контрольный пункт и шагнув в камеру регенерации реактора-размножителя, он почувствовал внутреннюю дрожь, как будто услышав какие-то тревожные вести. Он попытался внушить себе, что это — побочный эффект, который квалифицировался классовыми врагами как

«духовный», что это — истерия чисто химического происхождения, действующая на психику подобно радиации, но он не мог отделаться от реакционного убеждения, что к нему в самом деле обращен некий призыв, что эта накопленная в компрессорах и преобразователях энергия *испускает излучение*, что она посылает ему сигналы с требованием освободить, спасти ее, что внутри него самого имеется нечто, действующее как внутренний приемник, как если бы все люди были каплями одного неизмеримого океана, членами братства большего, чем братство по крови или по плоти, — нематериального, неделимого, представляющего собой силу, которую нельзя поработить и поставить себе на службу так, чтобы при этом страдание не передавалось от одной капли к другой: рано или поздно Океан сметет все своим гневом, ревом, своим неистовым кипением...

Он попытался взять себя в руки: всего-навсего последствия многовекового невежества и обскурантистской пропаганды.

Потом он осознал, что неподвижно стоит в коридоре и за ним с любопытством наблюдает доктор Хань Цзы.

— Вы не очень хорошо себя чувствуете, товарищ генерал?

Пэй стойко выдержал его взгляд.

— Немного взволнован, что вполне понятно. Я думал о новом будущем, которое открывает перед нами наша наука, вдохновляемая идеями марксизма-ленинизма.

Они пересекли зал ожидания. Здесь находилось около тридцати человек. Пэй поначалу решил, что это больные, пришедшие на консультацию. Затем он заметил коллекторы, которые каждый держал у себя на коленях. Они сидели в ожидании, словно в очереди за продуктовыми пайками. Все сосуды были одного

размера, примерно с десятилитровую канистру для бензина.

— Что и вправду замечательно, так это универсальность аккумуляторов, — сказал доктор Хань Цзы. — Они годятся для чего угодно. Поначалу случались инциденты. Несколько сосудов были обнаружены на пустыре, основательно помятые, — какие-то хулиганы, наверное, пытались их вскрыть. Настоящий вандализм. В ближайшие недели все освещение области будет осуществляться за счет энергии, поступающей из больницы.

Пэй смотрел на молодого человека, первого в ряду, который держал сосуд у себя на коленях. Его глаза были устремлены на зеленый огонек, мерцавший над индикатором заряда. Зеленый свет поменялся на красный, Коллектор наполнялся.

Он подумал о Лянь.

Достал носовой платок и вытер со лба пот.

Молодой человек не сводил глаз с красного огонька. Наконец он встал со стула и собрался было идти.

Идти ему, похоже, было трудно.

— Ах, эта молодость, — сказал доктор Хань Цзы. — Еще один из тех, кто слушает упадническую западную музыку. Я сам ее слышал как-то на днях, но не смог понять, откуда она доносится.

Внезапно он признал:

— Эта новая научная революция грозит сделать трудящихся более уязвимыми для западной пропаганды.

Пэй не слушал. Они вошли в одну из палат и продвигались теперь между двумя рядами коек.

Доктор Хань Цзы, казалось, пришел в глубокое замешательство.

— Да... В общем... Нервный шок... Бывает...

Пэй стоял посередине палаты, всеми силами стараясь отключить слух. Этого было не вынести. На фронте

ему часто случалось оказываться в полевых госпиталях или слышать голоса раненых солдат, до которых еще не добрались санитары с носилками и не сделали им укол. Но это не имело ничего общего с тем, что он слышал сейчас. Не было слов, чтобы описать это безмолвие, которое казалось смертью человеческого голоса, вернее того, что некогда было человеческим голосом, и которое тем не менее громче громкого кричало о том, в чем состоят честь, достоинство и мука быть человеком.

— Где телефон?

— В кабинете директора.

Пэй направился к двери, затем обернулся.

— Мы немедленно прекращаем эксперимент, — бросил он. — Сейчас же, слышите? Немедленно отключить все коллекторы. Поторопитесь, я беру ответственность на себя. Я здесь по приказу самого вождя Мао Цзэдуна. Остановите все, вам понятно? И сию же минуту объявите об этом по громкоговорителю. Я пришел к выводу, что предварительные исследования были проведены слишком поверхностно и есть признаки недопустимой халатности. За любое промедление вы ответите лично. Выполнять.

Он ринулся вон из палаты, ворвался в кабинет директора, предложил тому выйти и завладел телефоном. Через несколько секунд его соединили с Пекином, и он назвал код, позволявший ему говорить лично с Мао Цзэдуном.

Его попросили подождать несколько минут, что дало ему время поразмыслить более хладнокровно.

Он знал, что в ста километрах отсюда военные проводят эксперимент в куда более крупных масштабах, чем в Фуцзине. Там было накоплено столько передового топлива, что даже ответственные лица считали ситуацию небезопасной. Никто еще, ни в СССР, ни в Соединенных Штатах, не решался на такую концен-

трацию духа. Угроза сбой и внезапного непредусмотренного высвобождения энергии была вполне реальной, и ученые не переставали предупреждать военных об опасности их эксперимента.

Но он также успел критически оценить собственное состояние. Его предупреждали о побочных эффектах: эмоциональной неуравновешенности, истерии, депрессии, слезливой сентиментальности, идеологической сумятице в голове, которая может спровоцировать типично буржуазные и упаднические реакции, идеалистические и псевдогуманистические. Он чувствовал также, что любовь к Лянь стремится занять в его сознании первое место, в ущерб позитивным марксистско-ленинским взглядам. Мысль о том, что дух Лянь будет служить источником питания для какой-то машины, была невыносима, но он сознавал, что это всего лишь отзвук тысячелетнего мракобесия, подтверждение того, до какой степени он еще пребывает во тьме, в которой так долго держали китайский народ.

Генерал был раздираем противоречивыми чувствами, растерян, потрясен, и эта недостойная члена партии нерешительность лишь усугубляла его страдания.

Но он был избавлен от необходимости принимать решения.

Телефон зазвонил. Его соединили.

— Генерал Пэй Цинь?

Он сразу же узнал сухой голос, резкий тон.

— У аппарата генерал Чанг Линь. Мне стало известно, что вы находитесь в Фуцзине с инспекционной поездкой.

— Так точно, товарищ генерал.

— Вы, конечно же, в курсе, что этот сектор находится под контролем военных? Под *моим* контролем.

— Я здесь по личному приказу вождя Мао, — спокойно ответил Пэй.

В голосе начальника главного штаба прорезалась нотка сарказма.

— Что же, армия будет рада узнать, что товарищ Мао выказал интерес к нашему великому проекту... *наконец-то.*

Пэй сжал челюсти. Это был новый, открытый вызов Отцу-основателю со стороны военных.

— Я не премину доложить о вашей реакции вождю, — сказал он сухо.

Снова повисла пауза.

— Сомневаюсь в этом. С прискорбием должен сообщить, что вождь Мао только что скончался.

XIV

В тот вечер шел дождь. Матье провел муторный день в лаборатории. Уже давно его не посещало вдохновение, не осталось и следа того жара, который неизменно предварял каждое озарение, рождение каждой новой идеи. Даже Валенти и Чавес начали обращаться с ним немного снисходительно. Он превращался в «has been», как по-английски называют «бывших».

На классной доске разбегались в разные стороны формулы, но это было искусство ради искусства, упражнение для беглости пальцев. Они никуда не вели, не прокладывали никакой борозды в целинных землях. Дух по-прежнему оставался неделимым. «Крекинг», то есть управляемая дезинтеграция, необходимая для рационального использования энергии, им по-прежнему не удавалась. Проклятый элемент отказывался распадаться на части. Полная, непреодолимая неделимость. Ему ничего не приходило в голову. Значки на доске оставались лишь математическим фейерверком, совершенно никчемным. Они не оставляли даже царапины на боку Вселенной. Отважный конкистадор превращался в простого бродягу.

В десять вечера Матье набросил на голову плащ и бегом пересек улицу.

Когда несколько позже он выходил из кафе — под проливным дождем, с плащом на голове — его схватили

сзади, толкнули вперед, подняли, понесли, и он оказался в машине, которая тут же рванула с места.

— Черт побери! Отпустите меня!

Защитники окружающей среды, подумал он. То, что рано или поздно они дойдут до похищения ученых, было неизбежно. Теперь они потребуют опубликовать в газетах всю правду. Или же попросту расправятся с ним как с главным виновником.

Надо было заранее принимать меры предосторожности. Надо было поступать как другие известные ученые: подписывать петиции против последствий своих же собственных открытий. И таким образом обеспечить себе хотя бы моральную защиту.

— Отпустите меня! На помощь!

Он не хотел умирать. Оставалось еще столько возможностей, которые он не исследовал.

Он замер. Он даже не решался скинуть с головы плащ. Ему не хотелось их видеть.

— Но я здесь ни при чем! — заорал он. — Я согласен с вами! По сути, я один из вас! Я тоже *против!* Я первым стал протестовать против себя самого! Я мученик науки!

— Успокойтесь, господин профессор...

Рядом с ним сидел полковник Старр, на коленях у него лежала папка. Полковник смотрел прямо перед собой, и на его плоском лице отражалось внутреннее напряжение, которое можно было спутать с невозмутимостью.

— Извините, но у меня не было времени на предварительные переговоры.

— Куда вы меня везете?

— Куда скажете, туда и отвезем.

Он открыл папку и положил на колени Матье пачку фотографий.

— Это самые свежие снимки, — им три дня — сделанные с нашего спутника над территорией Китая.

Провинция Циньхай. Не стану скрывать, что американское правительство... ну, «запаниковало» слово неподходящее. Скажем... несколько обеспокоено.

Матье бросил взгляд на снимки. Что-то похожее на сотни ульев. Это явно были энергосборники, но его внимание привлекли две вещи: все они были соединены между собой, а в центре можно было различить широкое приземистое строение, из которого торчал вверх уловитель с зияющим жерлом: судя по размерам, он обладал втягивающей мощностью, превосходившей все, что было создано до сего дня.

— Чудное выбрано направление, — сказал Матье. — Прямо на запад.

Машина мчалась сквозь проливной дождь.

Матье не мог оторваться от снимков. Никому не под силу управлять таким количеством духа. Китайцы экспериментировали с концентрацией энергии и мощностью, намного превышавшими то, что они могли измерить и чем могли управлять. Сальто вслепую, в неизвестность.

— Что именно вы хотите знать, полковник?

— Теперь уже немного. Выражение вашего лица достаточно красноречиво. И все же?

Матье пожал плечами.

— Как в Камбодже, — сказал он.

— Дегуманизация?

Матье рассмеялся:

— Дегуманизация — хорошее слово. Не станете же вы меня уверять, что Пентагон беспокоится по этому поводу?

Старр старался держать себя в руках. Впервые в жизни для этого приходилось *стараться*. Вплоть до сегодняшнего дня самообладание давалось ему само собой.

Они ехали мимо Лувра. Здесь собраны сокровища пяти тысячелетий, подумал Матье. Какая у нас древ-

няя цивилизация. Ну что ж, счастливо и до новых встреч.

Вдоль улицы Сен-Дени стояли проститутки.

— Знаете, полковник, некоторые из этих девушек еще несколько месяцев назад были девственницами, — сказал Матье. — Сутенеры отправляют начинающих в те кварталы, где цены низкие, а спрос большой, чтобы они прошли там ускоренный курс обучения.

— Послушайте, Матье, вам и вправду наплевать на то, что может случиться со свободным миром? Я почти готов поверить, что вы желаете торжества новой «социалистической модели». Вам хочется оказаться на четвереньках и жрать дерьмо?

— Это уже политика, — сказал Матье с достоинством.

— По мнению профессора Каплана, научного советника президента, эта китайская конструкция является энергоуловителем с неограниченным радиусом охвата.

Матье покачал головой.

— Малые дети, — сказал он. — Детский сад, которому двадцать тысяч лет. Если отсчитывать с рисунков в пещере Ласко.

— Эта штука направлена на запад. Если ее втягивающая сила такова, как мы предполагаем, то есть неограниченна, то вместо того, чтобы улавливать энергию в зоне семидесяти пяти метров, как это делают наши коллекторы, она будет всасывать в себя дух всего населения, находящегося в радиусе ее действия...

Матье напряженно думал.

— Есть идея. А что, если нанести по этой китайской установке небольшой превентивный удар вашими ядерными ракетами? Как вам такая мысль?

Старр решил не поддаваться ярости — она вызвала в нем желание покончить с Матье раз и навсегда.

Толку от этого не было никакого. Вместо него появится кто-нибудь другой.

— Нормальный уловитель захватывает энергию в тот момент, когда она покидает тело, в момент ее естественного высвобождения, — сказал он. — Но здесь, по мнению Каплана, мы имеем дело со сверхмощностью, а значит, с возможностью, нет, *вероятностью* сверхпритяжения, *вырывания*. То есть это у *живых* людей заберут их...

— ...их души, — подсказал Матье. — Говорите-говорите, не стесняйтесь.

— Пока китайцы питают свою систему энергетическими поступлениями от собственного народа... по большому счету, что китайцы делают с китайцами, африканцы с африканцами или чехи с чехами, нас не касается. Но в данном случае существует прямая угроза нашим гражданам, и мы не можем действовать под девизом: «поглядим, что получится».

— Святой эгоизм, — изрек Матье.

За окнами машины показалась Сена. Капли дождя барабанили по лобовому стеклу. Старый добрый дождь начала времен.

— Они смогут улавливать энергию всего мира, на триста шестьдесят градусов вокруг, — сказал СтARR.

— Ну и что? Это ни в чем принципиальном не отличается от того, что НАСА называет «технологической премьерой»... или идеологической. Один черт.

СтARR засунул руки глубоко в карманы, стараясь не дать воли кулакам.

— Не забывайте себе голову этой ерундой, — сказал Матье. — Конечно, нет никакого способа оценить эффективность...

— Чудная терминология, — пробурчал СтARR.

— ...да, в общем, и шансы этого небольшого китайского эксперимента на успех... Прецедента ведь нет.

— Есть прецедент, — сказал Старр. — Вы слышали об «имплозии» в Мерчентауне?

— Слышал.

— И что?

— Так там стоял аппарат первого поколения.

Дождь пошел на убыль. В тумане показался Нотр-Дам. Чистое совпадение.

— Я припоминаю, что мы предупреждали заинтересованные правительства об опасности сверхмощных аккумуляторов, — сказал Матье. — Как бы там ни было, я не верю, что китайцы смогут заставить работать свой «неограниченный» энергоуловитель в неограниченном радиусе по той простой причине, что все это обернется против них самих... Можете быть уверены, они об этом подумали... Но коль скоро Пентагон беспокоится... Почему бы попросту не сбросить на Китай бомбу? Превентивная самооборона, ведь так это, по моему, называется... Все лучше, чем иметь дегуманизованного президента Соединенных Штатов. Вам неуютно оттого, что вы не знаете, что ждет китайцев в будущем. Сбросьте на них бомбу. Тогда узнаете.

Старр одержал одну из самых великих побед в своей жизни: он улыбнулся.

— Да успокойтесь же, полковник. Китайцы перусердствовали. Они руководствуются устаревшими теориями. Еще не придумали способа управлять таким количеством энергии. Не хватает нового фундаментального теоретического принципа. «Гениальной идеи», если хотите...

— А как ваши дела? — вежливо поинтересовался Старр.

— Жду вдохновения, — ответил Матье.

Все население Юань-Синя погибло в 21.30, в тот момент, когда из-за технической неполадки включился один из энергоуловителей среднего радиуса дейст-

вия. Ученые, инженеры и рабочие, находившиеся на расстоянии ближе восьми километров, погибли мгновенно, так же как и три спасательные команды, посланные на место аварии. Никакого материального ущерба нанесено не было. Здания, скот и посевы не пострадали, и во всей коммуне не разбилось ни одного оконного стекла. Поскольку пульт управления находился внутри зоны бедствия, отключить уловитель оказалось невозможно. Китайской авиации пришлось разбомбить свои же установки.

Воздействие притяжения — втягивания — сказало­сь далеко за пределами Юань-Синя. В радиусе примерно сорока километров население было доведено до состояния полного слабоумия. При этом среди пострадавших отмечались кое-какие различия в поведении: одни принялись маршировать сплоченными рядами, скандируя марксистско-ленинские лозунги, другие погрузились в эйфорию, как будто, лишившись человеческих черт, они одновременно освободились и от забот, присущих этому биологическому виду. Все тем не менее сохранили способность повиноваться и работать, и делали это даже лучше, чем прежде, но лишь пока рядом находился кто-то, кто отдавал приказы. В этом, по крайней мере, проявились положительные последствия аварии.

Китайские газеты писали о саботаже, осуществленном неким «прихвостнем банды четырех»¹. В системе, однако, все же имела место «техническая неполадка». Рядом с пультом управления было найдено тело генерала Пэя Циня.

---

¹ «Банда четырех» — группа лидеров Коммунистической партии Китая, ближайших соратников Мао Цзэдуна. После его смерти в 1976 г. попытались захватить власть, но не преуспели; их арест стал официальным концом «культурной революции».

Тупов ждал Мэй в «Кафе де ла мэри» на площади Сен-Сюльпис. Русский был похож на владельца секс-шопа. Вместо лица — кусок сала с невнятно вылепленными на нем чертами.

— Извините, я немного опоздала, господин Тупов.

Человек из КГБ коснулся шляпы и отпустил комплимент в духе девятнадцатого века:

— Ждать вас уже само по себе наслаждение, мисс Дэвон.

У него была привычка привставать с места, когда он делал кому-нибудь комплимент, — собранные в гузку губы растягивались, и рот сверкал всей своей внутренней ювелирной отделкой.

— Что-то новенькое?

— По-моему, да.

Она протянула ему пленку, которую записала по просьбе Матье: «Преступления Сталина» Брадского.

— Но почему...

— Профессор Матье обещал держать вас в курсе.

— Он держит в курсе также и китайцев, и американцев, — с горечью сказал Тупов. — Этот великий ученый, мне кажется, начисто лишен классовой сознательности. Но почему «Преступления Сталина»?

— Похоже, там есть что-то, касающееся сути дела. А больше я ничего не знаю, господин Тупов. Я же не

из ученых. Наверное, в этой книге сказано что-то важное. Иначе зачем бы Марк стал ее записывать?

— А зачем подсовывать нам досужие вымыслы какого-то пошлого провокатора, агента ЦРУ, предателя родины, одного из тех, кого вы называете «диссидентами»? Вам не кажется, что с его стороны это просто безвкусная антисоветская шутка?

— Господин Тупов, профессор Матье питает величайшее уважение к достижениям ваших руководителей в области управления энергией своих граждан. Он говорит, что в этом смысле вы впереди всех.

Матье сказал ей: «На вот, отнеси этому гаду. Я было подумал послать ему «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, но следует соблюдать историческую последовательность».

Тупов, утопавший в разгар июльской жары в тяжелом черном пальто, мрачно хмурил брови.

— Мисс Дэвон, в прошлый раз это была Библия, и мы убили несколько недель на то, чтобы прослушать ее от корки до корки.

Мэй закусила губу. Библия — это была ее идея.

— Там не оказалось никаких научных сведений. Замечу, кстати: безнадежно устаревшая литература.

— Может быть, вам стоит прослушать эту пленку еще раз.

— А на сей раз нам уготовано слушать «Преступления Сталина». Это были не преступления. Это были заблуждения.

— Не знаю.

— Передайте ему, что мы ждем новых научных сведений, он нам обещал.

— Они на этой пленке, господин Тупов.

— И спросите у него, пожалуйста, еще раз, почему он делится информацией с американскими и китайскими спецслужбами.

— Я спрашивала. Для него очень важно, чтобы все великие державы были в курсе дела. Он говорит, что это необходимо для сохранения мира между народами.

Русский смотрел на нее, постоянно мигая, как будто подавал сигналы недоверия и беспокойства.

— До свидания, господин Тупов. Изучите это со своим начальством. Можете заодно навести справки у господина Солженицына.

Тупов побледнел от злости, что придало его и без того белой коже интересный зеленоватый оттенок.

— При чем здесь этот предатель? — заорал он.

Мэй помахала ему рукой и удалилась. Она спешила назад к Матье, который, наверное, уже изнывал в машине от нетерпения. Каждая встреча с ним была поводом для радости, даже если они разлучались всего на пару часов. Когда она дожидалась его дома и когда он наконец приходил, у нее всегда было одно и то же учащенное сердцебиение, всегда один и тот же обеспокоенный взгляд в сторону зеркала, одна и та же смущенная улыбка, которую она адресовала самой себе за свое ребячливое поведение.

У Матье был очень тяжелый день. Один из коллекторов, которые они только что установили в Сальпетриере, похоже, барахлил, потому что Марк вдруг ощутил на себе необычайно сильный побочный эффект и его охватили реформаторские, мессианские и гуманистические порывы. Он принял валиум, и все вернулось на круги своя, но когда он сел за руль «ситроена», то вновь почувствовал себя окруженным неистовством океана, как будто рядом готово было вспыхнуть народное восстание.

— Что с тобой, Марк? Марк!

— Ничего. Оставь меня в покое.

— Ты ужасно выглядишь!

— Я же сказал, отстань!

Он завел машину, но никак не мог нажать на газ. Наконец ему удалось справиться с оцепенением, машина тронулась с места, и тут, повернувшись к Мэй, он увидел, что с ней тоже что-то не так. Она заговорила совсем незнакомым голосом, — такого он у нее раньше не слышал — словно под влиянием какой-то внешней силы, о вещах, которые прежде вроде бы никогда ее не занимали. За несколько минут с ее уст сошел весь поднадоевший перечень экологических бедствий. Химическое отравление рек, морей и океанов, истребление фауны, вырубка лесных массивов, уничтожение источников кислорода, изменение климата вследствие промышленной деятельности человека, угрожающей жизни на земле...

Когда Матье ясно увидел парящих в воздухе узников концентрационных лагерей — по их полосатой робе он понял, что речь идет о жертвах нацистов, а не советского ГУЛАГа, которых одевали иначе, — он сообразил, что происходит.

Альбер просачивался. Типичный представитель народа уже не первый год приводил в движение переделанный «ситроен», давно образумился и работал безупречно, по-видимому, смирившись с тем, что, по своему же собственному любимому выражению, «сыграл в ящик». Но теперь он просачивался: вероятно, износилась изоляционная оболочка.

Матье чувствовал, как невидимые руки стискивают ему горло, он видел перед собой занесенные для удара кулаки, и хотя он прекрасно понимал, что это чистойшей воды галлюцинации, внутренности его сжимались от животного страха. Раз не получалось научным способом контролировать опасное воздействие этих отходов, раз никто пока что не мог с ними справиться, то никто и не мог сказать, к чему все это приведет: к какому перевороту, к какой революции.

И тут до Мэй дошло.

— Останови машину, подлец! Останови!

— Послушай, глупышка...

— Я хочу выйти!

Она резко нажала левой ногой на тормоз и выско-
чила из машины под вой клаксонов и град ругательств,
раздавшихся со всех сторон и лучше любого Монтеня
выразивших дух Франции эпохи реактора-размножи-
теля.

Матье высунул голову из машины:

— Ты просто жалкая реакционная дура! Иди сюда,
куклуксклановка!

— You son of a bitch!¹ Я больше не сяду в машину,
которая ездит на ЭТОМ!

— Всё работает на этом, идиотка!

Раздался свисток, и из толпы появился полицей-
ский.

— Проезжайте!

— Сами садитесь в эту машину и проезжайте! — вы-
крикнула она. — Она отвезет вас прямо в ад!

В комиссариате им пришлось пройти тест на со-
держание алкоголя в крови. Выйдя на улицу, Марк
увидел свежие заголовки вечерних газет. Двадцать
тысяч демонстрантов напали накануне на объект в
Крейс-Мальвиле, где размещался один из реакторов-
размножителей. Есть раненые, один человек погиб.
«Драматический день в Мальвиле» — гласил заго-
ловок «Франс-суар». В передовице говорилось о сует-
верных страхах, которые внушает атомная энергия.
Удивительно, каким архаическим хламом забито под-
сознание рода человеческого.

---

¹ Сукин ты сын! (Англ.)

Группа Эразма топталась на месте. Чавес иссыхал от нетерпения. Губы его совсем истончились. В приступах раздражительности он обвинял коллег в идеологическом разврате: по его мнению, это объясняло все их неудачи. Он теперь активно сотрудничал с ячейкой нового коммунистического движения, строго придерживавшегося канонического сталинизма.

У Валенти, чья замечательная шевелюра стала совсем седой и который больше чем когда-либо походил на большого сытого и лощеного кота, случались депрессии, и тогда он поговаривал о том, что бросит ядерную физику.

— Может быть, займусь биологией, — говорил он. — Генами. Огромный потенциал. Перед генетикой открываются фантастические возможности. Фан-тас-ти-чес-ки-е! Однажды удастся создать нового человека. Если модифицировать гены в правильном направлении...

— А какое направление — правильное? — поинтересовался Матье.

— Прежде всего, нужно договориться о политической программе, чтобы затем ввести ее в генофонд, — заявил Чавес.

Недавно он ездил на стажировку в одну лабораторию в Чехословакии и вернулся оттуда преисполнен-

ный энтузиазма: методы управления духом совершенствовались там с каждым днем, особенно это касалось борьбы с побочными эффектами.

А пока разбазаривание энергии не прекращалось. Миллионы людей умирали от голода без малейшей пользы, и это при том, что за последнее десятилетие было израсходовано триста миллиардов тонн бензина.

Одиннадцатого декабря Матье сидел в своем кабинете рядом с лабораторией. На четырех стенах висели классные доски, и весь день на одной из них ему мерещилась картина Клее¹. Он всегда питал симпатию к простодушию и жизнерадостности этого художника.

Поужинав сэндвичем и бокалом вина, он вновь взялся за работу и трудился до наступления темноты. В два часа ночи он заметил, что уже поздно — Мэй, наверное, ждет его и беспокоится, — но вскоре снова забыл про время. Четыре классные доски пестрели формулами, хотя на одной из них держала оборону живопись Клее.

У него ничего не получалось. Так, каракули. И тем не менее он ощущал, как его исподволь охватывает лихорадочное возбуждение, какового у него давно уже не было. Как будто какое-то предчувствие...

Три часа ночи. Он снова перед классной доской, в миллионах световых лет отсюда, далеко за пределами своего уставшего тела, — сигарета в углу рта, один глаз прикрыт из-за дыма.

В половине четвертого позвонила встревоженная Мэй. Он ее успокоил. Все хорошо. Но он не может прервать работу: забрезжили новые возможности. Нужно разобраться, посмотреть, что это даст.

---

¹ Пауль Клее (1879—1940) — швейцарский художник-авангардист.

— Ты когда закончишь, Марк? Когда?

— Не знаю, малышка. Я себе не хозяин. Мне не остановиться. Может, я так запрограммирован. В конце концов, не я себя создал. Извини, я больше не могу говорить.

В восемь утра пришел Чавес: он уселся, не говоря ни слова, на край стола и с какой-то завистливой завроженностью стал наблюдать за Матье. Словно вудайерист.

Рука Матье скользила по доске все быстрее, все дальше, к тому, чего, быть может, и не существует вовсе или чего никогда не удастся достичь. У него в голове вдруг мелькнуло старинное полинезийское имя, которым его нарекли во время его таитянской эпопеи: *ganef*, вор. Именно так. Вор. Он улыбнулся, вытер с лица следы мела и капли пота и продолжил попытку ограбления.

Полная концентрация внимания сопровождалась небывалым ощущением силы и чистой радостью, тело его как будто исчезло, и он больше не чувствовал усталости. Искатель истины покинул свою земную оболочку и преследовал добычу в бесконечности. Красота впервые открытого пути и азарт охоты значили почти столько же, сколько и сама добыча. А она все ускользала, на его долю оставались лишь обрывки, крохи: тот, кто согласился бы ими довольствоваться, называл бы их «новым скачком науки». Матье был не из тех. Ему нужно было преследовать добычу до самого логова и хоть и голыми руками, но прикоснуться к ней. Причем такие чувства испытывал, похоже, не он один: Чавес, пока разбирал формулы, буквально продырявил взглядом доску. В какой-то момент Матье повернулся к письменному столу, чтобы выбросить окурки, и заметил, что Чавес делает записи.

Ну, давай, давай, подгонял он самого себя.

Он вновь повернулся к доске. Однако вид коллеги вернул Матье к реальности, в самом банальном ее разрезе: он почувствовал, что устал и проголодался. Матье отпустил себе еще час времени, так как продолжал испытывать внутреннее напряжение, являвшееся обычно предвестником открытия, знаком того, что он еще не исчерпал всех своих сил.

Отбросив назад прядь мокрых, липнущих ко лбу волос, он отступил на несколько шагов, чтобы лучше разглядеть совокупность формул на доске, — и вот тут он *увидел*: оно было там, за пределами последнего начертанного символа, но оно несомненно было там, на расстоянии каких-то двенадцати-пятнадцати шахматных ходов, — такое очевидное, такое бесспорное...

Он держал ее. Добыча еще пыталась вырваться, поползти до логова, но ей уже было не уйти.

Внезапно во рту и в горле у него пересохло, сердце в груди запрыгало, будто хотело высвободиться и убежать — совсем как та пойманная и порабощенная сила, что приводила в движение перламутровый шарик.

Он сглотнул и замер с мелом в руке — мелом, о котором теперь можно было сказать, что он был одновременно и самым ничтожным, и самым великим кусочком мела в истории.

Он поднял было руку, чтобы записать эти ходы.

Но тут вспомнил про Чавеса. Опустил глаза и вытер руки. Пьянящая музыка звучала в нем, постоянно возобновляясь и длась вплоть до финальной ноты, но он не хотел, чтобы ее слышал посторонний. Сперва навязать свое общество, а потом начать списывать — Матье это не нравилось.

Он еще раз бросил взгляд на доску и, мысленно пройдя весь путь заново, двинулся еще дальше, гораздо дальше написанного, и остановился лишь на фи-

нальной ноте, про которую заранее знал, какова она будет.

А потом...

А потом вдруг прозвучала еще одна нота.

Она, казалось, пришла ниоткуда. Она не была простым продолжением предшествующей мелодии. Нота явилась из пространства, лежавшего по ту сторону того, что он еще пару мгновений назад принял за финал.

Нет. Невозможно. Нет! *Я не хотел этого. Уходи, не хочу!*

Кровь отхлынула от лица.

Уходи. Это неправда. Ты лжешь. Уходи. Не хочу. Невозможно.

Он попытался заглушить эту новую *финальную* ноту, уничтожить ее, изгнать из своей головы, но она упорно продолжала звучать, торжествующая и неподвластная.

Схваченная добыча шевельнулась — для того, чтобы в свою очередь схватить его.

— Я не хотел этого, — пробормотал он.

И ощутил на плече руку Чавеса.

— Молодец, старина. Сегодня ты явно в ударе. То, что ты делаешь, просто потрясающе. Восхитительно. Я бы даже назвал это гениальным... В кои-то веки я не боюсь тебе сказать: гениально...

— Боже мой, — произнес Матье, — боже мой. Теперь это возможно... И даже...

— Что стряслось, старина?

Матье взглянул на него. Нет. Не он. Не нужно, чтобы он знал. Никто. Никогда. Оно, конечно, существует у него в голове, но он его обязательно прогонит, а если потребуется, привяжет к шее камень и — в воду своей повинной головой.

— Ну же, Марк, что с тобой?

— Ничего...

Его вырвало. Затем он потерял сознание.

Когда он пришел в себя, на мгновение у него возникла надежда. *Ему показалось, что он забыл.* Затем все вернулось с почти насмешливой и какой-то мстительной ясностью, и он опять лишился чувств.

XVII

Сначала был Мадрид и музей Прадо, затем Байройт и Зальцбург, Венеция, Рим и снова Венеция. Прежде всего музыка, потом Сполето и непререкаемая красота Флоренции. Смотри-ка, дружище: то, что ты сотворил, тот дух, что движет тобой, не полностью преступен. Матье требовалось неопровержимое алиби.

После той ночи у доски, когда почти невозможное вдруг оказалось возможным и потрясло его своей чудовищностью, всю силу воли он сосредоточил на одной-единственной цели: *забыть*. Он отказывался отступить перед проклятьем, что всегда висело над наукой: искушение возможным. Но этот бунт подрывал саму основу его личности.

Не люби он так сильно секс, он бы давно уже пустил себе пулю в лоб. Но отказаться от жизни — это одно, а отказаться от сексуальной жизни — совсем другое.

Иногда он спрашивал себя, разглядел ли тогда Чавес возможность, *которой не было на доске*. Ту, что находилась дальше, гораздо дальше последнего хода, последней ноты его вдохновенной математической симфонии. Маловероятно. Чавес не был творцом. Он был пользователем. Эксплуататором, технологом, *практиком*. Он отрицал чистую науку во имя принципа, гласившего: «То, что может быть осуществлено, *должно*

быть осуществлено». Он не устал повторять, что ему не нужна наука, которая «не несет яиц; наука — это дойная корова».

Он надеялся, что Чавес вряд ли что-нибудь понял или хотя бы даже почувствовал. Ведь мысль его совершила скачок, намного превосходивший все, что Чавес мог прочесть на доске.

Они остановились в гостинице «Даниели», рядом с лагуной. Среди туристов они быстро опознали несколько знакомых лиц, все тех же лиц. Секретные службы всех ядерных держав, очевидно, здорово переволновались за последние три месяца, после того, как Матье покинул Францию. Человек, не отвечающий за свои действия, — любой врач поставил бы ему такой диагноз. Классическая схема невротического поведения. Алкоголь. Секс. Ненависть. Паранойя.

Он много пил. Всякий раз, когда у него в голове начинала звучать последняя нота, этот пес *plus ultra*¹ того, что оказалось теперь доступным, осуществимым, и когда перед его внутренним взором опять проплывал белый кортеж из символов и знаков, Матье напибался.

Мэй считала, что он пьет потому, что потерпел неудачу и считает себя конченным человеком.

— Я знала, что Бог не допустит этого.

— Чего этого?

— Ты отлично знаешь. Деградации энергии. Вот почему тебе пришлось отступить.

Он покачал головой, выражая свое восхищение:

— Мэй, твоя слепая, безусловная вера в Бога — должно быть, фантастический источник энергии!

— Да. Именно так мы, христиане, и двигаем горы.

— Горы только и делали, что росли, с тех пор как вы принялись их двигать. По-видимому, это

---

¹ И не далее (*лат.*). *Зд.* — крайний предел.

идет им на пользу. Они от этого делаются выше и больше.

Никогда еще Мэй не была такой красивой. Улыбающаяся, счастливая, она была опьянена итальянским солнцем, которое, казалось, похитило нимбы у святых всего мира. Она была его единственным прибежищем, его логовом. В ее объятиях он чувствовал обволакивающий животный покой. Но каждый миг этого счастья был одновременно жалким поражением, что терпят миллионы световых лет, когда их вдребезги разбивают какие-то несколько секунд, — в такие секунды поэма Хафиза покидала старые персидские камни, на которых она была высечена, и примешивалась к ее дыханию: *«В твоём любовном стоне рушатся камни никчемных империй. Руки твои, бедра твои — наука губ моих, наука рук моих...»*

— Марк...

— Что?

— Ты ведь иногда из-за меня бываешь несчастным?

Скажи.

— Почему ты об этом спрашиваешь?

— Потому что если бываешь, значит, ты меня и вправду любишь.

— Занятная логика!

— Вовсе нет. Любая женщина может в постели сделать мужчину счастливым. Ты ведь знал многих женщин. Сколько из них сумели сделать тебя несчастным?

— Только ты.

Она вся как будто лучилась.

— Значит, ты меня и вправду любишь.

Синие глаза, прямой взгляд, золото, сыплющееся с небес и разбегающееся по плечам, губы, немного тяжеловатые, отмеченные игрой чувственности и нежности, все ее прекрасное тело, роскошное и, вместе с тем, детское в своей непосредственности и доверчивой не-

принужденности... Говорят: жизнь, жизнь, — как если бы в этом слове заключался незнамо какой вопрос без ответа, незнамо какая тайна, тогда как ничто с такой ясностью и простотой не передает ее смысла, как эта улыбка, это движение бедер, этот свет женщины.

Пресвятая Дева. Мать радости. Нет больше неведомого, нет исканий, теперь у тебя есть ответы на все.

Второго августа они ехали в своем «альбере» через оливковые рощи и виноградники, окружавшие Перуджу. Мэй теперь смеялась над своими прошлыми страхами. Она знала, что речь идет всего лишь о старой доброй ядерной энергии. Что до имени «Альбер», то оно было дано машине в знак уважения к старому непримиримому борцу Сопротивления.

Машину вела Мэй. Переделанный «ситроен» отличался исключительно мягким ходом. Матье говорил себе, что, возможно, причина тому — сорокалетний водительский стаж Альбера. Никаких перебоев, толчков: это была и в самом деле наибольшая удача Группы Эразма на сегодняшний день. Утечка из компрессора была, но очень незначительная. Старина Альбер явно покорился. Привык, смирился со своей участью. Кроме того, левые наковец-то одержали победу на выборах, так что он больше не работал на капиталистов.

Матье смеялся. Всеё, что рассказывают об индивидуализме французов, об их независимом характере, — брехня.

— Что смешного, Марк?

— Знаешь, это забавно, все придуманные человечеством метафоры в конце концов становятся реальностью. Эдип, Прометей, Сизиф... все, что начиналось как притча, миф, басня, метафора... рано или поздно материализуется. Мне иногда приходит в голову вопрос, не является ли истинной целью науки воплощение метафор в жизнь.

Четвертого августа они в последний раз осматривали окрестности Перуджи, старые оливковые деревья, древние камни и неизменную итальянскую часовню, как будто случайно брошенную в цветы.

На следующий день они вернулись в Венецию, где наняли гондолу, называемую «апоге»: с каютой и черно-золотым балдахином — для влюбленных, которые желают заниматься этим, как в XVIII веке. После обеда у Торчелло Матье собирался уже спуститься в лодку, когда Мэй тихонько тронула его за плечо.

Под балдахином гондолы сидел Старр, одетый в свой жуткий армейский плащ цвета шпината, и грыз арахис. Лицо его было настолько приветливо, насколько может быть приветлив сжатый кулак. Глаза были такими голубыми и блестящими, что могли соперничать с лучшими образцами знаменитого муранского стекла.

Первая реакция Матье была доброжелательной. Ему нравились люди, которые так искренне его ненавидели. Всегда приятно иметь с другими что-то общее.

Мэй вцепилась ему в руку. Гондола плавно покачивалась. Промчался varoretto¹ с надписью: «Венеция тонет. Спасите ее!» Надо же, подумал Матье. Почему только Венецию?

Старр чистил орех.

— А можно и мне орешек? — спросил Матье.

Старр протянул ему пакетик.

— Послушайте, профессор. В настоящее время два десятка французских, американских, советских и китайских агентов полностью посвящают себя одному делу — слежке за вами. Ваша милая поездка по Италии, таким образом, обошлась одним лишь американским налогоплательщикам в пятьдесят тысяч

---

¹ катер (итал.).

долларов. Но вы по-прежнему представляете собой потенциальную угрозу. Невозможно угадать, что вы собираетесь теперь делать и *для кого*. До недавнего времени вы информировали о своей работе все великие державы. Превосходно. Я бы назвал это инстинктом самосохранения. Но вы вдруг перестали сообщать нам о результатах своих исследований, вы что-то замышляете. Мы не знаем, что именно, но ваше невротическое поведение говорит о многом; мы ведь давно вас знаем. Мы предполагаем, что вы сделали некое важное открытие. Рано или поздно наши лучшие физики, конечно же, догонят вас, но до тех пор страна, на которую вы по своему выбору станете работать, будет иметь огромное преимущество. Это, разумеется, заставит склониться чашу весов — или, как говорят, изменит «равновесие страха» — в пользу Запада, ну или в пользу Востока, как вам заблагорассудится... Но никто из нас не может позволить себе ждать сложа руки. *Вам удалось дезинтегрировать дух, профессор.* Мы в этом убеждены.

— Куда плывем, *рег рiасеге?*¹ — раздался голос гондольера.

Старр щелкнул очередной орешек. Матье почувствовал, как рука Мэй в его руке сделалась ледяной. Он взглянул ей в лицо: она стала похожа на утопленницу. Вот мерзавец, подумал он. Ему так хорошо удалось успокоить ее «метафизические» страхи, а теперь...

— Мэй, — прошептал он.

— Все в порядке, — сказала она. — Я не нуждаюсь в моральной поддержке. Нашему другу, кажется, есть еще что тебе сказать.

— И немало! — согласился Старр.

Он поднялся с сиденья, покрытого бархатом гранатового цвета.

---

¹ *Зд.: нельзя ли узнать (итал.).*

— Мне неизвестно, продолжаете ли вы информировать русских или китайцев, но я хочу поговорить с вами откровенно. Если вы не выберете свой лагерь сейчас — а в ваших интересах сделать правильный выбор, — вы, вне всякого сомнения, будете ликвидированы. Ни Франция, ни Россия, ни Китай, ни мы, американцы, не можем мириться с риском, которому мы все подвергаемся из-за вашего непредсказуемого темперамента. Чтобы уж высказаться до конца: мы все предпочли бы скорее увидеть вас мертвым, чем зависеть от ваших невротических импульсов! Я могу поспорить на свой... дух, старина, что фактор неопределенности, каковой представляет из себя ваш мозг, будет устранен, чтобы в мире сохранилось равновесие сил, каким бы зыбким оно ни было. Возможный вариант — похищение. Запад и Восток следят за вами и следят друг за другом, как хищные птицы, но эта игра не может продолжаться долго. Я не знаю, кто именно прихлопнет вас, — я еще не получал никаких указаний на этот счет, — но у меня тут есть наготове самолет, и, если у вас осталась хоть капля здравого смысла, вы примете официальное предложение, которое мне поручено передать вам: продолжить свою работу в каком-нибудь спокойном и приятном уголке, к примеру в Калифорнии, на солнышке...

— Куда, *per riasege*? — повторил гондольер.

— Возвращаемся в «Даниели», — сказал ему Маттье. — Кстати, к вашему сведению, полковник, я не только дезинтегрировал элемент. *Я сделал следующий шаг.*

Челюсти Старра сомкнулись.

— А можно точнее? Что именно вам удалось на этот раз?

— Вы вояка, полковник. Вдобавок — пентагоновского типа. Так что могли бы и догадаться. Это же очевидно. Прощайте. Знаете, всякий раз, когда я вас

вижу, мне хочется спросить: ваша физиономия — результат пластической операции? Что, раньше было еще хуже?

Они высадили его возле моста Риальто; он стоял, все так же грызя арахис и подпирая плечом древние сокровища культуры.

XVIII

Шестого и седьмого августа они еще раз объехали Умбрию. Это была любимая Италия Матье. Свет, заливавший землю, и сама земля излучали радость и красоту, словно природа выбрала этот край, чтобы доверить ему послание, укладывавшееся в одно слово — счастье.

Они остановились на ночь в «Альберго Гоцци». Как всегда, за ними наблюдали, следовали по пятам, их «охраняли», и с некоторыми из своих телохранителей они даже вежливо здоровались. Матье показалось, что он заметил нескольких новеньких: их лица выдавали средиземноморское происхождение. Возможно, это были израильтяне. Евреи были решительно против второго Распятия.

Восьмого августа они отправились в Ассизи.

В шесть часов вечера девятого августа Матье вышел купить французских газет, оставив Мэй одну в номере. Он уже перешел на противоположную сторону улицы, когда раздался взрыв — и ударная волна швырнула его на землю; оконные стекла отеля разлетелись вдребезги; на этаже, где они жили, часть стены исчезла; в зияющее отверстие он увидел свой номер. Он закричал, сорвался с места, упал, поднялся, стал карабкаться по лестнице среди обломков; он нашел Мэй — недвижимую, распростертую рядом с перевер-

нутой кроватью, без сознания; ее белый халат был весь в крови.

Лишь позднее он вспомнил вой сирен полиции и «скорой помощи», смутные, плохо различимые лица, среди которых было лицо Старра; он также вспомнил, что дрался, что его удерживали. Шок, вызванный этим злодеянием, заставил эмоциональные отходы, которые уже наложили отпечаток на его психику, проявить себя с силой, о которой он даже не догадывался. Он увидел покрытое грязью лицо Эразма, разглядывавшего свои окровавленные руки, увидел Христа — ему за-талкивали в глотку отбросы, а его Крест возвышался на груди похожих на скелеты трупов из Бухенвальда, и их пожирали псы с человеческими лицами и люди с песьими головами, почти не отличавшиеся друг от друга; а Монтень подвергнулся содомии в самый разгар международной конференции ученых в Пагуоше¹, где читались доклады об усовершенствовании ГУЛАГа с целью сделать его рентабельным и после смерти узников, дабы избежать разбазаривания энергии. Паранойя, паранойя. И вдобавок еще, несомненно, мания величия, ведь ему казалось, что все это бесчеловечно, тогда как это было, наоборот, человеческим, слишком человеческим. Матье охватила такая ненависть, что, как позднее писал Старр в своем отчете, тогда-то, очевидно, он и принял решение. Масштаб действий немецких террористов был ничтожным, их отчаяние проявлялось в единичных убийствах, их преступлениям, совершаемым из ненависти, не хватало размаха; преступное коренилось не только в обществе, но и в самой природе человека, поэтому нужно было покарать его душу. Все это Матье выкрикивал в бреду, и Старр не упускал ни единого слова, хотя и был растерян: он

---

¹ Пагуошское движение ученых за мир было основано в 1957 г. Бертраном Расселом и Альбертом Эйнштейном.

так и не смог вычислить, какая держава попыталась устранить Матье, чтобы чаша весов не склонилась в пользу противника, которому этот гениальный безумец решил бы служить.

Матье пришел в себя в коридоре больницы, среди людей в белом и с изумлением слушал их спокойные голоса, исполненные профессиональной невозмутимости; затем — новый провал сознания, резиновые перчатки, плазма, емкости с кровью, ряд пустых стульев, кто-то трясет его за плечо и говорит:

— Идите. Она зовет вас.

Он вошел, склонился над ней и какое-то время удерживал руку в нескольких сантиметрах от ее щеки, не решаясь коснуться. И вот тогда он увидел ужас в ее расширившихся глазах, губы ее дрогнули.

— *Машина... машина...* — попыталась выговорить она.

Он непонимающе смотрел на нее.

— *Машина... Умоляю тебя... Отгони ее... Я чувствую, что она... что она здесь... Я не хочу...*

Издав короткий сдавленный крик, он бросился вон: машина осталась на больничной стоянке *меньше чем в семидесяти пяти метрах*; он прыгнул за руль, завел двигатель, тронулся с места и взглянул на стрелку уровня топлива. Она по-прежнему стояла на единице. *Жива. Она жива. Не опоздал... Спасена.* Он вряд ли понимал всю значимость этого слова, его изначальный смысл, абсурдный, устаревший. Он гнал машину, рискуя жизнью, и бросил ее у реки. Стрелка индикатора оставалась неподвижной. *Спасена.*

Она выжила.

Все, кто неделями и месяцами корпел, составляя отчеты для командования разведслужб, анализируя причины, подтолкнувшие Матье стать перебежчиком и выбрать для этого самую неожиданную страну, сходились в одном: подтолкнула его попытка покушения,

целью которого был он, а жертвой стала его любимая женщина. У Старра же были более определенные соображения на этот счет. «Думаю, что Матье, как и его предшественники: Оппенгеймер, Ферми, Нильс Бор, Теллер, не мог ни отступить, ни подойти к пределу осуществимого. Вероятно, он пытался как-то воспротивиться этому, пробовал даже все бросить, как он это уже сделал однажды в случае с французской термоядерной бомбой, однако „священное пламя“, властная потребность расширять до бесконечности границы возможного подтолкнули его к мысли, что попытка убийства стала неким извинением, оправданием его поисков. Разумеется, на его выборе сказались озлобленность и ненависть к великим державам, которые он хотел „наказать“, но глубинным мотивом было, как и у всех великих исследователей, стремление к совершенству. В заключение позволю себе ремарку, весьма неуместную в устах военного. Если наш мир когда-нибудь погибнет, то от рук творца».

Оправляясь от ран, Мэй провела месяц на озере Комо. Со Старром она общаться отказывалась. К Матье присоединилась второго ноября в Триесте. Согласно сведениям, полученным в начале расследования, последовавшего за их исчезновением, двадцать третьего ноября они арендовали судно и отправились в круиз вдоль далматинского побережья. Через три дня перепуганные рыбаки рассказали полиции, что в тридцати милях от Триеста двоих пассажиров взял на борт албанский траулер с вооруженным до зубов экипажем.

Полтора года спустя русские и американские спутники зафиксировали в Орлиной Долине, к северу от Тираны, первые установки.

Часть вторая

ОРЛИНАЯ ДОЛИНА

После того как Джон Карриган, студент университета Беркли, изготовил в своей комнатенке в кампусе гранату с ядерным зарядом, а затем взорвал ею Белый дом в знак протеста против нейтронной бомбы, все кабинеты, службы жизнеобеспечения, покои президента и апартаменты его сотрудников были переведены под землю, на глубину тридцать метров, и прикрыты сверху свинцовым щитом десятиметровой толщины. Это был «щит позора», что-то вроде Берлинской стены: как и последняя, он отделял возвышенные устремления человеческого гения от того, во что они превращались на поверхности земли — не считая музеев, филармоний и библиотек.

Президент с отвращением склонился над «боровом». Потомок древнего рода фермеров был возмущен кодовым названием, которое военные дали этой новой технической дряни: оно оскорбляло всех славных свиней мира.

— Хочется заткнуть себе нос, — проворчал он. — Проектировали бы эти штуки так, чтобы они и пахли тем, чем им положено. И наши, и их.

Получасом раньше он расстался с лидерами Конгресса, а до того провел очередное совещание с русскими и теперь находился в Оперативном зале. Здесь определялись приоритетные цели во всех странах — как в

союзных, так и в прочих: стартовые площадки, ядерные арсеналы, экспериментальные заводы, биологические и химические лаборатории. Вот уже шесть недель албанский «боров» возглавлял список приоритетных целей, ему был присвоен «красный уровень опасности», и он занимал верхнюю строчку на электронном табло, где оценивались риски — в зависимости от поступающей информации — открытий в области науки и техники и общеполитической ситуации в разных странах. Эти приоритеты определялись компьютером и были известны как ПП — Предварительные Параметры, в просторечии «попа». Президент никогда не ложился спать, не взглянув на таблицу оперативных приоритетов, чей нрав был переменчивым и взбалмошным.

Вскоре после избрания — а это произошло пару месяцев тому назад — президента ждал небольшой сюрприз: он столкнулся нос к носу с «потенциально опасной приоритетной целью», расположенной в самих Соединенных Штатах. На биологическом факультете Стэнфордского университета начали проводить генные эксперименты, и последствия этих экспериментов, по мнению самих же ученых, были непредсказуемыми — они могли привести к созданию новых микроорганизмов и вызвать эпидемии, перед которым человек оказался бы бессилён.

Уже полтора месяца албанский «боров» бессовестно удерживал пальму первенства в списке приоритетов. Нередко, мучимый бессонницей, президент спускался в Оперативный зал и в тайной надежде смотрел на табло. Но «боров» не сдвигался с места, он по-прежнему был на самом верху.

— Интересно, что бы сказали американские граждане, если бы узнали, что в момент тяжелейшего кризиса — час «Ч», так, кажется, говорят — все силы его лидера сосредоточены на одном: не взять в руки сигарету, поскольку доктор запретил ему курить...

Помощник президента Рассел Элкотт и генерал Франкер, более известный как «Карманный Пентагон» первого лица государства, расплылись в улыбке. У Элкотта это вышло еще более-менее естественно, генерала же посетила тягостная мысль, что эта улыбка — единственный и довольно жалкий вклад, который армия смогла внести в историю.

Профессора Скарбинский и Каплан, генерал Франкер, Рассел Элкотт, Гарднер (первый чернокожий глава ЦРУ) и Роден (руководитель Пентагона) вместе с президентом рассматривали уменьшенную модель «Борова», громоздившуюся на столе. «Боров» был приземистым сооружением, стоявшим на массивных лапах-столпах и увенчанным перламутровым куполом

— Никогда не видел большей мерзопакости, — сморщился президент. — А как дела с нашим собственным «боровом»?

— Немного отстаем от русских, — сказал Каплан. — Мы должны исключить любой риск, поэтому дело идет небыстро. А у Советов бог знает сколько шпионов в Албании.

— А как же мы, у нас там кто?

— Американка, — ответил Рассел Элкотт. — Подружка Матье.

— Да будет благословенна ее попка, — сказал президент.

— И ежедневные разведданные, получаемые с помощью спутников и самолетов, — добавил Франкер.

— Да будет благословенна и твоя тоже, — сказал президент.

— Нам недостает некоторых деталей, — заметил Каплан. — Мы не в состоянии достоверно предсказать последствия дезинтеграции нуклона. С одной стороны, как показала авария в Мерчентауне, может иметь место... дегуманизация.

Ему не нравилось это слово — чересчур уж литературное.

— Или, если угодно, распад психики. Это что-то вроде нейтронной бомбы, которая, вместо того чтобы убивать, уничтожает душу.

— Мне казалось, что таких результатов обычно добиваются идеологическими методами, — сказал президент с ненавистью в голосе. — Вспоминается — представьте себе — господин Гитлер. Да и Сталин с этим неплохо справлялся. Я вам вот что скажу, друзья мои: использовать науку и технику для дегуманизации народов — это значит признать, что политика с этим не справилась!

— Есть еще один вариант, — сказал Каплан.

Профессор Каплан был еще очень молод. Стройный, с шапкой курчавых волос; в глазах, за стеклами очков, застыло мечтательное выражение, которое плохо вязалось с его научными достижениями: именно он в 1977 году сумел усовершенствовать лазер Кастлера и получить луч, способный сжигать спутники на любом расстоянии.

— Какой же? Продолжайте, старина, — сказал президент. — Мне он уже нравится, хотя я пока не знаю, о чем речь.

— Не исключено, что дезинтеграция духа будет иметь результатом направленный взрыв. Зона действия и границы этого взрыва поддаются расчету — для этого достаточно построить новый компьютер.

Президент тяжело опустился на стул.

— Хорошо, что Джимми Картер этого не слышит, — сказал он. — Узнай он, что человеческая душа способна довести нас всех до животного состояния и вообще — что она окажется такой разрушительной силой, он бы, наверно, перестал слушать Баха и Генделя, как делал это каждый божий день. Но вы продолжайте, продолжайте. Я хочу знать всю правду, даже если

из-за нее перед нами встанет вопрос, который мне не по зубам. Я хочу сказать... — Он вздохнул и потер виски. — Вопрос об... истинной природе человеческой души. До сих пор, как вам известно, вокруг нее вечно поднимали шум.

Присутствующие старались не смотреть на президента. Как писала «Вашингтон Пост», своим избранием этот фермер из Небраски был обязан тому, что американский народ ощутил потребность в простоте. «Избиратели, видимо, сочли, что в эпоху сверхсложных мировых проблем Соединенным Штатам требуется президент, который не был бы сверхсложной личностью».

Президент был занят тем, что разглядывал свои ноги. Уже не одно десятилетие — начиная с чуда Гарри Трумена — принято было считать, что в случае первого лица государства «должность делает человека». Бывший фермер не так давно находился у власти, но у него уже сложилось свое мнение по этому вопросу: должность делает президента — так-то оно так, но, оказавшись у власти, человек меняется и может даже стать совсем другим. И в итоге, чем больше проходит времени, тем меньше президент, который управляет страной, походит на того, за кого голосовал народ.

Он поднял глаза:

— Похоже, у нас нет выбора?

Каплан уже готов был ответить: «Нет, господин президент», но вовремя спохватился: этот вопрос президент задал самому себе. И ни у кого из них не было полномочий давать ему совет, чреватый столь серьезными последствиями.

— Сколько у нас есть времени?

— Насколько нам известно, албанцы планируют устроить свою «технологическую премьеру» примерно через два месяца, — сказал Франкер. — Но заметьте, господин президент...

Он подошел к карте Албании, занимавшей всю стену.

— ... «боров» находится в центре густонаселенного района. Жилые дома, больницы, дома престарелых... Все здания оборудованы коллекторами — таким образом была решена проблема энергетической подпитки. Но вот что интересно — как они, черт подери, собираются дезинтегрировать дух в столь людном месте без человеческих жертв? Однако это соображение имело бы смысл лишь в случае *обычной* атомной бомбы. Напомню вам, господин президент, что при дезинтеграции возникает *восходящая* сила. Она подобна лазерному лучу: вся эта высвободившаяся мощь с огромной скоростью устремится в космос...

— Скажите еще, что албанцы целятся в Господа Бога, — проворчал президент.

Генерал Франкер рассмеялся. Остальные тоже. Это немного разрядило обстановку, подумал Элкотт. Самого его утило.

— Заметьте, — сказал президент, — даже то, что вы называете «обычной» атомной бомбой, целит в Господа Бога, хотим мы того или нет. Картер когда-то очень хорошо об этом высказался.

— На мой взгляд, человечеству еще рановато заманиваться на такие цели, — сказал Франкер.

— И слава Богу.

— Вышесказанное объясняет, почему эксперимент можно проводить и в столь густонаселенном районе. Но главная опасность состоит в том, что они могут направить высвободившуюся энергию в любом направлении. В любом — как им взбредет в голову. Если вы посмотрите на карту, то увидите, что между так называемым объектом «боров» и югославской границей нет ничего, — а мне не нужно напоминать вам, что Албания Имира Джумы ненавидит югославских «уклонистов» не меньше, чем русских. Одно остается

невыясненным: действительно ли они научились задавать направление выброса? Потому что если ответ утвердительный — а на это многое указывает — то... Взгляните...

Он провел пальцем по карте.

— Если вы мысленно продолжите этот вектор, то увидите, что пучок сметает всю Европу и доходит до нашей территории... Если опираться на труды о лазере нашего друга, профессора Каплана, то получится следующая картина: луч, расширяясь, превращается в пучок, который накрывает примерно пятую часть Соединенных Штатов...

— Спасибо, — отозвался президент. — Мне предстоит еще одна спокойная ночь!

— Это всего лишь рабочая гипотеза, — заметил Каплан.

Президент взглянул на него с неприязнью:

— Пожалуйста, не надо *гипотез*. Мне нужны *достоверные факты*. Когда это новое дерьмо будет готово завонять?

— Мы находимся в постоянном контакте с нашим агентом в Албании.

Президент еще несколько секунд рассматривал «бобра», лицо его при этом выражало искреннюю ненависть.

— Ладно, выпускайте народ.

Слово «Народ» было его коллективным прозвищем для членов Конгресса.

Все эти дни президент старался держать их в курсе происходящего, а теперь намеревался потрясти до глубины души. Он был сбит с толку, растерян, не понимал масштаба проблемы и не мог принять решение. Потому он напускал на себя спокойный, уверенный и решительный вид. Рассел Элкотт находил, что президент похож на старого лавочника со Среднего Запада, — ему так и виделось, как тот стоит на крыльце

своего магазинчика, засунув руки в карманы. Кроме того, Элкотт спрашивал себя, как бы обошлись будущие Джотто и Мазаччо со всеми этими людьми в костюмах-тройках, в очках с черепаховыми оправками, со столь неодухотворенными лицами — если, конечно, предположить, что будет новый Ренессанс...

Элкотт отправился в кабину звукозаписи, где встретил усталый, безжизненный взгляд звукоинженера. Каждое сказанное слово фиксировалось, и все об этом знали: никто не избежит своей доли исторической ответственности. Новая библия будет писаться не по слухам, основываться не на одной лишь устной традиции, а на неопровержимой записи, извлеченной с глубины в сто метров, из пусковых шахт ядерных ракет.

Рассел Элкотт устроился в углу и надел наушники.

Он узнал голос сенатора Болланда из Юты:

— К черту научное словоблудие, профессор. Вы хотите сказать, что человеческая душа является оружием неограниченной разрушительной силы...

— В этом нет ничего нового, сенатор, — говорил Каплан. — Нам это было известно задолго до Хиросимы. Но моя роль состоит не в том, чтобы предаваться старым как мир философским размышлениям. Я обращаюсь к вам как ученый. Я говорю с вами на языке квантов.

— Позвольте!

Тед Квиллан из Мичигана, отметил Элкотт. Самый реакционный республиканец в Сенате.

— Вот куда нас завели сорок лет трусости и пресмыкания перед коммунистами! Уход из Вьетнама и Кореи. Потом Хельсинки... Мы бежали от ответственности! В результате, в руках у крошечной страны, яростной и злобной сталинистки, страдающей комплексом неполноценности и манией преследования, оказалось

опаснейшее оружие. То самое оружие, которым мы не сумели обзавестись из-за банальной близорукости, а также из-за того, что постоянно урезали наш военный бюджет...

Рассел Элкотт снял наушники. На полу валялись герметически упакованные коробки с пленкой.

— Послушайте, Берт, я хочу напомнить вам, что записи необходимо спускать в ракетные шахты каждые полчаса. Разве вам этого не говорили?

Звукоинженер посмотрел на него в упор:

— Зачем? Чего вы ждете? Конца света? Он уже наступил, причем очень давно. Наш мир — это уже новый мир.

— Потомкам нужна будет полная информация, старина.

— Вы имеете в виду, исследователям из других галактик, которые прилетят сюда и займутся раскопками, чтобы узнать, как мы до этого докатились?

— В грядущие века люди будут любознательнее, Берт. Готов поспорить.

Он снова надел наушники. Говорил президент.

— Сенатор Болланд, мы не можем снести с лица земли целую страну, даже если у нас есть какие-то... дурные предчувствия... пусть даже обоснованные...

— Предчувствия! Это — *достоверный факт!*

— Я так же, как и вы, переживаю за наши бессмертные души. Устроить всемирный холокост, вызвать тотальное разрушение технократической цивилизации, как того хотелось бы некоторым представителям молодежи? Если следовать доводам подобного рода, необходимо было бы уничтожить три четверти человечества, чтобы оставшаяся четверть начала все сначала, но пойдя на этот раз другим путем. Погубить цивилизацию, чтобы спасти бессмертную душу... Единственный недостаток подобных рассуждений — ради этого спасения погибнут сотни миллионов. Духовная

гибель человечества, вот к чему это приведет, а не к бессмертию...

Рассел Элкотт слушал. Он узнавал голос каждого, он прекрасно знал их всех: честные люди, они трудились как могли, но они *не были предназначены для этого*. О них можно было сказать «обычные люди», как говорят «обычные виды вооружения». Интендантская служба все-таки не поспевала за научным прогрессом. Этика и чистый интеллект, не имеющий отношения ни к морали, ни к «душе», никогда еще не были так далеки друг от друга.

— А Китай, господин президент? Ведь, в конечном счете, Албания всего лишь филиал Китая в Европе!

— Я регулярно информировал вас о всех моих попытках наладить отношения с Китаем, сенатор. Но они поют одну и ту же песню: Албания является суверенным и независимым государством, и так далее, и так далее... Невмешательство во внутренние дела других стран и все такое прочее. Кстати, Пекин остается в выигрыше при любом повороте дела: эксперимент может оказаться «удачным» — тогда в их распоряжении окажется «абсолютное» оружие, или же либо русские, либо мы попытаемся помешать этому эксперименту — тогда нас заклеят «империалистическими агрессорами» и мы будем дискредитированы в глазах всего мира... Кроме того, я полагаю, что албанцы не осознают всех последствий своих действий. Впрочем, как и мы. *Мы не знаем*. И именно поэтому я прошу генерала Франкера еще раз изложить точку зрения военных...

— Вы ее уже изложили, господин президент. *Мы не знаем*. И мы хотели бы, чтобы вы рассуждали следующим образом: «*То, что нам известно, выглядит слишком опасным, чтобы мы могли позволить себе рисковать неизвестностью*».

Возникла пауза, затем раздался голос сенатора Эклунда из Орегона:

— Так рассуждают компьютеры, генерал!

— Так-то оно так, сенатор. Только у компьютеров есть одно неприятное свойство: они редко ошибаются.

Рассел Элкотт встал. Звукоинженер подошел к автомату и налил себе кофе.

— Вечером пойду на порнофильм, — сказал он. — Для разнообразия хочется чего-нибудь чистого.

В два часа ночи их снова вызвали в Оперативный зал. Президент сидел перед «боровом» в пижаме и домашних туфлях, со стаканом молока в руке.

— Мне очень жаль, что пришлось разбудить вас, — сказал он. — Чертова работа, правда?

Они ждали, что он скажет дальше.

— Что касается этой албанской штуковины... — Он отхлебнул из стакана. — Я хочу, чтобы она в пятидневный срок была стерта с лица земли.

— Есть, сэр, — сказал Франкер. Он был мертвенно-бледен.

— Я еще раз говорил с Пекином. Они ничего не хотят знать. Так что... Как вы там говорили, генерал? *«То, что нам известно, выглядит слишком опасным, чтобы мы могли позволить себе рисковать неизвестностью».*

— Да, сэр.

— Пять недель. Мы приняли предложение русских. Рейд диверсионной группы — как они и предлагали. Саботаж... Если сможем повернуть это «незаметно»... ну, «незаметно» здесь понятие относительное... тем лучше. Если нет, то... разрушим весь сектор, сметем его с лица земли. Уничтожим. Ядерная ракета отклонилась от курса. Все что угодно.

— Да, сэр.

— И вот еще что...

Они замерли в ожидании.

— Нам придется принять кое-какие меры в отношении науки, — сказал президент. — Нам ее уже не сдержать: скорее это она уже нас держит. Нам необходимо новое поколение компьютеров, что-то вроде духовного компьютера, с которым ваш президент мог бы консультироваться перед сном. Такой компьютер, который позволил бы с одного взгляда оценить, что в данный момент происходит с родом человеческим — идет ли он бок о бок с Иудой или с Христом.

Его мрачные усталые глаза сверкнули, и на губах обозначилась улыбка.

— Не исключено, что в нашем случае речь идет о втором шансе, дарованном Иуде: шансе спасти Христа. Хм, извините. Похоже, у этой штуки странный побочный эффект. Спокойной ночи. И не забудьте: у вас пять недель.

Орлиная долина — такое название дали этой местности турки тысячу лет назад. Но с началом строительства реакторов-размножителей, коллекторов и прочих агрегатов, предназначенных для создания полностью управляемой системы «полного цикла», которая положит конец разбазариванию духовной энергии албанских трудящихся, долину переименовали в Народную.

Матье сидел на узкой деревянной галерее, опоясывавшей дом. Он смотрел на здание энергетического комплекса и на еще голую землю между заводами и зданиями технических служб.

Вид с галереи открывался великолепный. По обе стороны от творения рук человеческих высились заросшие лесом горы. В этих лесах уже давно не было птиц. Орлы, которым долина была обязана своим древним названием, покинули ее — укрылись ближе к вершинам.

Одним взглядом Матье мог объять все, что сам создал. Тот факт, что одна из самых маленьких, а с технической точки зрения и самых отсталых стран мира, отличавшаяся, однако, безупречной идеологической дисциплиной, сумела за три года поднять свой технологический уровень до уровня своих достижений в области идеологии, — был ярким доказательством того,

что воля вождей, если она стоит на службе народных масс, способна на многое.

Матье оставалось решить еще несколько задач — второстепенных, но при этом безотлагательных.

Так, за исключением людских ресурсов, материалы, предоставленные в его распоряжение, были весьма посредственными. Зато энергетическая отдача албанского народа была отличного качества: его дух обладал исключительной мощью и чистотой, и улавливание осуществлялось с максимальной эффективностью. Сказывались тридцать пять лет интенсивной идеологической подготовки.

Матье нуждался в материалах. Сталинит — так называли здесь сплав, который использовали для изоляции, — был недостаточно эластичным, «грязным», из-за чего внутреннее давление давало побочные эффекты выше нормы. Дух просачивался наружу, проползал самым низким, можно сказать, раблепным образом, начисто лишенный восходящей силы. Его воздействие было здесь особенно вредным, и процент психических заболеваний и нервных срывов — особенно высоким. Партийный комитет по культуре регулярно жаловался полиции, что «в жилых домах звучит буржуазная музыка декадентских западноевропейских композиторов Баха и Генделя. Нужно усилить наблюдение, поскольку нет никаких сомнений в том, что некоторые трудящиеся слушают радиостанции империалистических стран». Никто, разумеется, не проигрывал никаких записей, да и радиоприемники тут были ни при чем — музыка сама сбегала с энергетических станций. Партийные работники не давали Матье покоя, но он ничего не мог поделать — никто ничего не мог с этим поделать: это было в самой природе процесса. Потребуется еще много времени и сил, чтобы устранить этот дефект. Какие-то пожилые крестьяне из православной общины сообще-

ли, что видели, как по долине «шествовали иконы», и даже называли полиции имена двух святых — святой Кирилл и святой Филарет — которых они сперва приняли за переодетых американских шпионов. А в некоторые часы небо над энергетическими станциями озарялось разноцветными огнями. Все в долине начинало испускать лучи, сверкая мягким и вместе с тем тревожным светом; небесная синева становилась пронзительной и почти нестерпимой для невооруженного глаза. Матье объяснял сотрудникам комитета, что это оптические иллюзии и эффект от них, каким бы неприятным он ни был, не имеет серьезных последствий для человеческого организма: по мере привыкания он будет убывать, а пока что наука не в состоянии с ним справиться. Лучшим средством борьбы с интоксикацией оставалась усиленная идеологическая подготовка в школах, университетах и партийных ячейках.

Одной из нерешенных технических проблем оставался радиус действия коллекторов. Можно было построить агрегаты большей мощности, но они становились неуправляемыми. Так что по-прежнему приходилось устанавливать коллекторы не меньше чем в семидесяти пяти метрах от потенциальных источников. Каждый новый жилой дом или завод в долине обязательно, наряду с сантехникой, оснащался уловителями энергии. Люди привыкли сидеть вокруг этих белесых зияющих труб, как некогда имели обыкновение сидеть у очага.

Больше сотни многоэтажных жилых домов на склоне горы занимали труженики-пенсионеры, которых переселяли сюда из других районов. В их распоряжении были клубы, библиотеки, и они могли приятно проводить досуг в ожидании своего часа.

Центральный реактор-размножитель развивал теперь мощность в сто двадцать тысяч человеко-духов.

Энергия накапливалась в четырех компрессорах: внутри них осуществлялось сжатие, которое должно было перейти в «крекинг».

По мере приближения назначенного времени китайские инженеры, руководившие подготовительными работами, стали выказывать все большую нервозность. Матье вынужден был подолгу простаивать у доски с формулами. Но китайцы не могли уследить за ходом его мысли. Им требовались время и новые компьютеры. Времени не было, так как американцы и русские тоже работали не покладая рук. Не было и новых компьютеров.

Когда стало известно о решении «албанского Сталина», маршала Имира Джумы, перенести дату эксперимента на более ранний срок, у Матье состоялся долгий и тяжелый разговор с двумя китайскими учеными, прибывшими из Пекина. Это были знаменитые братья Мун, американские граждане, вернувшиеся в Китай в 1962 году. Братья Мун были близнецами, отличить их друг от друга было невозможно. Матье считал, что именно это сделало их столь закоренелыми коммунистами.

Что-то откровенно непристойное было в речи этих китайских близнецов-коммунистов, говоривших с отчетливым американским акцентом.

— Мы не в силах уследить за вами, господин Матье. От нас что-то ускользает, какое-то понятие, неизвестная величина. Если говорить откровенно, то нам кажется, что вы сообщаете не всю информацию. Наше мнение таково: следует проверить на компьютере вашу теорию направленного, ограниченного воздействия — да и всю вашу теорию конвергенции. Мы не вполне уверены в том, что «реакция срыва»¹ может

---

¹ «Реакция срыва» — реакция, при которой нуклон «вырывается» из основного ядра (*прим. автора*).

проходить локально. По нашему мнению, существует риск неуправляемого высвобождения энергии с непредсказуемыми последствиями. При степени компрессии и концентрации, которых нам удалось достичь, дезинтеграция может вызвать взрыв, мощность которого предсказать невозможно. Нет такого математика или физика, который был бы способен, исходя из заданных вами величин и без помощи компьютера, точно рассчитать предельные значения. При каких условиях луч начинает преобразовываться в пучок? Каков предел концентрации энергии? И нужно ли опасаться цепной реакции?

— Удалось же избежать цепной реакции «Пражской весны», — заметил Матье.

— Господин Матье, пожалуйста... такого рода шутки... Нам требуется разъяснение.

— Ну что же, потребуйте его у партии. У нее есть ответ на все.

Натянутые улыбки, усталые, терпеливые. Лица братьев напоминали два сморщенных яблока.

— Или откажитесь от этой идеи. Пусть американцы и русские вырвутся вперед. А вы тащитесь в хвосте. Деграция элемента — это *sine qua non*¹ условие успеха одной из систем, капиталистической или марксистской. Я доложу маршалу Джуме о ваших попытках чинить мне препятствия. После смерти Мао отношения между Албанией и Китаем уже не те, что прежде. Может, вас сюда и послали только для того, чтобы... вывести Албанию из игры?

Неискренние, кривые улыбки...

Матье потребовал нового совещания с партийными руководителями. Черт, подумал он, удалось же русскому биологу Лысенко добиться того, что исключительно по идеологическим причинам была

---

¹ Непременное (лат.).

признана дурацкая и совершенно ложная научная теория.

Матье провел перед доской семь часов.

В присутствии высоких чинов, специально прибывших из Тираны, близнецы и другие эксперты поступили так, как они всегда поступали, когда за ними присматривала партия: они приняли идеологическое, а не научное решение. Они дали положительное заключение.

Матье получил зеленый свет.

Вспышка розового света озарила внутренность дома, затем свет заискрился всеми цветами спектра и погас.

— Не делай этого, черт побери! — заорал он.

Он вскочил со стула и бросился в гостиную.

Эта дурочка снова взялась за свое.

Мэй явно была очень довольна собой. В трех портативных коллекторах, которые он принес домой для хозяйственных нужд, еще оставалось немного отходов, и какое-то время они сияли розовым светом, более мягким, чем кожа на лице Мадонны Рафаэля.

— Не смей делать это здесь, шлюха безмозглая! А если полиция заметит? Ты отдаешь себе отчет в том, что это значит — высвободить дух? Саботаж! Антиобщественное поведение, мессианские настроения, влияние обскурантистских буржуазных идей... Запросто можно загреметь года на три в тюрьму или, в лучшем случае, оказаться в психушке! Ты умышленно разбазариваешь энергетические ресурсы албанского народа, уничтожаешь государственную собственность и бог знает что еще!

— Да, Бог знает!

— Так просто принято говорить, дурочка ты несчастная!

Она стояла, скрестив руки на груди, и смотрела на него с вызовом.

— Ты великий человек, Марк. Ты доказал, что Бог существует и что душа — это не просто метафория.

— Метафора, невежда.

Он успокоился. Дети всегда остаются детьми, что тут поделаешь. Общаясь с этой строптивицей, нужно всегда помнить о свойственных детям невинности и простодушии. Трогательный пример психологической регрессии.

— Зачем ты это делаешь, Мэй?

— Ну, во-первых, мне нравится цвет. Они такие красивые, когда выскальзывают. Прямо как на картине, правда? Можешь себе представить, что из этого сделал бы какой-нибудь великий художник?..

— Уже сделали в эпоху Возрождения. Не надо глупостей. Соседи донесут.

Но это был безнадежный случай. Он имел дело с существом, отличавшимся несокрушимой наивностью. Этакий Таможенник Руссо¹ христианской веры.

— Здесь такие вещи строго запрещены. Эти люди пытаются что-то построить, а то, что ты выпустила сейчас на свободу, — на этом какой-нибудь бульдозер мог бы работать до бесконечности, до полного износа. Ты разбазариваешь их ресурсы.

— Screw them. Да пошли они!

— А ты представь, что парень, который был там внутри, только и мечтал отдать все лучшее, что у него есть, делу строительства социализма? Может, ты растоптала мечту всей его жизни.

— Мне плевать, что он там думал, дорогой. Я знаю, что для него лучше.

---

¹ *Таможенник Руссо* — прозвище французского художника-примитивиста Анри Руссо (1844—1910), служившего клерком на таможне.

— Может быть, он был членом партии. Тебе не кажется, что поступить так с партийным активистом — нечестно?

— Он наверняка был счастлив вновь очутиться на воле, иначе бы не сиял такими радостными цветами. Розовый, оранжевый, синий, белый... Я почти слышала, как он говорит спасибо.

— Обычное природное явление. Цвета спектра.

— Свобода — тоже природное явление.

— Не надо больше, очень прошу. Они тебя затаскают по судам!

— Мне ровным счетом наплевать на то, в чем могут обвинить меня *здесь*, дорогой. На небе меня за это благословят.

— Теперь еще и святая! — взвыл Матье. — Вот уж не хватало! Новая американская святая, святая Мэй Албанская! Я уже вижу икону с твоим ликом!

Она зачесывала волосы назад и улыбалась своему отражению в зеркале.

— И какой у меня на иконе будет лик?

— Вполне соблазнительный!

— Почему на иконах никогда не было блондинок?

— Понятия не имею. Осторожней, Мэй. Недавно ты разрядила на заднем дворе больницы аккумулятор в тридцать душ. Полиция устроила облаву и переловила кучу подростков: они называют это, как в России, хулиганством!

— Но это было так красиво, Марк! Так красиво! И знаешь что? Они поднимались в небо с пением!

— И что же пели эти придурки?

— «Ave Maria». Я ясно расслышала.

— Разумеется — ведь это все, что ты знаешь из классической музыки.

— Это было чудесно.

— Послушай, дрянь художественная, ты не имеешь права самовыражаться за счет других людей!

— А ты? Ведь ты именно этим и занимаешься. Ты самовыражаешься в своей науке за счет других людей. И тебя мало волнуют последствия. Старые измученные рабочие, которые сидят у этих страшных труб и ждут! Это подло! Кто-то должен сказать им правду!

Слава Богу, она пока еще не говорила по-албански. Правда, уже взялась за изучение языка. А еще она проводила долгие часы за чтением книг по истории этой страны — столетий рабства и народной борьбы против турецкого владычества.

— Сколько мы еще будем здесь торчать, Марк?

— Понятия не имею. В будущую среду сюда придет Имир Джума, а также все правительство и главный штаб. Знамена, речи и все такое прочее.

— А что произойдет, когда Имир нажмет на кнопку? Дегуманизация?

— Ну да, расскажи-ка мне еще о варварском уничтожении бельков в Норвегии и Канаде или слонов в Африке. Напомни, сколько собак французы оставляют подыхать всякий раз, когда уезжают в отпуск. Давным-давно... Ах да, еще киты! Я забыл про истребление китов! И про пять миллионов евреев, превращенных в пепел... Ну же, расскажи мне о необратимом загрязнении океанов! Чего ты ждешь! Дегуманизация, говоришь? Дегуманизация — это гуманно!

Он остановился. Самое странное в этом перечислении было то, что оно ничего не доказывало. От него возникала лирическая иллюзия, что человек может покончить с верой, лишь покончив с самим собой.

— Это всего лишь эксперимент с деградацией, причем в очень малом масштабе, Мэй. Мы хотим понять, где находимся, прежде чем двигаться дальше. Не переживай. Это самая обыкновенная атомная энергия. В которой, разумеется, тоже нет ничего хорошего — но тут мы снова вступаем в область метафор.

Он заметил едва различимый белый след на небе. Американские самолеты-разведчики облетали долину дважды в день уже без всякого стеснения.

— Взгляни, — сказал он. — Вечерняя тень.

Она не подняла глаз.

— Пообещай, что никогда не будешь меня ненавидеть, — произнесла она тихим, почти несчастным голосом.

Тренировочный лагерь располагался в Литовской советской республике, в нескольких километрах от Балтийского моря.

Старру ужасно понравилось это место. Морской ветер среди елей, колышущиеся травы в дюнах, песчаные холмы, лес и волны, дикие гуси в небе, предгрозовые тучи и далекий гудок старинного русского парохода, трудолюбиво продолжающего свой путь на север...

У Старра больше не было дурных предчувствий. У него появилась вера в скорую развязку, — похоже, в тайной природе духа было заложено что-то, что несло в себе уверенность в победе.

Их было семеро. «Тренировка» заключалась главным образом в том, чтобы познакомиться. Канадец, носивший странное имя Дьёлёвё¹ Колек, был специалистом по саботажу, он хорошо проявил себя в операции со «случайными» авариями на нефтяных скважинах в Ливии. Это был стройный крепкий человек безупречной закалки; темные спокойные глаза, короткая, подстриженная на испанский манер борода; его высокомерная безучастность сменялась порой неожиданными взрывами веселья. Он продемонстрировал им миниатюрный — меньше большого пальца в

---

¹ Этого хочет Бог (фр.).

толщину — фотоаппарат, который посылал зернышки цианистого калия на расстояние в двадцать метров и при этом делал фотоснимки.

— Не вижу проку в вашей штуке, — сказал ему Старр. — К чему такие тонкости?

— Это удобно, когда нужно действовать быстро, — объяснил Колек. — Снимок позволяет проверить, того ли вы убили, кого надо, или ошиблись в спешке. Всегда лучше перестраховаться.

Майор Григорьев, один из двоих русских, был хорош собой, краснощек, со светлыми вьющимися волосами и синими глазами. Идеальное лицо для убийцы, подумал Старр, — откровенная, открытая и веселая физиономия, внушающая доверие и симпатию.

Югослав Станко был сербским горцем, высоким и широкоплечим; у него были огромные руки, нос — как клюв хищной птицы, густые брови, сходящиеся на переносице, и глаза-бойницы. Беспечный балагур, выпивоха, любитель застольных веселий, в четырнадцать лет он получил боевое крещение в боснийском партизанском отряде и дорос до высокого поста в югославской разведке. В семнадцать лет он состоял в элитном взводе, расстрелявшем соперника Тито — генерала Михайловича.

Старр был уверен, что члены диверсионной группы были выбраны не только потому, что как нельзя лучше подходили для этого предприятия, но и потому, что являлись «типичными представителями». Он не знал и не пытался понять, что в точности подразумевается под этим словосочетанием. Может, за ним кроется какое-то понятие, в которое лучше не углубляться. А не то начинаешь задаваться вопросом, были ли Гитлер и Сталин «чудовищами» или тоже — «типичными представителями».

От всех этих мыслей, приходивших в голову очень некстати, разило отбросами духа. Судя по всему, его

побочные эффекты имели почти неограниченную зону действия. Они побуждали к сомнениям и к навязчивому самокопанию — а если вам приказано спасти цивилизацию, вам нужно совсем другое: полное отсутствие колебаний и угрызений совести.

Второй русский, Комаров, был сибиряк; плоское круглое лицо, приплюснутый нос, раскосые глаза без ресниц — сразу было видно, что в его жилах течет и монгольская кровь. Старр знал его досье наизусть, знал он и про убийство двух американских агентов, один из которых, Джон Велик, был лучшим, кто когда-либо служил под его началом. Приятно работать в одной команде с таким высокопрофессиональным негодяем.

Между собой они говорили по-английски. У Григорьева был такой идеальный американский выговор, что у Старра не осталось никаких сомнений, кто же был тем советским резидентом в Штатах, которого так и не удалось схватить.

Тяжелее всего был запрет на выпивку. Перед ответственным выходом нужно быть в форме.

Самым странным в группе был поляк. Его фамилия, Мнишек, принадлежала старинному аристократическому роду. После очередного заплыва по Балтийскому морю, когда они уже выходили из высоких волн, врезавшихся в дюны, Старр толкнул Колека локтем в бок.

— Надо же... Ты видишь то же, что и я?

Капитан Мнишек сидел на песке на корточках и вытирал голову полотенцем.

На шее у него болталась золотая цепочка с распятием.

— Ну что ж... для настоящего твердолобого марксиста... — пробормотал Старр.

Колек пожал плечами:

— О, поляки очень непростые люди, это известный факт!

Старр думал.

— Послушай, что я тебе скажу. Прошлой ночью я наблюдал за ним через окно. Знаешь, чем он занимался? Он стоял на коленях с четками в руках и молился. Да... молился.

Канадец посасывал трубку.

— Ну и что? Если вдуматься в смысл предстоящей операции и поразмыслить хорошенько над природой цели, которую мы должны уничтожить...

— Мы ее не уничтожаем, — сухо сказал Старр. — Мы ее освобождаем. Мы уничтожаем только установки... ГУЛАГ в некотором смысле. Держу пари, что этот тип, Мнишек, всю свою жизнь был ханжой. Верующим. А ведь он коммунистический агент, высококлассный специалист по саботажу. Поляки утверждают, что дали нам своего лучшего человека, а он, оказывается, аристократ и святоша! Не понимаю. Нас ждет адская работа. Никакие внутренние разногласия недопустимы. А это предполагает, что мы должны знать и понимать друг друга. Вот за этим нас здесь и собрали.

— А почему не сказать все это ему? Сходи как-нибудь поговори с ним.

Старр так и сделал.

У капитана Мнишека было длинное узкое лицо, тонкие усики над скупой улыбкой и спокойный прямой взгляд уверенного в себе человека. Он выслушал вопрос Старра и, казалось, не был ни удивлен, ни раздражен его резкой откровенностью.

— Да, я происхожу из древнего католического рода, очень набожного. И я католик, соблюдающий обряды.

— Весьма необычное кредо для человека, хорошо зарекомендовавшего себя на службе... — Он чуть бы-

ло не сказал «в диверсионных группах». По старой привычке.

— На службе марксизму-ленинизму, — спохватился он.

Поляк поднял изящную аристократическую руку.

— Согласен. Только я просто занимаюсь сведением счетов, дорогой товарищ. Соединенные Штаты и Англия в Ялте предали католическую Польшу. Они ее продали, выдали, как Иуда выдал Христа. Мне было тогда двенадцать лет. После этого я стал коммунистом. Я не покладая рук работал ради победы коммунизма над Западом. Партии это хорошо известно: я им предоставил... весьма многочисленные доказательства своего рвения — иначе меня бы сейчас здесь не было, как вы можете догадаться. Надеюсь, это объяснение вас удовлетворило. Сигарету?

Он открыл золотой портсигар и протянул его Старру.

— Спасибо, — сказал тот и вышел. Спокойнее ему не стало.

Седьмому члену группы, Лавро, было под шестьдесят: гигантского роста — настоящая башня — лысый, с длинной густой бородой с проседью; загадочный, сдержанный и молчаливый, он был похож на монаха с горы Афон; будучи агентом Коминтерна в Македонии, водил партизан в бой против немцев и усташей под именем Владыка, которое стало легендарным. После разрыва Тито со Сталиным его отношения с властителем Югославии то налаживались, то снова портились. Он знал горы лучше, чем кто-либо: от Албании до Боснии, от Салоник до Загреба. В его внешности было что-то архаическое, и Старр с легкостью мог вообразить Лавро на иконах будущего — однажды на них будут изображены они все, и верующие возблагодарят этих мастеров своего дела за то, что те спасли человеческую

душу от худшей из бед, а именно — от той напасти, которую ученые, собравшиеся 20 сентября 1977 года на конференции в Стамбуле, искусно спрятали за следующей фразой: «К 2020 году мы не сможем и наполовину удовлетворить мировые энергетические потребности одной только ядерной энергией, если не будем использовать некоторые виды передового топлива». Старр навсегда запомнил это красивое выражение. Передовое топливо, восхитительный новый термин. В сравнении с ним слова реактор-размножитель и переработка отходов казались неуклюжими поделками с концлагерным душком.

Семнадцатого августа их доставили самолетом в Англию и отправили на одну из баз в Уэльсе. Там они отдыхали шесть дней, дожидаясь приказа. Старр прекрасно представлял себе, что происходило в то время в верхних эшелонах власти: изматывающее напряжение, распри и колебания перед принятием решения, превосходившего по своей важности и последствиям то, что Соединенные Штаты попытались осуществить в Заливе Свиной¹, по замыслу ЦРУ и с одобрения Эйзенхауэра и Кеннеди. Впервые ЦРУ и КГБ действовали сообща, что, разумеется, в этическом смысле являло собой прецедент, историческую важность которого трудно было переоценить: наблюдалось сближение двух держав, свидетельствующее о наконец-то достигнутом глубоком взаимопонимании.

Старр подобрал где-то собаку — огромную дворнягу с длинной густой шерстью, итог долгой череды скрещиваний — и очень к ней привязался. С ней ему было не так одиноко.

---

¹ Имеется в виду крупномасштабная военная операция США с целью свержения на Кубе режима Фиделя Кастро, предпринятая в апреле 1961 г.; высадка американского десанта проходила в Заливе Свиной (Баия де Кочинос). Операция завершилась провалом.

На седьмой день какой-то суровый и хмурый полковник, который явно был не в курсе происходящих событий, а потому находил их безделье предосудительным, приехал за ними на грузовичке и отвез в небольшое строение, охранявшееся подразделением ВВС. Там их ждали англичанин в штатском, в облике которого было, однако, мало штатского, физик по фамилии Каплан, американский генерал и два русских офицера, увешанные наградами. Их провели в конференц-зал и предложили сесть. Англичанин в штатском вышел к доске и долго, пристально их разглядывал. У него были рыжеватые волосы, короткие усы щеточкой и голубые стеклянистые глаза. Кожа лица была покрыта красными и белыми пятнами, в которых Старр узнал следы взрыва на нефтяной скважине в Саудовской Аравии — диверсионный акт, получивший широкую огласку в 1976 году. Перед ними стоял знаменитый майор Литтл. На протяжении четверти века майор Литтл заполнял своей наемнической деятельностью во всех горячих точках земного шара ностальгический вакуум, оставленный в английской душе падением империи, концом британского могущества и гибелью Лоуренса Аравийского. Самой интересной стороной его личности были уши: ювелирная работа ножом, фестонычки, с изумительным искусством вырезанные на его мочках личным художником Амина Дада¹.

Этот человек, который больше любого из присутствовавших профессионалов заслуживал эпитета «легендарный», долго молча рассматривал их, стоя между доской и картой Албании. Держался он очень прямо: руки в карманах потрепанного пиджака, локти прижа-

---

¹ *Уме Иди Амин Дада* (1928—2003) — президент Уганды в 1971—1979 гг., создатель одного из самых жестоких авторитарных режимов в Африке.

ты к бокам, одно плечо слегка приподнято, под мышкой трость, как принято у английских офицеров, — и если бы не его фанатичный взгляд, убивающий одним своим ледяным блеском, и что-то беспощадное во всей его ауре, смертоносной, как нож командос, приставленный к яремной вене, то его можно было бы принять за один из тех комичных обломков, что, уходя, оставила на побережье истории британская колониальная армия.

— Прошу прощения, господа, за то, что я так пристально вас разглядываю. Не сочтите за мелодрама-тизм — это не мой стиль, но я вхожу в состав группы и даже... Гм... Бррм... Кхе... — Он смущенно кашлянул, прикрыв ладонью рот. — Лучше уж сказать сразу: приказы отдаю я. И осуществляю командование. Подтверждение находится в этом конверте, подписанное вашим начальством... Сейчас нам нужно немного познакомиться, нам ведь предстоит действовать вместе... Разумеется, я читал ваши личные дела... Превосходно... Превосходно... Ничего не могу сказать... Безукоризненные... Так что я отлично понимаю, что каждый из вас может претендовать на командование этим подразделением... Сожалею, но так получилось, что командовать буду я... Гм... Бррм... Кхе...

Он цедил слова сквозь зубы, прочищал горло, каплял, но Старр слишком хорошо знал этого человека, чтобы купиться на его мимику. Литтл был хорошо известен секретным службам всех великих держав как агент, ни разу не проваливший ни одного задания. На какое-то время он пропал из виду после разоблачений в английской прессе: пришедшие в Анголу кубинцы казнили там двенадцать наемников. И речи не шло о том, чтобы ставить под сомнение его послужной список, но в течение последующих дней Старр тем не менее забросал свое начальство письмами, о которых можно было сказать лишь одно: в них кипела ярость.

Он напоминал, что *его* послужной список ничем не хуже, чем у англичанина, и возмущался, что обещанное ему командование поручили другому.

Майор Литтл выглядел крайне сконфуженным.

— Да, знаю. Мне понятны ваши чувства — мы примерно в одинаковом звании, с похожими послужными списками. Но что поделаешь, похоже, наверху немного перегрызлись из-за этого назначения. И случилось так, что командиром группы буду я. Это своего рода компромисс. Есть, конечно, и более достойные кандидатуры, ха-ха-ха...

Вся эта комедия, эта показная робость — чистой-шей провокация, подумал Старр. Англичанину доставляло наслаждение доводить Старра. Небольшая личная месть за ту мощь, которая была у США и СССР и которой больше не было у Англии. Достаточно было встретиться с холодным взглядом его насмешливых глаз, в которых смерть была как у себя дома — прирученная и послушная.

— Присутствующий здесь профессор Каплан прочтет для вас в ближайшие дни несколько лекций, осветив научную сторону дела. Мне это не по зубам. К изучению местности мы приступим чуть позже. Начнем с краткого предварительного обзора цели. Следуйте, пожалуйста, за мной.

Они поднялись под нетерпеливый грохот отодвигаемых стульев и проследовали за майором в соседнюю комнату.

— Что у него с ушами? — шепотом спросил Колек у Старра.

— Негритянское искусство, — буркнул Старр. — Считается, что это красиво.

«Боров» возвышался среди макетов гор и белых деревенских домишек с красными крышами: приземистое невысокое строение, стоящее на четырех столпах и увенчанное сферическим куполом.

Майор Литтл какое-то мгновение с явным отвращением разглядывал установку, всем своим видом давая понять, что никогда прежде не имел дела со штуковиной, в которой так мало английского. Этот сукин сын прямо-таки наслаждается, подумал Старр. Литтл, похоже, ждал этой оказии всю жизнь.

— Так вот, господа, речь пойдет о важном научном открытии. Профессор Каплан объяснит вам подробнее. Я не стану приводить историческую справку: плутоний, расщепление, дезинтеграция, переработка, распространение, полный цикл... Все это входит сегодня в общий культурный багаж, и нет нужды распространяться на эту тему. Суть дела, насколько я понял, заключается в том, что физики называют «передовым топливом», и в технологической премьере, которая грозит превзойти самые оптимистические ожидания ученых и которой мы должны помешать любой ценой. Речь идет о воспламеняющей «стреле», которую можно направить куда угодно, в зависимости от надобностей и идеологического настроения. Любая цель, триста шестьдесят градусов — как лазер... Короче говоря, новое совершенное оружие... Хмм... Фу... Кхе... Кхе...

Он не без удовольствия прочистил горло.

— С каждым днем информации поступает все больше. Все это мы будем изучать в ближайшие дни на досуге. Я же сейчас вкратце изложу нашу задачу: а) проникнуть внутрь объекта и продержаться там в течение времени, необходимого, чтобы собрать максимум недостающей информации; б) высвободить накопленную энергию, которая находится в ногах «борова»... Эта энергия, как вам известно, измеряется в единицах «духа» или же, на жаргоне этих господ... — Он указал тростью на профессора Каплана. — ...в «душах» — по причине, я так полагаю, ее разрушительной мощи... Гм... Хм... Кхе...

«Мерзавец перебарщивает, — подумал Старр. — Я не видел еще ни одного человека, который бы так радовался тому, что случилось. Оправдание всей его жизни».

— И наконец, мы должны: в) вывести «борова» из строя, чтобы он более не представлял угрозы, и вернуться... живыми. Последнее никогда не помешает.

— Я хотел бы задать вопрос, — вмешался Колек.

Литтл с усмешкой посмотрел на него:

— Полагаю, этот вопрос не будет неожиданностью. Мы его задаем себе уже давно. Боюсь, это не входит в мою компетенцию, но давайте спрашивайте.

— Я просто хочу спросить, какой толк лишать албанскую установку энергии и разрушать всю систему? Они построят другую, точно такую же.

— Прежде всего, чтобы на месте собрать недостающую информацию, ну а главное — чтобы выиграть время. Это позволит нашим странам построить собственного «борова». «Борова» сдерживания, разумеется. Ах... Оу... Брр... Или, если угодно, «антиборова». К этому мы еще вернемся. Продолжаю. Таким образом, речь пока что идет — как я уже говорил — о том, чтобы ознакомиться...

Он снял сферический купол.

Внутри ничего не было.

— Разумеется, ничего не видно. Это нечто нематериальное. Это энергия. Давайте спустимся... — Концом трости он опрокинул перегородку. — Вот где сердце этой штуки.

Перед ними предстали замысловатые технические внутренности «борова»: хитрый узор из перекрученных труб и зияющих отверстий, разверстых, как пасти акул. Ниже находилось другое сплетение — красных и зеленых проводов, соединявших сотни блестящих перламутром белых сфер — миниатюрных копий венчавшего все сферического купола.

— Хрр... Хрр... Гр... Пост управления находится здесь, в центральном секторе, там, где вы видите все эти приборные панели и пульта. Это оборудование, по-видимому, китайского производства. На объекте работают их инженеры. Как я вам уже говорил, мы должны проникнуть в центр управления и освободить эту «народную» энергию... У них все «народное»... Хрр... Брр... Крумм... Процедура освобождения состоит из семидесяти двух операций. Это первая часть нашей задачи. После этого все становится сложнее. Профессор Каплан в нужное время объяснит вам, почему энергия, уже накопленная в голове «борова», не может быть высвобождена. Управлять ее выбросом невозможно: последствия будут непредсказуемыми. Так что мы должны «убить» ее — и слово, и подразумеваемое под ним действие вам прекрасно известны, они предполагают превращение энергии в материю. Позвольте мне изложить суть дела в двух словах, как мне самому объяснил это вчера профессор Каплан, — а вы, сэр, осмелюсь высказать вам мое мнение, сделали это замечательно...

Каплан слегка кивнул в знак благодарности.

— Речь идет об инверсии. Кроме этого... Матье, никому из наших физиков-ядерщиков не удалось еще дезинтегрировать новый элемент, но их неустанные усилия преобразовать его в неживую материю увенчались успехом. Теперь этим занимаются повсеместно. Вот почему самая важная часть нашей миссии, ее финальная часть, заключается в том, чтобы убить «душу» этой штуки, иными словами, убить дух, который не может быть освобожден и содержится там, в голове «борова», пока его не дезинтегрируют. В связи с этим, одно предупреждение... Хррум...

Он задумчиво погладил кончиками пальцев усы и уставился себе под ноги.

— По причине, которая остается для меня неясной, нам рекомендуют не умирать в радиусе семиде-

сяти пяти метров от ног «борова» или от одного из этих коллекторов... гм... передового топлива, которые вы здесь видите.

Он указал тростью на опоры «борова» и на обелиски, возвышавшиеся то тут, то там по всему сектору — в деревнях, около домиков с красными крышами.

— Судя по всему, такая смерть недостойна офицера и джентльмена. Так что помните: не позволяйте убить себя в радиусе семидесяти пяти метров. Это считается в высшей степени опасным.

— Минутку, — с горячностью прервал его Станко. — Что, черт побери, вы хотите этим сказать? Что в высшей степени опасно? Дать себя убить? Это что-то новенькое!

Он расхохотался, хлопая себя по коленям. До Старра дошло, что русские и югославы *не знают*, не могут знать. Торжество канонического исторического материализма. Их психика защищена, как броней, от всякого воздействия побочных духовных эффектов, от всяких понятий вроде «трансцендентности» и «духовной энергии». Психика, иммунизированная от метафор. Они лучше других подготовлены для их нынешней задачи.

Он взглянул на поляка. Скрещенные руки, в кончиках пальцев мундштук из слоновой кости — похоже, его это забавляло. Невозможно было угадать, что он думает, что чувствует. Но как бы там ни было, последние тридцать пять лет показали, что христианская вера и термоядерное оружие вполне совместимы.

— Опасность заключается не только в том, что вас могут убить, — это в нашем деле случается, — продолжил англичанин. — Но, как я понял, тот, кто умрет ближе чем в семидесяти пяти метрах от этих коллекторов, рискует навлечь на себя... посмертные неприятности... Гм... Грум! Извините меня. Этим я хочу сказать, что, если тебя убьют слишком близко, это может

вылиться в дополнительные страдания, и весьма длительные. Так что напоминаю: семьдесят пять метров. Будьте осторожны.

— Спасибо, — произнес югослав. — Вот уж совет так совет!

— В действительности, никого из нас не должны убить, — продолжал Литтл. — В нашем распоряжении будет надежный щит. Щит, который создан не только для того, чтобы защитить нас, но и для того, чтобы обеспечить успех операции. Позже я расскажу вам об этом подробнее. Это лишь краткий обзор... и это только первая встреча. Что до меня, то я ею доволен. С некоторыми из вас я уже был знаком заочно — тем более приятно было встретиться с вами здесь. Забыл сказать, что мы располагаем ценным помощником на месте, в самой Албании. Думаю, присутствующий здесь полковник Старр знает все об этой восхитительной особе. К нам постоянно поступает информация: карты, планы, микрофильмы. Все это мы, разумеется, тщательно изучим.

Инструктаж длился три недели: изучались теоретические и практические аспекты обезвреживания «борова». Профессор Каплан постарался сделать свой научный обзор максимально доступным, так сказать, очеловечить его. Большая черная дворняга с грязной шерстью не отходила от Старра и спала у его ног. Однажды вечером Старра вызвали в Лондон, и он попросил Комарова покормить пса в его отсутствие.

Русский был удивлен.

— Какого пса? Не видел здесь никакой собаки.

Старр не стал настаивать. Не было сомнений в том, что его моральный дух сильно повредился.

Их перебросили в Югославию шестого сентября и на военном грузовике отвезли в Двигу, поселок в двадцати километрах от албанской границы, где им выдали снаряжение. Спать пришлось в грузовике.

Старру приснился сон, который он квалифицировал как «греко-православный»: сон, полный убийц и смуглолицых бородатых святых, с надписями кириллицей над нимбами. Все они были похожи на Лавро. Тот, кого прозвали «патриархом», проникся дружескими чувствами к Старру и рассказывал ему о горах Македонии с любовной нежностью: он говорил так, как будто уже не один век бродил по всем тропинкам Балкан и знал каждый их камень. Угрюмое, дикое лицо, словно разъеденное изнутри страстью. Рядом с этим человеком, казалось, могли находиться лишь орлы и волки.

В четыре часа утра по глухим скалистым тропам, к востоку от Стопива, они перебрались в Албанию и, следуя гуськом за Лавро, направились к опорному пункту, находившемуся уже на вражеской территории, в шести километрах от границы. Там они должны были получить по рации последнюю информацию из Белграда. Они продвигались цепочкой среди хаотичного нагромождения скал, которые будто каким-то чудом упали с неба. Старр испытывал странное чувство, что они опоздали на пару тысяч лет, что их группа должна была выполнить свою задачу еще давным-давно, среди оливковых рощ Иудеи. Каждый из них тащил на спине по тридцать килограммов снаряжения, но на такой местности труднее было удержать не вес, а равновесие. Профессор Каплан не отставал от других, и Старр вдруг сообразил, что ученому лет на десять меньше, чем им всем, за исключением Григорьева. В небе без конца кружились орлы, или, может быть, это был один и тот же орел, неустанно следовавший за ними. К югу горы кое-где расступались и виднелась безмятежная синева моря. Свет, разлитый в воздухе, был совсем как в Греции, с той разницей, что окружавшие их камни были не руинами цивилизации, а творением природы. Порой

в глубине долины различались зеленые пятна лесов и темно-зеленые пятна озёр. Лавро ни разу с начала похода не заглядывал в карту; он шел не колеблясь, ему даже не нужно было искать дорогу. Старр был поражен выражением счастья на лице этого человека: он возвращался в родные края. Они продвигались слишком быстро, и им пришлось сделать остановку минут на десять, чтобы вернуться к намеченному графику. По причине, пока ускользавшей от него, но в которой позднее он усмотрел предзнаменование, перед мысленным взором Старра все время стояло лицо патриарха; он различал в нем нетерпение, гордость и толику недоброго юмора, и время от времени какое-то торжество, которое его особенно беспокоило. Он не доверял профессионалу, получавшему столь явное удовольствие от того, что он делает: это могло толкнуть его на какую-нибудь неосторожность. Первые отблески солнца рыжеватыми пятнами заиграли в бороде у Лавро. Сходство со старыми византийским иконами было таким разительным, что Старр поймал себя на мысли, что ищет над головой Лавро потускневший золотой или серебряный оклад.

— В чем дело? — спросил Колек, услышав, как он смеется.

— Мы вступаем прямо в историю, мифологию, предание и, кто знает, может быть, и в какую-нибудь библию будущего, — ответил американец. — Если у нас все получится, то обстоятельство, что все мы — профессиональные убийцы, потонет в волнах всеобщей любви и признательности.

А пока что единственным нимбом над их головами был тот, что ткал для них утренний свет. Но во всех будущих церквях устроят специальные ниши для фигур спасителей христианского мира. Старр взглянул на своих спутников, мысленно прикидывая, в каких позах их обессмертят.

Капитан Мнишек чистил банан; к удивлению Старра, он выбросил белую мякоть плода и начал есть черную, подгнившую. Что ж, сказал себе Старр, в конце концов, в отношении сыра у меня вкус примерно такой же.

Станко что-то насвистывал, высматривая в небе птиц и пытаясь отличить орлов от грифов.

Григорьев, лицо которого полускрывала грива светлых волос, вглядывался в ствол своего «Калашникова». С губ его не сходила мягкая улыбка, как будто в самой глубине ствола он узрел лик своей матери. Колек лежал на спине, заложив руки за голову, и жевал травинку. Майор Литтл *отдыхал*. Он отдыхал не теряя бдительности, набираясь сил для следующего перехода.

Что до Старра, то его не покидало чувство неприязни к майору. Фальшивый оксфордский акцент, который тот культивировал — однако без успеха, поскольку в его речи то и дело прорезывался кокни¹, — карикатурное подражание офицеру-аристократу из элитного подразделения Ее Величества, его бормотание сквозь зубы, покашливание и утрированные британские манеры производили на американскую душу Старра примерно тот же эффект, что скрежет ножа о стекло. «Да будет тебе, старина, — думал он. — Мы-то тебя знаем. Так уж вышло, что твое личное дело у нас заполняли весьма тщательно: такой профи, как ты, заслуживает того, чтобы за ним хорошенько присматривали. Ты дослужился из рядового до офицера, хотя и не кончал никакого Итона или Сэндхерста², ты сын капрала и вокзальной шлюхи, чья цена была тридцать шиллингов. Ты получил офицерское звание в Малай-

---

¹ *Кокни* — лондонское просторечие.

² *Итон* — самая известная и привилегированная школа Великобритании; *Сэндхерст* — самое престижное военное училище Великобритании.

зии, благодаря Темплару¹, обратившему на тебя внимание в боях с партизанами-коммунистами, оттачивал свое умение, размахивая ножом на Мау-Мау в Кении до получения ею независимости. Мог бы сообразить, что нам известно про тебя все, и не тратить столько сил на эти твои раскатистые «grrright» и на позу скромного превосходства. Я отлично знаю, что у каждого человека есть идеал в жизни, у тебя это — Лоуренс Аравийский, но кроме гомосексуальности у вас нет ничего общего. Так что брось. Можешь даже иногда позволить себе сказать „окей“».

Но Старр прекрасно понимал, откуда в нем эта озлобленность. Литтл был впечатляющей личностью — возможно, потому, что никто, разве что наемник Гай Чапмен, не воплощал лучше него последние тридцать лет мировой истории. Только из настоящего подзаборника мог вырасти настолько «типичный представитель». Одни уже украшенные фестонами мочки ушей были данью уважения Африке Амина Дада, Бокассы², Нгема³ — уважения к неограниченной власти. Бледный и пристальный взгляд, отмеченный беспощадным блеском, был взглядом фанатика-исполнителя. Какая глубокая обида, какая тайная и неизгладимая психическая травма толкали этого человека на то, чтобы находиться всюду, где, под видом «великих священных дел», начинался разгул жестокости и звер-

---

¹ *Фельдмаршал Джеральд Темплар* (1898—1979) — британский военачальник, командовавший британскими войсками в Малайзии в 1952—1954 гг., в период борьбы с малайской национально-освободительной армией, фактически представлявшей собой боевое крыло Малайской коммунистической партии.

² *Жан-Бедель Бокасса* (1921—2006) — президент Центральноафриканской Республики в 1966—1976 гг., в 1976—1979 — император. Обвинялся в каннибализме.

³ *Масиас Нгема* (1924—1979) — первый президент Экваториальной Гвинеи.

ства? Что его мать была шлюхой, объясняет далеко не все, думал Старр, ведь все мы дети нашей матери-цивилизации.

Профессор Каплан, со своей занятой шевелюрой в стиле Харпо Маркс¹ — Эйнштейн, любовался пейзажем и посасывал пустую трубку; волосы по всей его голове стояли дыбом, вероятно под воздействием горного воздуха.

Комаров сидел с озабоченным видом — ни дать ни взять татарин, потерявший коня.

Лавро ел козий сыр, ловко орудуя ножом.

— Я неплохо здесь повоевал, — сказал он, указывая ножом на окрестные горы. — Около сотни усташей, наемных убийц на службе у Анте Павелича, умудрились забраться сюда, когда искали нас. И они нас нашли — что правда, то правда! Но мы не вырвали им глаза, как они это делали с нашими. Мы оставили эту работу грифам. Насколько я знаю, Анте Павелич припеваючи жил до самой смерти в Соединенных Штатах. Как вы это объясните, полковник Старр?

— Жизнь в Соединенных Штатах весьма приятна, вот как я это объясняю, — ответил Старр. — Я очень рад, что вы, коммунисты, начинаете это осознавать.

Они рассмеялись. Профессиональный юмор.

— Кто-нибудь хочет сыра?

Старр сказал «да».

Они снова двинулись в путь. После нового получасового подъема они увидели последний опорный пункт из пятерых ожидавших их людей. Югославского генерала Поповича сопровождали полковник, капитан, отвечавший за связь, какой-то молодой парень с приятными манерами и загадочный штатский, в мягкой шляпе и городских ботинках, который вполне мог бы состоять на

---

¹ Харпо Маркс (1888—1964) — американский киноактер, член популярного комедийного квинтета братьев Маркс.

службе в каком-нибудь гестапо. Все были вооружены, за исключением генерала. Десятью минутами раньше они выходили на связь с Белградом: приказ продолжать операцию был подтвержден. Прогноз погоды превосходный; последние донесения агентов из Зива свидетельствовали, что никакого перемещения войск в секторе «борова» не наблюдается. Они склонились над картами и какое-то время уточняли маршрут. Албанские передовые посты и первые патрули находились в тридцати пяти километрах к востоку, в горах Брада.

Старр не уловил никакой напряженности в атмосфере, не ощутил ни малейшего предчувствия, и впервые шестое чувство его обмануло. То же самое можно было сказать и про Лавро. Едва они двинулись дальше и Лавро снова занял свое место во главе отряда, как автомат в руках штатского издал сухую очередь. Лавро обернулся, несколько секунд постоял, не сводя со стрелявшего пристального взгляда пылавших ненавистью глаз, и рухнул лицом вниз.

Никто не шевельнулся. Литтл кашлянул в знак неодобрения.

— Я не сомневаюсь, сэр, что у вас были веские основания так поступить, — произнес он, — но вряд ли было благоразумно устраивать здесь пальбу. Горы, воздух легкий... эхо, знаете ли...

— Здесь на десятки километров вокруг ни души, — сказал генерал. — У нас не было выбора.

Он взглянул на тело Лавро и пожал плечами.

— Пекинский человек, — сказал он коротко.

Занятое выражение, подумал Старр. Настоящий пекинский человек, синантроп, был одним из предков современного человека, ему было примерно пятьсот тысяч лет, и его окаменелые останки в тридцатые годы откопал недалеко от Пекина Тейяр де Шарден.

— Он был албанским агентом, — сказал Попович. — Мы проводили контрольную проверку с помо-

щью наших людей в Тиране, им удалось раскрыть его в последний момент. Был сталинистом, сталинистом и остался.

— Если мы, американцы, не можем больше доверять даже порядочному коммунисту, то куда же катится мир? — сказал Старр.

Похоже, генералу эта шутка пришлась не по вкусу.

— Как вам известно, полковник, — сказал он, — в данный момент внутри коммунистического лагеря имеются глубокие разногласия — разумеется, временного характера.

— Вы мне просто сердце разрываете, — вздохнул Старр.

— Он выдал бы вас албанцам, как только вы спустились быв долину. Слава богу, мы его вовремя убрали.

«Слава богу» — общепринятая формулировка, подумал Старр. Интересно было бы узнать, что о ней думает сам фигурант этого выражения.

В последний раз посмотрев на брошенную оземь древнюю византийскую икону, он снова мысленно увидел, как Лавро, беря губами с ножа сыр, бросает взгляд на часы и говорит, что они будут на месте встречи раньше положенного. Старр надеялся, что козий сыр был вкусным, что это был лучший козий сыр, который когда-либо ел этот уже не молодой человек.

— Его заменит вот этот юноша, — сказал Попович. — Он хорошо знает горы.

Литтл внимательно посмотрел на парнишку:

— А что еще он знает?

— Он будет выполнять ваши приказы.

— Очень жаль, генерал, но этого недостаточно. Мои люди прошли тщательный отбор, их обстоятельно готовили, им известно об операции все в мельчайших подробностях. Это испытанные профессионалы,

лучшие в мире. Операция должна быть проведена безукоризненно, и нельзя доверить часть ответственности юнцу, который прибыл в последний момент и не способен ни на что, кроме как «выполнять приказы».

— Вам здесь не обойтись без проводника, — сказал Попович.

Глаза молодого человека смеялись. Славное лицо, сказал себе Старр, одно из тех мужественных, серьезных лиц, что встречаются на Балканах. У юноши были черные вьющиеся волосы, суровые черты и уверенная улыбка человека, который еще ни разу не проверил себя в настоящем испытании. Он уже снял электронный комбинезон с тела Лавро и натягивал его на себя. Тот был ему впору: окровавленные дырочки оказались как раз на уровне сердца.

— Отлично, — произнес он по-английски, закончив одеваться.

На лице Литтла обозначилось ледяное осуждение.

— Импровизация, — сказал он. — В нашем деле это недопустимо. Мне необходимо подтверждение из главного штаба.

— Невозможно. Нет времени.

У югославского генерала был разъяренный вид.

— Ответственность я беру на себя, — сказал он. — Он бывал там много раз. Говорит по-албански. Его мать — албанка. Это мой сын.

— Очень хорошо, — кивнул Литтл. — Хоть какая-то польза от него будет: его убьют первым. Это сократит наши потери!

Он сухо отдал честь Поповичу и указал тростью на горизонт:

— Хорошо, двинулись!

— Окажите мне любезность, майор, — сказал ему Старр, когда они тронулись в путь. — Я желал бы услышать, как вы иногда, чисто по дружбе или из уч-

тивности, говорите «о'кей» вместо «очень хорошо» или «right». Знаете ли вы, кто когда-то идеально играл роль настоящего английского джентльмена на экране и на сцене?

— Настоящего английского джентльмена на экране и на сцене не существует, — заявил Литтл. — Там одни лицедеи. Одно с другим несовместимо.

— Лесли Ховард¹, венгерский еврей. А вы сами, откуда вы, черт побери, родом, раз так хорошо изображаете англичанина? Отец ирландец, мать румынка?

Впервые с тех пор, как они познакомились, на лице Литтла мелькнула тень улыбки.

— О'кей, — сказал он, — двинулись!

Больше трех часов они карабкались по скалам — на сей раз это было настоящее восхождение. Если горные козы когда-то и жили здесь, то они, наверное, перемерли с голоду еще сотню тысяч лет назад, подумал Старр. Величественный хаос, геологическая глушь. Им нужно было пересечь еще две долины и два хребта, причем последний — ночью, дабы не натолкнуться на албанские передовые посты. Свет был резким, воздух пах раскаленным камнем; под ногами не было ни метра гладкой поверхности, и с грузом на спине они чувствовали себя неуклюжими и словно чужими в собственном теле, стараясь свыкнуться с тяжестью и раз за разом снова обрести равновесие.

В полдень они достигли вершины хребта Горо и стали ждать сумерек.

Их звуковая аппаратура и новый инфракрасный «глаз», усовершенствованный со времен войны во Вьетнаме, обеспечивали максимум безопасности при движении в темноте. Они могли рассмотреть каждую

---

¹ *Лесли Ховард* — исполнитель ролей «истинных джентльменов» в английских и американских фильмах. Самая известная роль — Эшли в «Унесенных ветром».

деталь в радиусе километра. Ночь была красной: красными были горы, небо и луна. Они также слышали все в радиусе двух километров. Во время тренировок в Англии приборы доносили до них каждый вздох пары, занимавшейся любовью в полутора милях в лесу. Через слуховой аппарат их собственные шаги звучали оглушительным грохотом; покотившийся камень, свист сурка в долине, стрекот насекомого внезапно обретали гремучую ясность. Природа открывалась им в своих самых тайных проявлениях. В их недостаточно натренированных ушах это зачастую звучало как безумная музыка, симфония страха, без мелодии и смысла. В какой-то момент они услышали душераздирающие стоны, будто какой-то гигантский ребенок, застрявший с доисторических времен в темной складке земли, вдруг испустил дух. Но оказалось — в гнезде закричал орленок, которому приснился дурной сон. Когда они сделали остановку, чтобы свериться с картой — в двух километрах восточнее находились передовой албанский пост и патрули, — до них вдруг донеслась череда ужасных вздохов, а затем словно сама земля принялась визжать и рычать.

— Это смеется албанский часовой, — пояснил им Литтл. — Приборы слишком чувствительные.

Старр уменьшил чувствительность, и смех превратился в человеческий.

Они продолжили свой путь под звездами — те, казалось, плавали на поверхности красного океана, как россыпь водяных цветов, склонившихся над затонувшим миром, по каменистому дну которого, незнамо каким образом, ступали эти восемь бессмертных утопленников.

Стол для официального обеда, рассчитанного на двадцать три персоны, был накрыт в новом, спешно выстроенном поблизости от станции, помещении штаб-квартиры партии, под благотворной сенью албанских и китайских флагов. Здесь еще пахло цементом и свежей штукатуркой, хотя в последние дни уже вовсю работало отопление. Это был второй визит албанского правительства в долину. Матье внимательно всматривался в гордые мужественные черты «вождей». Маршал Джума сидел в конце длинного деревянного стола, одного из тех грубо сколоченных столов, которые, казалось, стоят еще со времен самой первой тайной вечери: с тех пор ни одна из них не обошлась без такого стола. Матье сидел слева от маршала, а справа от главы государства расположился генерал Чен Ли, командовавший в долине китайскими инженерами и военными.

Пища пропиталась запахом свежей штукатурки. Тепло поступало с нового завода, работавшего уже больше полугода. Дух албанского народа изо всех сил боролся с влажностью, старался согреть ноги и ягодицы партийных руководителей. Матье был уверен, что лозунг на транспарантах, которые лихо реяли над долиной среди албанских флагов, говорил правду: «Наша цель — полностью отдать себя делу социализма, делу партии Ленина, Сталина и Имира Джумы».

Гип-гип-гип-ур-ра.

Система одержала полную победу.

Единственными, кого здесь не смогли укротить, были орлы, но и их часто находили мертвыми: их убивало излучение.

В долине построили больницы и общежития для всех состарившихся тружеников страны — их привозили сюда доживать свои дни. Их энергетическая отдача по мере поступления собиралась и теперь циркулировала по металлическим трубам, превращаясь в реальные дела по всей стране. Импорт нефти значительно сократился — на зависть капиталистическим режимам: тем приходилось «спешить медленно» после того, как сорок тысяч человек устроили 24 сентября 1977 года демонстрацию протеста у «Супер-феникса» в Германии, а потом еще одна подобная акция прошла в Крейс-Мальвиле во Франции. Излишек албанского духа аккумулировался во вспомогательных блоках реакторов-размножителей, которые Матье называл «ульями» — сотни конструкций высотой одиннадцать метров, служивших одновременно и ловителями и коллекторами энергии. Конструкции эти походили на фосфоресцирующие перламутровые обелиски: по ночам они сверкали и пульсировали внутренним светом, лаская глаз.

На Стамбульской конференции, состоявшейся несколькими годами ранее и собравшей всех молодых и старых светил ядерной физики, ученые нашли чудесный предлог, чтобы оправдать использование на электростанциях «передового топлива»: они утверждали, что отныне для производства термоядерного оружия достаточно обыкновенного урана. Так что теперь можно было уже не церемониться.

Гип-гип-гип-ур-ра.

Ненависть — именно ее Матье было труднее всего контролировать и скрывать. Непрекращающийся рев

гнева, наполнявший его вены океанской яростью. Он находился здесь в качестве одного из главных ответственных лиц, и он был этим доволен. Наконец-то он на своем месте, среди равных.

Он приехал в Албанию, чтобы раз и навсегда избавиться от червя Эразма в себе, этого старого червя гуманизма, что грыз его так долго и так больно. Чтобы порвать со всеми человеческими слабостями. Но похоже, червь Эразма был столь же силен, как и сам дух, и теперь он пожирал дух Матье живьем.

Матье обернулся к Мэй за поддержкой и, ободренный, успокоился: у него еще оставалась причина для бытия, счастливая связь с жизнью. Ему нравилась ее новая прическа — сияющий узел на затылке. Она улыбнулась и послала ему воздушный поцелуй, незаметный знак, который окружавшие их каменные истуканы были не в состоянии расшифровать. Для них он был слишком нежным. Эти люди видели только сталь и гранит, все остальное для них не существовало.

Из окон открывался прекрасный вид на деревню: возвышающийся над крышами минарет и, совсем рядом, справа от него, руины православной часовни. В мечети теперь размещался музей атеизма. Домики были рассыпаны по обоим берегам реки, окруженные колючей проволокой. К экспериментальному центру, расположенному тремя километрами севернее, в самом начале долины, со всех сторон сходились военные дороги, утыканые сотнями ловителей.

Матье предложил выкрасить зловещие обелиски в традиционные яркие албанские цвета. Он хотел придать фольклорный, радостный, оптимистический внешний вид сосредоточенной в них народной энергии. Но партия сочла эту идею фривольной и не поддержала. Ограничились тем, что украсили каждый обелиск красной звездой и портретом Маркса.

Он проследил взглядом за крестьянином с длинной белой бородой в круглой красно-желтой шляпе «бекташи», который ехал мимо коллекторов верхом на осле. Трудно было удержаться от избитого сравнения: старый мир, движущийся навстречу новому. Вся долина выглядела одним лабиринтом из труб и кабелей, по которым энергия поступала на станцию: приземистое строение, поставленное на тяжелые ноги-столбы, ясно различалось на горизонте между склонами гор. Отсутствие какой бы то ни было заботы об эстетике удручало. Система энергоулавливания и энергопитания напоминала скорее трубы для стока нечистот и слива отходов, чем нечто, вознесшее человечество к таким вершинам и сулившее в будущем еще большее.

Глава государства опустошал одну рюмку водки за другой, не пьянея, что наглядно опровергало слух, согласно которому у Джумы было тяжелое заболевание почек. По столь торжественному случаю маршал облачился в строгий серый военный мундир без орденов. Его лицо, немного одутловатое, сохраняло все же некоторую привлекательность, седеющие волосы были тщательно зачесаны назад; у маршала были мясистые чувственные губы; высокие скулы и миндалевидные глаза выдавали наличие турецкой крови, мрачная суровость которых странным образом контрастировала с длинными, почти женскими ресницами; вокруг зрачков была заметна желтизна, а весь его облик в целом воскрешал в Матье знаменитые строки Жоржа Фуреста, которые этот юморист вложил в уста Химены: «Какой же он хорошенький, этот папочкин убийца!»¹ Это был самый суровый и

---

¹ Жорж Фурест (1864—1945) — французский поэт и писатель, известный своими сатирами и пародиями на классику. В данном случае обыгрывается трагедия П. Корнеля «Сид», в которой Химена разрывается между любовью к Родриго, который убил ее отца, и дочерним долгом.

непреклонный диктатор в коммунистическом мире, рьяный противник «ревизионистской» Югославии, ненавидимый русскими и всемерно поддерживаемый китайцами. Албания была единственной военной базой Китая в западном мире. Джума получил образование в Париже и бегло говорил по-французски. Он задал Матье несколько конкретных вопросов; чувствовалось, что он несколько обеспокоен и вместе с тем страстно увлечен этим проектом. Ему хотелось знать, можно ли провести испытания через неделю, как Матье ему обещал. Китайским специалистам, похоже, так и не стали ясны некоторые теоретические положения. Их беспокоила возможность цепной реакции, и, поскольку уже давно было известно, что дезинтеграция духа могла быть осуществлена только самим духом, они опасались, что высвобожденная энергия выйдет из-под контроля и устремится в неверном направлении. В отчете, который они представили маршалу в то же утро, они просили о новой отсрочке для того, чтобы все хорошенько обдумать.

— Они хотят быть уверены, что не возникнет угрозы для местного населения, — сказал Имир. — Несколько лет назад в Китае провели подобный эксперимент, и это имело, как вам известно, катастрофические последствия.

— С тех пор мы продвинулись далеко вперед, — успокоил его Матье. — Японцы благодаря лазеру осуществили взрыв внутри рубина. В нашем случае взрыв будет точно направленным, энергия будет восходить по вертикали... как души наших предков. В легендах всегда есть зерно истины.

Маршал пытался поймать острием вилки плававший в жире горошек. Матье никогда не мог этого понять: чем беднее страна, тем больше в ней используют жира и растительного масла.

— Скажите, почему вы решили работать именно с нами, господин Матье? — спросил Джума. — Вы ведь не марксист.

Чтобы избавиться от червя Эразма, подумал Матье.

— Мне нравится, как реалистично и рационально вы строите новую цивилизацию. *Настоящую* цивилизацию, без прикрас, без камуфляжа. Есть еще один момент: вы маленькая страна, а мне уже надоели великие державы.

Маршалу также захотелось узнать, как быстро, по мнению Матье, американцы смогут перевести свою промышленность на передовое топливо.

— Предстоит провести сложную психологическую подготовку, — пояснил Матье. — Средства массовой информации уже работают над этим, да и ученым удалось побороть многие суеверные предрассудки, связанные с плутонием и ядерной энергетикой в целом. Они вынуждены продвигаться вперед с осторожностью и резонировать общественность на каждом шагу. Но дело не стоит на месте. Кстати, у меня тут есть совсем свежий образец их работы. Мне его передали друзья, и я был бы счастлив подарить его вам.

Он взял с пола пакет и открыл его. Его всегда забавляло почтение, с которым коммунистические вожди стран Восточной Европы относились к американским техническим новинкам. При взгляде на какую-нибудь хорошо придуманную и хорошо выполненную вещь их глаза загорались тем же блеском, каким, видимо, загорались глаза людей эпохи Возрождения, когда те смотрели на Мадонну Рафаэля. Когда Матье протянул ему свой подарок, лицо Имира Джумы просияло. Это было портативное приспособление для чистки обуви, продававшееся в Соединенных Штатах по пятнадцать долларов девяносто семь центов.

Маршал оттолкнул стул, наклонился и приставил щетку к носку ботинка. Она принялась за работу с приятным дружелюбным гудением, звучащим очень по-американски. Глава албанского государства удовлетворенно заулыбался.

— Ее еще не запустили в серию, — сказал ему Матье. — Это опытный образец, созданный Группой Эразма. Но рано или поздно она появится в магазинах.

Он взял приборчик, открыл его и вынул фосфоресцирующую батарейку размером не больше булавочной головки.

— Разумеется, батарейка годится для любого использования... Ее можно заставить делать все.

Маршал внимательно изучал батарейку.

— Это черный? — спросил он.

До Матье не сразу дошло.

— Черный или вьетнамец? — настаивал Имир.

— Нет, отнюдь, — ответил Матье с доброй улыбкой. — Это дух белого американца с отличной родословной. Элита. Их там называют W. A. S. P., что означает White Anglo-Saxon Protestant¹. Высшее качество.

Матье снова включил щетку, и маршал с явным удовольствием приставил ее к своему ботинку.

---

¹ Белый американец англосаксонского происхождения и протестантского вероисповедания (англ.).

XXIII

Русские возникли на экране в 14.30 по вашингтонскому времени, когда президент устраивал себе небольшую сиесту. До этого ни со стороны Москвы, ни со стороны Югославии не поступало никакой предварительной информации, которая могла бы предвещать кризис. Оперативное командование находилось в Белграде, на связь оно выходило ежечасно. Казалось, все разворачивается по плану, и техники, отвечавшие за связь, стали относиться к сеансам как к рутине. Операция имела все шансы на успех. На случай провала предусматривались два запасных решения: атака «борова» с воздуха под предлогом «неполадок» с ракетой, которая якобы отклонилась от своей траектории — такое случается, и воздушная бомбардировка с американских военных баз в Греции, что могло потом быть улажено в ООН — она для того и существует. Упорный отказ албанцев отложить свой эксперимент, который должен был состояться через десять дней, не оставлял иного выбора тем, кто хотел уберечь человечество от катастрофы, не имевшей прецедентов в истории, — которая, впрочем, состоит из сплошных прецедентов. Американские и русские специалисты подготовили подробное коммюнике, содержащее солидное научное обоснование. Впервые до сведения общественности была доведена информация об «авариях» в Мерченнтауне

и Юань-Сине. До этого момента все слухи об авариях, распространявшиеся защитниками окружающей среды, не подтверждались и не опровергались. Безответственность зеленых была общеизвестным фактом; их «плутониевый невроз» ставил их в один ряд с сектами, что непрестанно провозглашали конец света. Попытки зеленых перевести вопрос о «передовом топливе» в плоскость прав человека и привычка говорить о переработке отходов и «полном цикле» так, как будто можно запросто перескакивать из научной плоскости в этическую и даже метафизическую, уже давно их дискредитировали.

Дипломатическая конъюнктура в мире была благоприятной. Новый вооруженный конфликт между Египтом и Ливией — и вот уже вся Африка в огне и в крови, проливающейся во имя пересмотра бывших колониальных границ. В Китае вспыхнула борьба за власть между армией и партийной номенклатурой.

— Что там еще? — спросил не до конца проснувшийся президент.

Лицо у Рассела Элкотта было осунувшееся. Он уже сбился со счета, сколько ночей не спал.

— Мы пока не знаем, господин президент. Русские, похоже, в полной панике. Сначала они в течение десяти минут бомбардировали нас сигналами «высокая важность, срочно принять решение», а теперь и сами здесь.

Первой ясной мыслью президента была мысль о том, что вчера умерла его любимая такса по имени Чак. Маловероятно, что эта новость могла до такой степени переполошить русских. Он с трудом приподнялся и сел. Голова была чугунная.

— Может, Китай...

Он выдвинул эту гипотезу не без надежды. В сложившейся обстановке ему нужно было что-то простое, предсказуемое. Пентагон разработал несколько воз-

можных сценариев развития событий, война между китайцами и русскими считалась наиболее желательным среди них.

— Не думаю, господин президент, — сказал Элкотт. — Наши спутники наблюдения не передавали никакой информации такого рода. Китайцы слишком заняты своими внутренними проблемами.

— Их военным может понадобиться отвлекающий маневр с внешней угрозой, чтобы сплотить вокруг себя китайский народ, — предположил президент.

«Цепляется за соломинку», — подумал Элкотт.

— Русский сигнал — «угроза незамедлительного уничтожения».

— Shit¹, — сказал президент и надел домашние туфли.

Оперативный зал был модернизирован, в соответствии с соглашением, заключенным с русскими в начале албанского кризиса. Передаваемые по спутниковой связи изображения уже были на экранах, и голубоватый свет делал их лица похожими на лица утопленников.

Президенту пришлось сделать над собой усилие, чтобы вспомнить, что русские тоже его видят, и он упрекнул себя за то, что остался в пижаме. Это несколько умаляло его достоинство. Да пошли они ко всем чертям, подумал он, и настроение его стало совсем мрачным.

Его команда была рядом с ним, но в неполном составе. Генерал Франкер был откомандирован в Белград. Помощник президента по делам национальной безопасности лежал в больнице после сердечного приступа. Система оповещения продолжала рассылать во всех направлениях сигналы тревоги. Большинство лидеров Конгресса находились в предвыборных поездках.

---

¹ Вот дерьмо! (Англ.)

Присутствовали профессор Скарбинский, начальник главного штаба генерал Халлок, главы Пентагона и ЦРУ Роден и Гарднер, командующие силами быстрого реагирования и Хэнк Эдвардс, не занимавший никакой официальной должности и не являвшийся экспертом ни в чем, разве что в дружбе и преданности. Последние тридцать лет он был самым близким президенту человеком. Члены правительства прибывали один за другим, так что пришлось пожимать много рук.

Как только президент увидел на экране русских, он испытал чувство облегчения, как будто наконец-то оказался среди старых друзей. Это новое для него чувство было таким неожиданным и показалось ему таким недостойным, что он немедленно сделал над собой усилие, чтобы вернуть себе настороженность и естественную враждебность. Еще не хватало искать в них опору. Его сила и его защита были тут, вокруг него — в самом американском народе.

Он повернулся к своим — более шестидесяти человек, отвечавших за каждый жизненно важный нерв страны: техники, звукоинженеры, переводчики, связисты, обеспечивавшие прямую связь с каждой из трех тысяч четырехсот разбросанных по всему миру американских баз и с пусковыми шахтами ядерных ракет. Достаточно было набрать на «чемоденчике» секретный код, чтобы стереть в порошок любую точку на земном шаре. В 1977 году время, необходимое для такого сокрушительного «ответа», исчислялось четырнадцатью минутами. Теперь оно сократилось до девяти с половиной минут. Противоракеты «пробуждались» автоматически, стоило любому их вражескому младшему брату начать свой полет в направлении Соединенных Штатов. Президенту для принятия решения отводилось пять минут. В таком контексте ситуация с «передовым топливом» становилась плеоназмом и вводила принцип, который, как с научной

стороны, так и с этической, был уже давным-давно принят. После 1977 года лазер мог за считанные секунды сжечь любой спутник, как разведывательный, так и несущий ядерные боеголовки, способные одновременно поражать несколько целей. Китай и СССР могли быть выведены из строя — это означало триста миллионов погибших в Китае и на две трети уничтоженное советское население — одной лишь десятой частью американской ударной мощи. Чтобы полностью уничтожить Соединенные Штаты, Советскому Союзу требовалось на три минуты больше, чем Соединенным Штатам для того, чтобы стереть в порошок советский народ. Эти три минуты назывались Пентагоном «запасом надежности», и, чтобы удерживать его любой ценой, у Штатов был военный бюджет, которого хватало бы на то, чтобы в течение века кормить всех голодающих на земном шаре. К счастью, недавно изобретенная нейтронная бомба позволяла минимизировать ущерб, так как убивала только население и оставляла нетронутыми материальные основы цивилизации, чтобы те могли использоваться и дальше.

Президенту внезапно показалось, что «боров» здесь, перед ним, разглядывает его с омерзительной улыбкой — гнусной ухмылкой истории. Господи боже мой, подумал он. Сейчас не время давать волю «своим чувствам». Сейчас нужно признать существование этого «борова» и смотреть ему прямо в глаза. Он здесь, и никто не может ничего с этим поделать. Единственная возможная линия поведения перед лицом его неизбежного присутствия — это попытаться переманить его на свою сторону.

Ему хватило одного взгляда на лица русских, занимавшие шесть из семи экранов, чтобы понять: «боров» снова выкинул какой-то фокус. У маршала Храпова было лицо человека, только что съевшего собственную собаку и теперь мучившегося одновременно и несва-

рением желудка, и угрызениями совести. У Ушакова дергались губы, а у Романова был открыт рот, как будто ему не хватало воздуха. Остальные члены «коллективного правительства» так нарочито старались сохранять хладнокровие, что хотелось предложить им леденцов.

— Господин президент...

На смену дребезжащему голосу Ушакова пришел голос переводчика. От этого глава Президиума только выиграл.

— Буквально пару минут назад нам удалось точно рассчитать вероятные последствия направленного албанского взрыва...

Справа на шестом экране президент заметил шестое лицо, лицо очень молодое, седьмой же экран оставался пустым.

— Присутствующий здесь профессор Анатолий Капица...

— Минутку, господин Ушаков.

Президент перешел на внутреннюю связь, чтобы русские его не слышали, и повернулся к Скарбинскому:

— Кто это?

— Племянник Петра Ка...

— Какая разница, чей он племянник!

— Физик, стоящий во главе советского «борова».

Один из крупнейших специалистов в области ядерной физики...

Президент вернулся к внешней связи:

— Итак, господин Кац...

— Капица, — подсказал Скарбинский.

— Итак, господин Капица, я вас слушаю.

— Речь идет не только об управляемой направленной дезинтеграции, господин президент, но и о *цепной реакции*...

Президент начинал терять терпение.

— Господин... гм... мне очень жаль, но я принадлежу еще к поколению «форда-Т», если это вам о чем-то говорит... Это такая довольно примитивная штуковина, сэр, с четырьмя колесами... Ну, в общем, не важно. Не могли бы вы изъясняться попроще?

— Если позволите, господин президент...

Скарбинский говорил со своим советским коллегой по меньшей мере минут десять. Президент не слушал, он смотрел на лицо Скарбинского, которое постепенно серело: это все, что ему требовалось знать. Такой язык он понимал с ходу.

— Ну что, плохи дела, сынок? Совсем плохи?

— Похоже, может произойти *цепная реакция*, господин президент, — пробормотал физик.

— Это я уже слышал. Что это значит, черт побери?

— Аннигиляция, — прошептал Скарбинский. — Не физическая аннигиляция, а психологическая, умственная, духов...

— Знаю, — оборвал его президент. — Дегуманизация, так? Ну и ну!

Он повернулся к русским:

— Так вот, господин Ушаков, не понимаю, что вас беспокоит. Вы лучше любого другого знаете, что дегуманизация никогда не мешала стране процветать. Права человека... В общем, извините меня. Признаюсь, я не горю желанием бежать прямо сейчас туда, где мне угрожала бы дегуманизация. Наши предшественники уже пришли в Хельсинки к согласию по этому поводу. Мы решили не допустить испытаний албанской ядерной бомбы, потому что их заверения относительно «направленности» взрыва не показались нам убедительными — совсем не показались. После того, как они сделали «стрелу» направленной, мы уже ни в чем не можем быть уверены. Учитывая то, что нам известно в этой области, мы не можем позволить себе пойти на риск. Мы всегда знали, что дезинтеграция

элемента передового топлива вызовет к жизни чудовищную разрушительную силу. Албанцы утверждают, что могут ею управлять и даже направлять ее... как мы — лазерный луч. А теперь вы мне говорите, что последствия албанского эксперимента установлены научным путем и что остается вероятность психологической, духовной... в общем, моральной аннигиляции албанцев в районе взрыва, как это уже случилось в Китае. Признаюсь, меня не особо волнует то, что... тот или иной коммунистический... или иной режим... делает со своим народом. Я придерживаюсь Хельсинкского соглашения, которое, насколько мне известно, до сих пор остается в силе: никакого вмешательства во внутренние дела других государств. Если режим Имира Джумы хочет пойти на риск привести население вокруг «борава» в «дегуманизированное» состояние, нас это не касается. Это ставит проблему прав человека, но она снимается принципом невмешательства... как вам известно. Мы не станем влезать ни в албанский ГУЛАГ... ни в какой другой. Так что я предлагаю — надеюсь, еще не поздно, — немедленно прекратить нашу диверсионную операцию — поскольку теперь мы знаем, что «дегуманизирующий» эффект затрагивает только местное население...

Скарбинский коснулся его руки:

— Не только местное, господин президент. Это реакция... *неограниченного* охвата, во все стороны света... Согласно последним данным, полученным русскими из Албании... похоже, существует что-то вроде всеобщей, неразрывной связи... Я хочу сказать, что нельзя дезинтегрировать дух, не вызвав при этом дезинтеграцию духа повсюду, где он обитает...

Президент стиснул зубы.

— Все это идеология, сынок, — сказал он.

— Нет, господин президент, это *наука*. Похоже, что существует своего рода связь, и...

— Брось это «похоже», сынок.

— Китайские специалисты или, что вероятнее, сам Матье, допустили ошибку в расчетах. Невозможно дезинтегрировать ни одного нуклона передового топлива так, чтобы не вызвать при этом дегуманизацию всех его носителей...

— Носителей? — повторил президент. — Удивительно все же, что потребовалось две тысячи лет, чтобы прийти к такому выводу... Вы, ученые, похоже, читаете не те книжки...

Русские выражали нетерпение.

— Господин президент...

— Еще одну минуту, господин Ушаков.

Он сжал кулаки и засунул их в карманы пижамы.

— Не верю я в эту вашу штуку.

— Согласно оценкам, произведенным нашим компьютером, это достоверная информация.

Президент нахмурил лоб. Широко расставив ноги, засунув руки в карманы, он стоял перед экранами с выражением гневного вызова.

— *Вашим* компьютером? — произнес он. — Скарбинский, а как обстоят дела с *нашим* компьютером? Уж он-то, по крайней мере, *христианский!*

Скарбинский ошеломленно смотрел на него.

— Повторяю, — зарычал президент, — как обстоят дела с *нашим* компьютером? Мы вроде как должны были работать над ним не покладая рук.

— Он еще не готов, сэр, — проговорил Скарбинский.

— Будет интересно узнать, что он скажет, когда будет готов, — орал президент, — а главное, кому он это скажет. Если я правильно понял, мы уже будем неспособны его понять. Профессор, я хочу ясного ответа. Мы будем доведены до того состояния, когда начнем жрать собственное дерьмо, так?

— Не думаю, сэр. Не совсем...

— Да или нет? — взвизгнул президент.

Скарбинский стоял, опершись о стол.

— Не совсем, господин президент. Думаю, будет поражена только эмоциональная сфера. А чисто интеллектуальная, возможно, останется невредимой.

— А это означает, что наука, техника и идеология смогут наконец-то двигаться вперед, не будучи при этом стеснены моралью... Так?

— Своего рода... полная деморализация, — пролепетал Скарбинский.

— *Своего рода?* Какого именно рода?

— В Мерчентауне...

— Господин президент...

— Минуточку, господин Ушаков. С «боровом» ничего не станется, если он немного подождет, я вам это обещаю. Заметьте, он, возможно, уже давно начал работать, а никто из нас этого и не заметил...

Он положил руку на плечо Скарбинскому:

— Я хочу знать размер прогнозируемого ущерба, сынок.

— Степень дегуманизации, сэр, плохо поддается оценке. Это зависит от критериев...

— От критериев? — повторил президент.

— К примеру, очевидно, что наши критерии в данном вопросе совсем не совпадают с теми, что приняты в СССР... Мы имеем только два прецедента: авария в Мерчантауне, у нас, и авария на коллекторе неограниченного втягивания у китайцев, девять лет назад... Летальных исходов не было, но...

— Ты вселяешь в меня надежду, сынок, — сказал президент. — Если мне не изменяет память, их обнаружили на четвереньках, жрущими дерьмо...

Чувство бессилия внезапно переросло в возмущение, и его охватила такая ярость, что он затопал ногами.

— Я хочу знать, почему *наш* компьютер не готов! — рычал он. — Понимаете ли вы, кучка бездарей, что я теперь вынужден верить всему, что болтает этот чертов коммунистический компьютер?

Он даже не удосужился отключить внешнюю связь. У переводчика пропал голос: наступила тишина, пока он подыскивал смягченный вариант перевода.

— Вы умудрились поставить президента Соединенных Штатов в такое положение, когда он вынужден слепо довериться какому-то дрянному коммунистическому компьютеру — извините меня, господин Ушаков, ничего личного, — и это тогда, когда речь идет — если я заблуждаюсь, поправьте меня, — о самом существовании нашей христианской души... гм... и еврейской тоже. И это обошлось американскому налогоплательщику в миллиарды долларов! Прекрасный результат! Я создам следственную комиссию!

— Господин президент, — произнес Ушаков дрожащим голосом, — речь сейчас идет о чисто научном, техническом вопросе, а вовсе не об идеологии. У компьютеров нет идеологической направленности.

Президент пристально посмотрел на него.

— Господин Ушаков, верит ли ваш компьютер в Бога? Я хочу сказать, вложили в него эту информацию?

Наступила мертвая тишина, во время которой русские сделались похожими на людей, которые отчаянно пытаются вступить в контакт с обитателями другой планеты.

— Так вот, господин Ушаков, — продолжил президент, — наш, американский компьютер верит в Бога. Или, вернее, он будет в него верить. Мы-то вложим в него эту информацию. И без нее все, что он мне скажет, не будет значить ровным счетом ничего. Вот почему я, господин Ушаков, не стану верить вашему ограниченному, недоразвитому компьютеру, как ни пытайся он

меня убедить, что человек властен дезинтегрировать душу, которая принадлежит одному Богу. По-моему, ваш компьютер попросту не знает, о чем говорит, потому что ваши ученые оставили его без необходимых данных. Они не удосужились сообщить ему самую важную и самую существенную информацию в этом деле — я имею в виду, в деле «Борова» — а именно, одно обстоятельство, которое нельзя не принимать в расчет, когда речь идет о дезинтеграции нашего бессмертного духа, и это недостающее обстоятельство — Бог, и, к вашему сведению и к сведению ваших ученых, это слово пишется с большой буквы!

Русские оживленно переговаривались по внутренней связи.

Президент испытывал довольно приятное чувство — словно только что стер их с лица земли. Это было чисто моральное удовлетворение, но с учетом сложившихся обстоятельств, и оно было не лишним.

Именно этот момент выбрал Хэнк Эдвардс с его природным чутьем, чтобы внести поднос с кофе и сэндвичами, после чего русские приобрели в глазах президента совершенно дурацкий вид. Он сел, взял чашку с кофе, обжегся и повернулся к экранам.

— Господа, мне очень жаль, что я не могу предложить вам кофе и сэндвичи. Похоже, еще есть пределы тому, на что способна наука.

Он снова взял чашку и сделал глоток. Скарбинский совещался с четверкой своих коллег из Массачусетского и Калифорнийского технологических институтов.

— Господин президент, у нас нет сомнений в том, что это самая большая опасность, какая...

— Да, да, знаю, сынок. Ты мне уже набросал картину в общих чертах. Не стоит еще и вставлять ее в раму.

Он поднял глаза на экран.

— Господин Ушаков, я не верю ни единому слову из всего сказанного вами.

— Господин президент, компьютер...

— Да пошел этот компьютер, — чертыхнулся он, и на обоих концах света воцарилась мертвая тишина.

Президент просиял. Он был убежден, что только что сказал то, чего хотела услышать от него вся страна.

— Где-то тут закралась ошибка, — пробормотал он.

— Ну разумеется, ее совершили китайские специалисты и этот... этот французский ученый, — сказал Ушаков.

— Я говорю не о китайских, албанских и прочих ученых, — перебил его президент. — Я говорю об ошибке, которая предшествовала всему этому, вам, нам, всем... Я не знаю, когда она была совершена и кем, но это была большая ошибка, господа...

Русские переглянулись. Им уже говорили, что новый президент Соединенных Штатов немного эксцентричен и нужно запастись терпением.

— Вот уже три часа мы находимся в постоянном контакте с албанцами, — сказал Ушаков. — Мы пытаемся объяснить им, что они допустили ошибку в расчетах. Но они и слышать ничего не желают. Упорно стоят на своем. Говорят, что работали с крупнейшим из ныне живущих специалистов атомного века, что безопасность гарантирована — они об этом позаботились. Они утверждают, что полностью просчитали процесс дезинтеграции, что она направлена строго по вертикали и что эта восходящая «стрела» преобразуется в пучок лишь в космосе, в тысяче километров от Земли. Они выслушали все наши доводы и заявили, что не дрогнут перед нашей «попыткой запугивания».

Президент жевал сэндвич.

— Вы не дали мне закончить, господин Ушakov. Относительно одного принципа в деле с «боровом» мы с самого начала пришли к консенсусу. Относительно принципа выживания, как я это назвал. Вспомните: *учитывая то, что нам известно в этой области, мы не можем позволить себе пойти на риск.* Вот почему я собираюсь распорядиться, чтобы на эту гадость немедленно сбросили бомбы. Это можно сделать за... скажем...

Он повернулся к генералу Хэллоку.

— ...Двадцать две минуты, — подсказал генерал Хэллок. — На всех наших базах объявлена тревога.

— Не уверен, что мы можем пойти на такой риск, — сказал маршал Храпов.

— Отчего же? Организация Объединенных Наций утретя, как обычно. Для того она и существует.

— Есть одна опасность, господин президент, — снова заговорил Храпов. — Как только бомбардировщики окажутся у албанцев на радарях, те тут же приведут в действие установку.

Президент внезапно вспомнил о седьмом экране. Тот по-прежнему пустовал.

Он поймал себя на том, что смотрит на него и... *чего-то ждет.* И если бы там вдруг возник Господь Бог собственной персоной, чтобы подсказать ему, как быть дальше, его бы это ни капельки не удивило.

Но экран оставался пустым, и пустота эта была в высшей степени красноречивой, почти заставляющей усомниться в Его сострадании.

Этого не случится, подумал президент, ибо, если бы это в принципе могло случиться, то экран не был бы сейчас пуст — нет, только не в такой момент.

— Сколько понадобится времени, чтобы оснастить наши ракеты нейтронными зарядами?

— Это невозможно, — возразил Хэллок. — Они для этого не предназначены.

Президент бросил на него всего один взгляд, и генерал почувствовал, что только что лишился своих звезд.

— Сколько у нас еще есть времени?

— Господин президент, я не думаю, что в такой час мы можем играть со временем, — сказал Хэллок. — Наш агент в Албании сообщил, что «церемония» должна состояться через неделю. Но они могут перенести дату. С другой стороны — и я только что удостоверился в этом, переговорив с нашими специалистами, — совершенно исключено, что албанцы успеют начать операцию за те несколько минут — три минуты, если быть точным, — которые будут у них в запасе после появления наших самолетов на их радарх. Если даже не принимать во внимание чисто технические соображения и предыдущие расчеты, мне это представляется противоречащим бюрократическому духу...

Он хотел добавить «коммунистических режимов», но вовремя спохватился.

— Эффект неожиданности сыграет на нас. Я предлагаю начать бомбардировку немедленно.

— По-моему, у нас нет особого выбора, — сказал президент.

Внезапно он отчетливо ощутил, что на него смотрит пустой экран. Но он был официально избранным президентом Соединенных Штатов и не мог позволить себе полагаться на кого-либо, кроме самого себя.

— Господин Ушаков, мы не имеем права полагаться на действия одной-единственной десантно-диверсионной группы. Так нельзя. Ставка слишком высока. Мне следовало бы сказать: слишком *неведома* — что, в общем-то, одно и то же. Я предлагаю вам решение, которое мы уже рассматривали ранее: «ошибка» советской ракеты, отклонившейся от своей траектории из-за технической неполадки.

Ушаков скорчил злобную гримасу. Русских это предложение, похоже, возмутило.

— На это мы пойти не можем, господин президент. Тут дело принципа. Будет нанесен ущерб нашему доброму имени. Наша военная техника считается — и совершенно справедливо — лучшей в мире. У меня нет желания оскорбить вас, господин президент, но ваше предложение имеет целью дискредитировать советскую армию и советское оружие. Мы никогда не пойдем на такое. Если должна быть совершена «ошибка», то только американской ракетой. Я с самого начала предупреждал об этом. Когда мы рассматривали эту альтернативу, то речь шла о сбое в одной из *ваших* ракет. Мы не намерены умышленно пятнать честь советской науки и техники. Это наше последнее слово.

Президент побледнел.

— А честь и надежность американской науки и техники, как вы прикажете поступить с ними?

— Мне нужно несколько минут на размышление, — заявил Ушаков.

Русские исчезли с экрана.

Президент был вне себя.

— Они хотят повесить всех собак на нас! С самого начала была договоренность, что ответственность будет поделена поровну. И никак иначе!

Когда русские вернулись, позиция их смягчилась. Уничтожение «борова» вследствие «ошибки» ракеты теперь казалось им недопустимым с этической точки зрения. Они считали, что, учитывая исторические обстоятельства, только выиграют, если будут действовать в открытую. В случае провала десантно-диверсионной операции они предлагали немедленное вторжение, которое квалифицировали как «совершенно открытое», — как это было в Чехословакии, где им уже приходилось брать на себя ответственность — в священных интересах народов всего мира, посколь-

ку албанцы отказываются внимать доводам разума и вступают на путь преступного безумия. Раз и навсегда будет положен конец распространению термоядерного оружия, а нация, которая попытается его создать, автоматически поставит себя вне законов человечества. На внеочередном заседании Генеральной Ассамблеи, которое состоится через двадцать четыре часа после этой «спасательной акции», вся ответственность будет возложена на Соединенные Штаты и на СССР.

Атмосфера в Оперативном зале заметно разрядилась. Советские специалисты согласились с американскими: у албанцев не будет возможности активировать «борова» в небольшой промежуток времени между появлением бомбардировщиков на радарх и их заходом на цель. Их радары слишком маломощны, и к тому же все они находятся на албанской территории.

Президенту было досадно. Он оказался в невыгодном, по сравнению с русскими, положении и втайне завидовал им. Дать окончательное согласие на их предложение он не мог, не посоветовавшись с лидерами Конгресса. Большинство из них были еще в пути — возвращались из своих округов. А Рассел Элкотт все висел на телефоне. Русским же не нужно было ни с кем советоваться. Демократия ставила почти неразрешимые преграды перед теми, кого больше всего заботило ее выживание.

— Я согласен в главном, но с некоторыми оговорками. Бомбардировщики поднимутся в воздух немедленно, однако давайте условимся: некоторое время они должны находиться вне досягаемости албанских радаров — они будут нашей страховкой на случай провала десантно-диверсионной группы. Я не могу принять окончательного решения, не посоветовавшись с американским народом...

Переводчик автоматически перевел слово «народ» как «лидеры Конгресса».

— Когда именно десантно-диверсионная группа прибудет на место?

— В шесть часов по местному времени, — сказал Хэллок. — Ноль часов по нашему.

— С ними можно связаться?

— Да, конечно, господин президент, через Белград.

— Я хотел бы поговорить с ними, — сказал президент. — Что это за люди?

— Профессионалы. Лучшие. Элита.

— Не вижу, что мы тут еще можем сделать... Только положиться на них... и держать второй вариант про запас — на тех условиях, которые я озвучил, господин Ушаков.

— Я предлагаю поддерживать контакт, пока все не разрешится, господин президент, — сказал Ушаков.

— Могу вас заверить, что я не намерен покидать этот зал. С вашего позволения я сейчас же переговорю с этими людьми...

— У нас нет возможности связаться с ними напрямую, — сказал Хэллок. — Наши люди в Белграде запишут ваше послание и немедленно передадут им.

Президент записал послание для диверсионной группы, а Ушаков дополнил его несколькими словами, адресованными русским. На часах было 20.10 по вашигтонскому времени.

Глухой ритмичный стук, шедший из каких-то глубин, наполнял долину. Порой ему казалось, что это стучит его собственное сердце. Иногда этот звук рождал в нем беспокойство — или надежду — он и сам толком не понимал. Концентрация энергии и внутреннее напряжение были столь велики, что, несмотря на совершенство системы управления духом, казалось почти невыносимым, что он так и останется пленником, что он не освободится сам собой повсюду, где его «уловили».

— Пожалуйста, Марк, погаси свет...

Он погасил.

— Не выношу его.

— Почему? Это просто энергия. К тому же самая дешевая.

— Мне трудно привыкнуть, ты прекрасно это знаешь.

— Нельзя построить социализм, не пойдя на определенные жертвы, Мэй. Чего ты не понимаешь, так это энтузиазма, с которым эти люди отдают все лучшее, что в них есть. — Он протянул руку и зажег свет. — Чудесное пламя веры и самоотверженности. Думаешь, оно бы сияло так ярко, не будь там внутри радости, счастья оттого, что служишь великому делу? А вскоре появится демократическая возможность выбрать себе способ применения. Я, конечно же, в курсе,

что в СССР нужно ждать не меньше четырех лет, чтобы приобрести автомобиль, но ведь это лишь переходный период. Что возмутительно, так это то, что когда такой выбор делают в Америке, говорят о «свободе», а когда в странах народной демократии — об «эксплуатации человека человеком». Вся история цивилизаций была историей снабжения Государства энергией, и сегодня мы наконец-то достигаем в этом кульминационной, высшей точки...

Он умолк. Что толку? Ведь неоткуда было взяться человеческому голосу, способному говорить от имени человека. Здесь нужны были иные призывы, иной гнев.

Возможно, из-за строжайшего идеологического контроля побочный эффект в долине был особенно сильным. Сами гены Матье, казалось, были заражены, и все новые дозы загрязнения добавлялись к тому, что накопила история в коллективном подсознании рода человеческого. Накануне, когда он бродил по близлежащим горам, у него начались галлюцинации. На повороте дороги он увидел, как из кустов высунулся какой-то человек; окровавленная простыня едва скрывала его наготу. Он был страшно худым и казался смертельно испуганным.

— Ах, это вы! — сказал он Матье, и тот очень удивился, что понимает древнееврейский. — Продолжайте. Обещаю, что на сей раз я не стану вмешиваться.

У Него были раны по всему телу, лоб кровоточил, а во взгляде читалось то выражение муки и негодования, которое уже породило высочайшие шедевры Возрождения, но могло и дальше послужить искусству.

— У вас не найдется одежды взаймы? — спросил человек. — Однажды я воздам вам за это сторицей.

— Что Вы тут делаете, да еще голышом? Снова пришли, чтобы попозировать какому-нибудь художнику, или как?

Тот — Другой — вздохнул.

— Не говорите мне об этом! Они ждали меня не одно столетие, а когда дождались, организовали целый комитет, чтобы принять меня как положено.

Раны его кровоточили.

— У меня не было никакой возможности улизнуть от них — ведь мои портреты висят во всех музеях мира. Мне не следовало возвращаться. Но что вы хотите, любопытно же было посмотреть, что из всего этого получится через пару тысяч лет. Я говорил себе: двадцати веков достаточно, чтобы они изменились.

Матье охватила жалость.

Другой вздохнул:

— Так вот, нет, представьте себе. Еще хуже, чем прежде. Если бы я мог это предвидеть, я бы остался евреем. — Он вытер слезу. — Все было впустую. Все зря.

— А вот тут я с Вами не согласен, — возразил Матье. — Без Вас не было бы ни итальянских примитивистов, ни романского искусства, ни готики. Оно того стоило, разве нет? Одна лишь Сикстинская капелла...

— Послушайте, господин Матье...

— Вы меня знаете?

— Разумеется, я вас знаю. Благодаря вам и прочим... Как их там? Оппенгеймеру, Ферми, Бору, Сахарову, Теллеру... оно стало научным фактом.

— Что? Что стало научным фактом?

— Распятие. Я, знаете ли, совершил небольшое путешествие. Побывал в Чехословакии, в Африке, в Южной Америке, в Севесо¹, много где, в общем... И это

---

¹ Город в Италии, где 10 июля 1976 г. на заводе, принадлежавшем швейцарской фирме «Жевадон», произошла техногенная катастрофа. Токсичными испарениями (диоксинами) была заражена территория в 1800 га, на которой проживало 36 тыс. человек.

повсюду, повсюду... Я бы никогда не поверил, что Распятие станет таким обыденным. Никто больше не обращает на него внимания.

— А разве Вам не приятно, что Вы были первым? Предтечей. Вам выпала честь участвовать в «духовной премьер»». Но скажите, как так случилось, что на сей раз Вы проскользнули у них между пальцев?

— Еще на что-то способен, представьте себе. Но я вырвался буквально в последний момент. Когда они увидели, что я пришел, тотчас же вынесли огромный крест, как будто держали его наготове в ожидании моего возвращения... Какое-то мгновение я колебался — рефлекс собаки Павлова, знаете ли, — а затем сказал себе «нет». Какой мне смысл — ну, сделают музеи еще несколько заказов...

— Очень зря. На живопись нынче просто астрономические цены.

Лицо Другого помрачнело. Это было суровое, строгое лицо, очень красивое в своей несколько архаичной грубости, той, что запечатлелась на средневековых византийских и греческих иконах прежде, чем попасть в руки итальянцев.

— Один Ваш портрет кисти Мазаччо был продан в Лондоне за миллион фунтов стерлингов, — сказал Матье. — Вам действительно грех жаловаться.

Другой взглянул на него искоса:

— А с бомбой все в порядке?

— Очень надеюсь.

— Будьте все же осторожнее. Она на...

Какой-то миг он колебался.

— ...на «передовом топливе», да, — подтвердил Матье.

Они избегали смотреть друг другу в глаза.

— А что они думают делать после? — спросил Другой.

— После того как перестанут жрать дерьмо, Вы хотите сказать? Не знаю.

— Что они думают делать после? Начать заново? С чем? С кем? Во всяком случае, не со мной.

— А Вы? Что будет с Вами?

— Раздобуду себе гражданскую одежду и уеду, укроюсь в Полинезии. Я слышал, что Полинезия — это земной рай, так что, сами подумайте, придет ли кому-нибудь в голову искать меня там... Это было до моей эры. Ну, до свидания, и удачи вам.

Матье изумился.

— *Удачи?* И это Вы мне ее желаете?

Впервые на лице Другого мелькнула тень улыбки.

— Я вам сказал: *до свидания* и удачи... Ваше дело еще может провалиться, что также означает, что оно еще может и выгореть...

— Все тот же Талмуд, да? Так Вы мне желаете успеха или провала?

— Я вам желаю провалиться, чтобы добиться успеха, а не добиться успеха, чтобы провалиться... Вот почему я вам и говорю: *до свидания*...

Он уже почти исчез...

— Пойдите! — крикнул Матье. — Зачем Вы приходили *сюда*?

Другой повернулся к нему, и на этот раз в Его взгляде был откровенный огонек старого еврейского юмора.

— У вас не найдется какого-нибудь креста потяжелее? — спросил он. — Без него я не чувствую себя самим собой. Я сказал себе: ну вот, очередная ядерная мерзость — так что крест-то у них, наверное, должен быть...

Он повернулся к Матье спиной, и в этот миг француз различил в кустах шорох крадущихся шагов и возбужденный шепот. Другой их тоже услышал, и Он, кажется, догадывался, кто это, поскольку лицо Его

приняло грозное выражение, и Он в очередной раз показался Матье таким, каким Его видели в начале христианской веры, во всей первозданной мужественности. Он прокричал что-то на арамейском, наклонился и подобрал камень. Кусты раздвинулись, и оттуда высунулись головы Микеланджело, Чимабуэ, Леонардо, Рафаэля и *tutti frutti*¹, ошалевших от возбуждения. Все они держали наготове кисти. Другой тотчас же принялся швырять в них камни. Микеланджело камень угодил прямо в рожу, Рафаэлю — в глаз, Леонардо бросил кисть и стал приплясывать на месте, держась за ногу. Другой запустил в них еще несколько камней, творцы попрятались в кустах, но кистей не побросали. Они твердили, что все, о чем они просят, — попозировать им часик, у них заказы, всего один час, во имя культуры...

Он нуждался в этих небольших психодрамах как в отдушине: внутреннее возбуждение ослабло, и тяжелый стук цивилизации вокруг него уже не казался таким громким. Но это была всего лишь передышка: как только гнев затихал, эстафету всегда подхватывало эхо мира. «Человек, — писал французский философ Мишель Фуко, — недавнее изобретение, и археология нашего мышления указывает нам на его недавнее рождение. А возможно, и близкий конец». Это была мысль, которая уже союзничала с концом. Он вспомнил о единодушном выводе своих коллег в ходе известного конгресса по ядерной физике в Стамбуле, в сентябре 1977 года: «Нет спасения без передового топлива». Они могли бы придать своему выводу еще более краткую форму: «Нет спасения». Согласно расчетам американцев Роберта Айреса и Аллена В. Книза, излучение от используемой человечеством энергии, без учета ядерной энергетики, уже составляло одну пят-

---

¹ Всех прочих, всех остальных (*итал., пренебр.*).

надцатитысячную от поглощаемой солнечной энергии. Если эта цифра будет расти в том же темпе, то за двести пятьдесят лет излучение достигнет ста процентов от поглощаемого солнечного света. Это приведет к повышению температуры на земном шаре примерно на пятьдесят градусов — что сделает жизнь человека на Земле невозможной.

— Марк...

Он смотрел на это тело, еще помнившее первые объятия, на эти бедра, грудь, живот, напоминавшие о материнстве, которое так и не состоялось, и о рождении, которое так никогда и не произошло.

— Почему ты улыбаешься, Марк? Что случилось?

— Ничего. Я ищу лицо, что было у меня до сотворенья мира, вот и все.

— Что это значит?

— Оно — твое.

Он не знал иного покоя, иного ответа, кроме этой нежности, принимавшей материальный облик губ: утопия обретала плоть, и это дыхание, что смешивалось с его дыханием, было концом всех скитаний и поисков. Еще несколько секунд, оставайся такой, не шевелись, не закрывай глаза, чтобы я узнал, откуда я, кто я, чем я живу...

Она погасила свет.

— Марк...

— Да.

— Назначено на завтра, да?

— Ты отлично знаешь, что да, Мэй. Тебе все известно. Ты переснимаешь на микроплёнку каждый клочок бумаги, каждую схему, которую я нарочно оставляю на столе... Мне пришлось постоянно следить за тобой и упрощать тебе задачу, иначе албанские службы безопасности в конце концов схватили бы тебя. Я даже нашел передатчик у тебя в туфле.

Он ощутил, как все ее тело напряглось в темноте, и обнял ее.

— Все очень хорошо, святая Мэй Албанская, — сказал он. — Ты меня не предавала: *ты мне помогала*. Я хотел, чтобы они знали. Я хотел припереть их к стенке. Все, что я делал, я делал в надежде открыть им глаза. Мой голос не единственный, они превосходно осведомлены, и это началось уже давно, но они не остановятся, они пойдут до конца. Завтра утром они, вероятно, разнесут весь этот район атомными бомбами. История не знает ни одного случая, когда Государство не погибло бы от своих собственных рук.

Он едва услышал в темноте ее голос, совсем тоненький, почти детский:

— Мне удалось передать послание папе, через итальянское посольство, несколько дней назад... Может быть...

Матье рассмеялся.

Понтифик прогуливался в оливковой роще в своей резиденции в Кастель-Гандольфо; он особенно любил этот час сумерек, когда луна, звезды и последние отсветы дня сходились, чтобы успокоить его усталые глаза: в это время земля испускает свой последней теплый вздох перед ночной прохладой. Понтифика сопровождали кардинал Залта и профессор Гаэтано — тот пришел рассказать об акциях протеста, которые все ещё сотрясали Италию после трагедии в Севесо.

— Они опасаются подобной аварии, но в бесконечно большем масштабе, с реакторами-размножителями и переработкой плутония, то есть того, что мы называем «передовым топливом». В Германии настоящая народная революция... Разумеется, что касается широких масс, тут необходимо сделать скидку на их невежество, но должен сказать, и ученым не помешало бы помнить о собственном невежестве...

Уже больше часа Его Святейшество бродил по аллеям, и мелькание его белой сутаны под сенью деревьев означало для садовника Массимо одно: понтифик тревожится, значит, где-то в мире зародилось новое страдание. Садовник снял шляпу.

Папа поднял глаза к небу, которое делалось все темнее.

— Когда мы вчера ехали сюда на машине, — сказал он, — я почувствовал, что водитель нервничает, и спросил его почему. Он сказал мне, что это самый опасный час на дороге: сумерки, ночь еще не опустилась, дневной свет еще не погас, а темнота не стала полной: уже слишком темно, чтобы ехать без фар, и еще слишком светло, чтобы от них была польза. Этот час — когда путь освещен, но недостаточно ярко, — наихудший и для науки...

Они услышали позади шаги и увидели большую тощую белую птицу, она приближалась, размахивая крыльями: монсеньор Домани.

— Можно подумать, что этот молодой человек разучился ходить, — сказал понтифик. — Он летает. Это несколько преждевременно. Что случилось, сын мой?

Они сделали привал под скалой, дожидаясь темноты перед последним броском, который должен был привести их к самой цели, — и тут из радиации раздавался голос президента Соединенных Штатов, передаваемый в записи из Белграда, а потом — голос Ушакова. Они слушали с удивлением, поскольку это последнее напоминание о важности их миссии, которую президент окрестил «священной», а глава советского правительства — «исторической», действовало на них примерно так же, как щекотка: для них священной в этой миссии была лишь их собственная шкура. Вдобавок президент нашел необходимым сравнить их с «орлами», а Ушаков назвал «героями», что могло означать только одно: дела там наверху идут не блестяще, и те, кто отдает им приказы, начинают терять голову.

— Он вроде и правда очень взволнован, — с явной доброжелательностью сказал об американском президенте Комаров своему американскому коллеге. — Может, получим премию или что-нибудь такое.

Старр снял сапоги и разминал себе ступни. Годятся только для штабных коридоров, подумал он мрачно.

— А вы разве не собираетесь выступить перед нами по такому случаю с небольшой речью? — резко спросил он своего английского коллегу. — Вы ведь,

кажется, отвечаете за наш моральный дух. Ну же. Мы вас слушаем.

Литтл пригладил свои жалкие усы.

— Это будет величайший миг нашей жизни, — произнес он.

— Bravo. Я ожидал чего-то в духе Черчилля. А вы сейчас — просто идеальный объект для карикатуры.

Майор бросил на него холодный взгляд:

— Полковник СтARR, давайте-ка объяснимся. Мы образуем своего рода интернациональное сообщество профессиональных сукиных сынов, которыми я имею честь командовать. Чтобы задание было выполнено, каждый из нас должен доверять остальным, а поскольку нам не хватило времени по-настоящему познакомиться, то проще всего придерживаться всем известных и надежных стереотипов. Что до меня, то я считаю нужным воплотиться в типичный образ офицера Ее Наибританского Величества, с его неколебимой преданностью, надежностью, чувством долга, глупым видом, за которым скрывается замечательный тактический ум — это я о себе, — а также с туповатой приверженностью традициям чести и самоотверженности; не забудем при этом о священном ужасе перед американцами, тактично скрываемом, но тем не менее присутствующем. У меня нет ничего общего с этим персонажем, но я обещаю оставаться им до конца, чтобы вы в любой момент знали, чего от меня ожидать, и чтобы операция прошла успешно. Ясно?

— Приношу свои извинения, сэр, — искренне сказал СтARR.

— Я предлагаю вам товарный знак, который уже успел себя зарекомендовать и на который вы можете полностью положиться, — продолжил англичанин. — Единственная роль, которую я отказываюсь играть, это «старый холостяк». Я знаю, вы ждете от меня чего-то подобного, но всему есть предел. Что же

касается этих совершенно тошнотворных речей, что мы только что выслушали, со всеми этими оборотами вроде: «дезинтеграция человеческой души», «преступление, которое вызовет цепную реакцию и низведет всех до животного состояния», а также «сломить бессмертный дух человека», — коль скоро вы просите меня прокомментировать их, то я воспользуюсь этой возможностью и напому вам, что политика нас не касается.

Они все посмотрели на англичанина с некоторым удивлением. Даже русские выглядели изумленными. Может, они никогда не слышали о ГУЛАГе, подумал Старр. В конце концов, шестьдесят миллионов немцев во время войны никогда не слышали о лагерях смерти. Такое бывает.

— *Политика?* — вежливо осведомился Колек. — Извините, но так, чисто из любопытства... Довести людей до скотского состояния и уничтожить в них все человеческое — это политика?

— Да, сэр, именно так, я называю это политикой, если вы желаете знать мое мнение! — выкрикнул майор с неожиданной горячностью, оставив всякое притязание на оксфордский акцент и скатившись на родной кокни. — То же самое они говорили о нацистах, японцах, русских, о Сталине, об американцах во Вьетнаме, о фашистах и коммунистах! Это политика, сэр, и я не позволю, чтобы вы тут ею занимались, нет, сэр, пока я вами команду — не позволю! Нам нужно добратся до цели и уничтожить эту цель до того, как и она, вероятно, тоже начнет делать политику. Именно это мы сделаем, а потом как можно быстрее смоемся! Мы здесь для того, чтобы взорвать чертову ядерную цель, а не чертову метафору!

Теперь он уже орал на откровеннейшем и неприкрытом кокни, проглатывая буквы «ха» в начале слов, его пшеничные усы топорщились от возмущения, а

бледно-голубые стеклянные глаза стали круглыми, как у фарфоровой собачки.

— А Христос? — спросил капитан Мнишек. — Президент Соединенных Штатов сказал, что мы должны не допустить нового Распятия...

Литтл побагровел.

— Меня не интересует событие, относящееся к локальной политике и произошедшее две тысячи лет тому назад в плохо управляемой колонии, — выкрикнул он.

От неожиданности они посмотрели на него с уважением.

Югослав Станко проглотил большой стакан сливо-вицы, глубоко втянул в себя воздух и встал на ноги.

— Мммм, — произнес он, — позвольте мне, как вашему товарищу и офицеру, сказать, что в словах, которые вы только что произнесли, чувствуется истинное величие.

Он встал по стойке «смирно» и отдал честь. Литтл выпрямился и ответил тем же.

— Спасибо. Вольно.

Русские обсуждали между собой послание, с которым обратился к ним Ушаков. Старра удивило выражение «*novoïe svinstvo*». Ушаков, по-видимому, решил прибегнуть к старой хрущевской риторике.

Канадец Колек воспринял обнадеживающие новости из Вашингтона с веселым огоньком в своих карих глазах.

— Алло, алло, цивилизация вызывает диверсионную группу: S. O. S.! Алло, алло, диверсионная группа вызывает цивилизацию! *Вы еще там?*

Самой интересной Старру показалась реакция Каплана. Ученый, выказавший во время восхождения замечательную физическую стойкость и проворство, продолжал в ходе эмоциональных излияний президента преспокойно покуривать трубку, но когда посла-

ние дозвучало, вид у него стал невероятно довольный, почти торжествующий. Можно было подумать, что он только что услышал лучшую в своей жизни новость и испытывает мало с чем сравнимое удовольствие. Несколько секунд Старр гадал, чему приписать такую реакцию, затем ему на ум пришла одна правдоподобная догадка: физик упивался тем, что его прославленный коллега Матье совершил столь грубую ошибку.

— Профессор, если не ошибаюсь, ваш коллега Матье был отнюдь не популярен в кругах, где священнодействуют верховные жрецы науки...

Каплан кивнул.

— Совершенно одиозная фигура, — подтвердил он. — Тип демагога, которые только тем и занимаются, что протестуют против последствий своих же собственных открытий. Его псевдогуманистические и псевдонравоучительные взгляды, прикрываемые научным авторитетом, стали просто катастрофой для освоения передовой энергии. Он сбил с пути истинно молодое поколение. Сделал из проблемы научной и технологической проблему этическую. А это недопустимо.

— Что вы думаете о совершенной им ошибке?

Каплан разжигал свою трубку.

— Думаю, что ее в нужный момент исправят другие.

Старр поперхнулся.

— Что вы хотите сказать?

— Бомбу с «духом» управляемого, направленного и ограниченного действия можно изготовить без особых проблем. Матье со своими китайцами сконструировал плохую бомбу.

— *Плохую* бомбу? — пробормотал Старр.

— Дефектную. Как только ошибка будет обнаружена и исправлена, нам будет по силам сконструировать хорошую бомбу.

— *Хорошую*? — повторил Старр.

— Надежную бомбу.

— *Надежную...*

— Конечно, если наша операция провалится и произойдет цепная реакция, то бомб больше не будет, потому что больше не будет цивилизации.

— Не будет бомб, потому что не будет цивилизации, — опешив, эхом повторил Старр.

— Если взрывная волна вызовет всеобщее психическое расстройство, то наука перестанет существовать, и в течение какого-то времени будет одно сплошное скотство.

— Больше скотства... значит, больше науки, — снова отозвался оторопевший Старр и принялся натягивать сапоги.

Станко лежал на спине, глядя в небо, вид у него был озабоченный. Внезапно он принял сидячее положение.

— Послушайте, парни, — начал он на своем английском, в котором «эр» перекатывались в голосовых связках, как булыжники. — Послушайте, товарищи, я хорошенько поразмыслил.

Литтл вскипел.

— Вот только без этого, сэр, — попросил он. — Нам трудностей и так хватает.

Смуглое цыганское лицо югослава под всклокоченными кудрями действительно выдавало глубокое внутреннее беспокойство.

— Все эти громкие слова, которые мы слышали, — что они означают? Что мы можем спасти мир?

— Не нам решать, надо или нет спасти мир, — строго предупредил его майор. — Мы *должны* его спасти, а там будь что будет.

— О'кей, ладно, — продолжал Станко, явно находившийся во власти мыслительного вдохновения. — Мы вызываем президента. Мы говорим ему: о'кей, мы

спасаем мир. Но взамен требуем восемь миллионов долларов в швейцарском банке. Ну как?

Все уставились на югослава. Повисла долгая пауза.

— Восемь миллионов долларов, — повторил Станко.

— Мир стоит больше, — заметил Старр.

— Думаете? Что вы на это скажете, майор?

— Не пойдет, — сказал Литтл сухо.

— Почему?

— Not cricket¹, — заявил Литтл. — Неэлегантно.

Воинская честь и все такое прочее...

Старр был вынужден признать, что англичанин держит слово и свою роль офицера Ее Величества и джентльмена играет вполне убедительно.

Реакция поляка на президентское послание совершенно сбивала с толку. Старр ничего не мог понять: Мнишек сам ему признался, что он — соблюдающий обряды католик, и, однако, когда ему объявили, что всему, что олицетворяет Христос, грозит дезинтеграция и вымирание, что дегуманизация — неизбежное следствие накопления и распространения передового топлива, и плутония, и атомного оружия, в силу самой их природы, поляк всем своим видом продемонстрировал глубочайшее удовлетворение, словно наконец-то начали сбываться его самые глубокие чаяния. Трудно было вообразить, чтобы вера в Создателя сочеталась с такой ненавистью к Его созданиям.

Старр уже давно решил приглядывать за Мнишкой — он не доверял страстным натурам: они непредсказуемы.

День клонился к вечеру, звезды снова пустились в хоровод, от солнца осталось лишь несколько алых дорожек на потемневших камнях; капитан Мнишек

---

¹ Не по правилам, нечестно (англ.).

встал, стройный и элегантный в своем электрическом комбинезоне, и отошел в сторонку. Старр видел его со спины, фигура выделялась на фоне неба. Он опустил голову и соединил ладони перед грудью. Поляк молился.

Старр толкнул майора локтем.

— Да, знаю, — сказал англичанин. — Нужно будет за ним присмотреть.

Молоденький албанец сидел на скале, обхватив колени руками, и что-то тихо пел себе под нос. После обращения президента он задал командиру несколько вопросов. Литтл объяснил ему, что, когда людей посылают умирать во Вьетнам или еще куда-нибудь, то всегда говорят громкие слова о душе, моральном и духовном распаде, и т. д., и т. п. Это называется «метафоры». Что касается цепной реакции, это просто-напросто то, что называют «распространением». Распространение ядерного оружия достигло и Албании, и теперь нужно помешать албанцам начать испытания, так как они допустили ошибку в расчетах. Вот и все. Остальное — всего лишь красивая упаковка.

Парнишка на миг задумался. Улыбка блеснула ярким светом, озарив темноту его лица. Литтл поймал себя на мысли, что был бы рад вновь встретиться с ним в более благоприятных обстоятельствах.

— Если бы это было правдой, достаточно было бы пообщаться с народом, — сказал юноша. — Народ бы восстал. Он бы не допустил такого. Я знаю наш албанский народ. Это орлы.

— Все народы орлы, — продолжал объяснять ему Литтл. — Это как раз и есть та самая метафора. Чем больше их заставляют ползать, тем настойчивее им втолковывают, что они орлы. Ты и правда не боишься?

Молодой человек рассмеялся:

— Нет, не боюсь! Видите ли, командир, что до моей души, то я не взял ее с собой. Я оставил душечку мою

в Белграде. Она прекрасна. Глаза — как этот свет там, в вышине, а бедра, грудь...

Литтлу стало не по себе, и он замаял разговор.

Они преодолели последние двадцать километров, шагая за границей дорожки, проложенной луной, вслед за своим проводником — молодым албанцем, и глаза ночи провожали их своими взглядами, в которых застыли миллиарды лет пустоты и небытия.

Вскоре их приборы уловили голоса албанских солдат; стрекот насекомых, сорвавшиеся с места камни, птицы, ожидавшие рассвета, и звуки их собственных шагов наполняли окружающий мир грохотом лавин, приливов и землетрясений. Когда они выключали наушники, тишина поглощала их, будто поражая всех глухотой.

Сквозь стекла очков Земля выглядела красной планетой — казалось, они идут к своей цели по почве, пропитанной кровью истории, кровью, которая проливалась лишь затем, чтобы сделать возможным *это*.

В час ночи Старр услышал в своем приборе душевраздирающий вопль, заставивший его подскочить и выругаться: пел петух. Еще полчаса пути, и у них под ногами зажглись звезды — там лежала деревня Зив. Они двинулись по хребту на юг, и вот перед ними открылась долина с сотнями обелисков, размечавших ночь своей фосфоресцирующей белизной.

— Двадцатиминутный привал, — распорядился Литтл.

Старр растянулся на спине, закрыл глаза и тут же ощутил, как нежные-нежные пальцы гладят его по лбу. Он очнулся: то был утренний бриз. Ночь все так же окружала его мириадами мерцающих огней, и, лежа в темноте, устремив взгляд на утреннюю звезду, американец подумал, что, будь у него пару тысяч лет назад в Иудее несколько хорошо подготовленных парней, люди никогда бы до такого не докатились.

Они шли по тропе, петляющей на высоте тысячи двухсот метров, которая заканчивалась среди нагромождения камней, у двухсотметрового обрыва; это был самый опасный проход в долину — но единственный, куда не дотягивались лучи прожекторов, постоянно обшаривавших каждый дюйм скал.

Сначала они спустили снаряжение, затем вниз отправились Григорьев и албанец; но когда остальные члены группы достигли площадки на середине спуска, они обнаружили там одного только русского. Албанец исчез. Из носа у Григорьева текла кровь, он сидел на корточках, растирая кисти рук.

— Soukin syn, — бормотал он. — Вот сукин сын.

— Где он? — рявкнул Литтл. — Что произошло?

— Ушел, один...

Григорьев махнул рукой в сторону фосфоресцировавших обелисков на дне долины. Пропали, подумал Старр. Если албанец предатель, их встретят прямо внизу.

— Нет, — сказал Григорьев. — Все не так. Этот придурок пошел предупредить «албанский народ» — именно так он выразился. «Народ», твою мать, — как вам это? Единственная вещь, которую ни в коем разе нельзя трогать, если не хочешь вляпаться в дерьмо.

Этот щенок полагает, что если бы народ знал, то восстал бы и освободил... вон ту кучу дерьма.

Он махнул рукой в сторону ловителей.

— Я попытался вырубить его, но... — Он вытер локтем нос. — **Сильный, soukip sup.**

— Развел тут самодеятельность, черт его дери, — произнес Литтл с сильным акцентом кокни, который, видимо, вступал в свои права всякий раз, как майора охватывал гнев. — Я всегда говорил, что нужно остерегаться идеалистов. Все они врожденные неудачники. Вперед.

Чтобы выйти на дорогу, им потребовалось три часа — почти на десять минут больше, чем по графику, который был рассчитан во время тренировок по минутам, — ведь теперь им приходилось нести и груз албанца, являвшийся частью ядерного щита. В последние полчаса пришлось сделать рывок, чтобы добраться до пещеры, пока не начало рассветать. Старр писал в своем рапорте, что, когда он висел на середине спуска, ухватившись за свой ледоруб, его мозг пронзила мысль: даже знаменитая фраза Уинстона Черчилля после битвы за Британию: «Никогда еще в истории человеческих конфликтов столь многие не были обязаны спасением столь немногим» — не могла полностью передать, сколь многое находилось в этот момент вместе с ними между небом и землей. «Обычно я не склонен к такого рода размышлениям, — писал полковник, — но тогдашние обстоятельства вряд ли можно назвать „обычными“. В какой-то момент я отчетливо представил себе весь род человеческий, со всеми его музеями, Бетховенами, библиотеками, философами и демократическими институтами, болтающийся вместе со мной в пустоте. В каком-то смысле это даже приободряло, ведь полковник Старр, офицер американской армии, запросто мог упасть и сломать себе шею, но эта возможность казалась гораздо менее вероятной

в том случае, если упомянутая шея принадлежала всему человечеству. Моя шея внезапно сделалась самой важной вещью с начала времен, и это придавало мне сил».

Они оставили Колека на тропе, примерно в километре к востоку от пещеры — он распластался под скалой. В свой «глаз» они видели шестерых албанских солдат с пулеметом, дежуривших под навесом в нескольких метрах от дороги. По плану Колек должен был сдать в плен в 5 часов 15 минут.

— А сейчас, полковник, — сказал ему Литтл, — внимание. Вас должно быть хорошо видно. В пять пятнадцать еще недостаточно светло. Идите прямо на них с поднятыми как можно выше руками, но не подходите слишком близко. Потом остановитесь, но руки не опускайте, а не то они подумают, что это ловушка. Не двигаясь с места, громко сообщите им, что вы американский диверсант и решили сдать.

— Не будем терять времени, майор, — сказал кападец. — Я знаю, что делать.

— Постарайтесь не подставиться под пулю, Пьер, — произнес Старр по-французски, — а не то мы встретимся уже там, наверху... в «Ритце»¹.

— Положитесь на меня.

— Rrright, gentlemen, — сказал Литтл. — В путь.

Снова Итон, Оксфорд, и «атака бригады легкой кавалерии»², подумал Старр, слушая голос обожаемого шефа. Полный порядок.

Ночь растаяла, когда они подходили к своему укрытию в пещере. По их сведениям, военный патруль наведывался в пещеру каждые два часа. Они потеряли двадцать минут на спуске, и теперь у них было

---

¹ «Ритц» — самая престижная гостиница Парижа.

² «Атака бригады легкой кавалерии» — стихотворение Альфед Теннисона, посвященное сражению под Балаклавой 25 октября 1854 г. (во время Крымской войны).

недостаточно времени, чтобы смонтировать ядерный щит до появления четырехчасового патруля: на эту работу требовалось сорок минут. Поэтому они решили переждать и улеглись на каменистое дно, полумертвые от усталости, с липкими от ледяного пота лбами. Загромодившие пещеру каменные глыбы, пожалуй, могли бы скрыть их от беглого взгляда, — но вряд ли помогли бы, если бы солдаты стали осматривать ее всерьез. Пристрелить незваного гостя не составляло труда, пистолеты у них были с глушителями, однако исчезнувший патруль немедленно примутся искать. Отставание от графика на спуске грозило обернуться катастрофой. Литтл оперся на локти и попытался заглянуть в глаза каждому из своих людей. Он наизусть знал их личные дела и послужные списки и воспринимал как данность их мастерство, хладнокровие и решимость. Этот взгляд был привычкой, отпечатком, который оставили годы, проведенные им в казарме, когда он, сержант королевской гвардии, только и делал, что начищал сапоги, портупеею и поплевывал на свои медные пуговицы, чтобы те лучше блестели... Если не считать признаков усталости и некоторой напряженности — здоровой, впрочем, и даже необходимой для операции, — ни один из его людей не выказывал нервозности. Становилось понятно, какая именно ответственность лежит тяжким грузом на их плечах: ответственность за собственное выживание; чем важнее задача, тем большее значение придает профессионал собственной шкуре и своей репутации — это всегда так и не иначе. Вот почему — и это было хорошим признаком — величие «дела» не наполняло их никаким волнением. «Настоящие мерзавцы», — с удовлетворением сказал себе Литтл: утешительная мысль в этот трудный час, так как она означала, что им не грозит потерять хладнокровие из-за обостренного чувства «богоданного характера» их миссии. Единственный

«чистый» среди них, юный албанец, поддался идеалистическому импульсу, весьма типичному для непрофессионала; ему захотелось «поднять народ», что, согласно арифметике Литтла, значило попросту, что у них стало одним человеком меньше.

Григорьев был занят тем, что разматывал и протягивал проводку, соединявшую его комбинезон с ядерным щитом, чтобы тот меньше сковывал движения. Литтл отметил про себя, что они похожи на боевых пловцов, готовящихся к погружению в суть дела. Лицо русского выражало лишь сосредоточенность, а его непослушные соломенные волосы падали из-под капюшона на лоб кудрявыми девичьими прядями. Литтл находил его лицо очень красивым и всякий раз задерживал на нем взгляд. Григорьев был такого роста, что даже сидя ему приходилось пригибаться, чтобы не задеть головой каменные выступы на потолке пещеры. Литтл вздохнул и решительно отвел глаза. Комаров тем временем проверял пару гранат, висевших у него на поясе: принимая во внимание взрывную силу ядерного щита, гранаты, в случае чего, придется метать на приличное расстояние. На тренировках Комаров бросал их за отметку в восемьдесят метров. Гранаты были только у него. Станко расстегнул комбинезон и внимательно исследовал интимные части своего тела.

— Не стоит винить в этом подружку, — заметил ему Комаров по-русски, — ты мог подхватить их в автобусе или в кинотеатре.

Черногорец расхохотался, и его орлиный нос, нависавший над черными усами, почти коснулся верхней губы, зубы заблестели в полумраке. Он извлек из трусов пригоршню помятых сигарет и коробок спичек: в комбинезонах не было карманов.

Поляк сидел, прислонившись спиной к скале. Литтл тогда не обратил на это особого внимания, но впоследствии, уцелев несмотря на полученные ра-

ны, он с необыкновенной остротой вспоминал странную улыбку, игравшую на губах капитана Мнишека.

В проеме теперь было видно небо. Старр заметил полоску горной реки, белевшую в утреннем тумане над краснокирпичным прямоугольником больницы на другом склоне долины. А еще ему бросились в глаза следы цивилизации в пещере: разбитые бутылки, старая одежда и засохшие экскременты.

Они услышали приближающиеся голоса, после чего на фоне светлеющего неба возникли трое албанских солдат. Даже не заглянув внутрь, они пошли дальше. Литтл уже снимал глушитель со своего «Спата», как вдруг один из солдат появился снова. Майор рассчитывал пристрелить албанца, когда тот подойдет поближе, чтобы двое других, отправившись за ним, были вынуждены углубиться в пещеру. Солдат, державший в руках автомат Калашникова, сделал несколько шагов в их сторону, остановился, пригнулся и огляделся. Литтл прицелился ему между глаз. Солдат положил оружие на землю, расстегнул портупею, стянул штаны и уселся на корточки, тихонько насвистывая. На все про все у него ушла ровно минута. Затем он удалился.

— Пожалуй, это самая чудесная куча, которую парень наложил в своей жизни, — заметил Старр.

XXVIII

В 22.50 русские решили посоветоваться между собой и временно отключили внешнюю связь; президент воспользовался этим, чтобы отлучиться в туалет. Он отсутствовал считанные минуты, а когда вернулся, то решил было, что цепная реакция уже добралась до Советского Союза и что его вожди дезинтегрируются прямо у него на глазах.

— Господин президент...

Слов Ушакова было почти не разобрать, и переводчику пришлось дважды просить прибавить звук.

— Только что мы получили новую информацию. Глава албанского государства отдал приказ начать операцию сегодня в шесть утра, то есть на десять дней раньше назначенной даты. Думаю, это было сделано в ответ на наше предупреждение. По-видимому, они хотят предотвратить вмешательство с нашей стороны.

Президент взглянул на висевшие на стене циферблаты, показывавшие время всех часовых поясов. 22.55 в Вашингтоне, 5.55 в Москве, 10.55 в Пекине...

— Сколько сейчас?

Все смотрели на него, не понимая.

— Сколько сейчас в... — Он не мог вспомнить название этой чертовой страны. — Время «борова»?! — взвизгнул он.

— Четыре пятьдесят пять утра, сэр, — ответил генерал Хэллок.

— Когда диверсионная группа будет на месте?

— Господин президент, — закричал Ушаков, — мы не можем пойти на такой риск.

— Когда мы имели в запасе десять дней, мы могли рисковать, но теперь, если они провалятся...

Президент почувствовал, что с его плеч спало тяжелое бремя: *у него больше не было выбора.*

— Поднимайте бомбардировщики, — сказал он.

Генерал Хэллок смотрел на русских.

— В чем дело, генерал? — выкрикнул президент. — Вы, может, ждете приказа русских?

— Действуйте, генерал, действуйте! — проревел маршал Храпов. — Я уже отдал приказы!

Румяное лицо генерала стало пепельно-серым. Он набрал на пульте код. Голову ему сверлила одна-единственная мысль: у президента Соединенных Штатов создалось впечатление, что он ждал приказа коммунистов.

— Отзовите диверсионную группу.

— Невозможно, господин президент. Они на месте и уже приступили к выполнению задания.

Президент внезапно побледнел.

— Они погибнут под нашими же бомбами.

— Они профессионалы, сэр.

Президент снова бросил взгляд на седьмой экран. Никогда в жизни он не видел более пустого экрана.

4.40

Закончен монтаж ядерного щита. Литтл с удовлетворением наблюдал за своими людьми. Ни следа нервозности. Он, скорее всего, командовал диверсионной группой в последний раз и был горд, что под его началом профессионалы такого уровня.

4.55

Литтл не отрывал глаз от циферблата своих часов.

5.10

Колек должен был сдать албанцам в 5.15. Еще пять минут. Старр поймал себя на том, что ждет, когда раздастся выстрел или пулеметная очередь. Если канадца убьют, то «боров», по плану, будет уничтожен взрывом щита. Бомба была похожа на огромную, перевернутую изумрудную черепаху, соединявшуюся лапами с их электронными комбинезонами; попадание пули в кого-либо из них или в «фартук» самой бомбы немедленно вызовет взрыв мощностью в двадцать мегатонн. Согласно расчетам, радиус зоны полного разрушения должен был составить сорок километров. Взрыв объяснили бы аварией, вызванной сверхмощностью «борова», — так уже сделали несколькими годами раньше в китайском Цинхае.

— Вот солидарность так солидарность. Не находите, майор? — заметил Старр. — Нам достанется, но и им тоже достанется. Надеюсь, негодяи, вас ждет долгая счастливая жизнь!

5.14

Колек с поднятыми руками шел к пулеметному гнезду, чувствуя легкое напряжение в затылке. Затем он остановился, продолжая всем своим видом показывать, что сдается. Ему пришлось ждать несколько секунд, и он уже подумывал, не стоит ли рискнуть и сделать еще шаг-другой, чтобы его заметили, как увидел направленный на него ствол пулемета. Орел или решка, подумал он, — и если бы это была его последняя мысль, потомки сказали бы, что она недостойна такого рода повествования. Вместо очереди в живот раздался крик, затем еще один, и он прошептал, ощутив капли холодного пота на лбу: «Спасибо, господа». Когда солдаты с оружием наизготове окружили его, он представился с помощью заученной албанской фразы как «американский диверсант, желающий сдаться». Его скрутили, и в считанные минуты он очутился на командном пункте — в деревянном бараке, который, должно быть, уже использовали в том же качестве в какой-нибудь балканской войне сотню лет назад. Он сделал заявление на английском — со спокойствием тем более неподдельным, что к нему примешивалось облегчение, — и это сразу же произвело ошеломляющий эффект. Пункт быстро заполнился людьми, самоуверенными и неразговорчивыми; их пронзительные глаза изучали Колека со смесью ненависти и любопытства. У всех этих революционных «маршалов» был несколько наполеоновский вид, что отчасти объяснялось их широкими серыми военными плащами и их молодостью.

Едва он ответил на первые вопросы, как дверь отворилась, и все расступились, давая проход самому Имиру Джуме.

Воздействие личности диктатора проявилось странным образом — как если бы оно сократило, по крайней мере, вполовину число присутствовавших. Трудно было противостоять внутренней силе, исходившей от этого последнего коммунистического вождя, всецело верного учению Сталина. Это, наверное, аура, подумал Колек. Он не сомневался в том, что дух этого человека даст энергии в сто раз больше, чем дух заурядного представителя рода человеческого.

Маршал молча выслушал его. Одевался он явно в спешке: на нем была белая рубашка с расстегнутым воротом, серые армейские брюки и брошенный на плечи военный плащ. По обе стороны от него стояли генерал Чен Ли в албанской военной форме, руководивший группой китайских инженеров, и генерал Кочук, племянник и будущий преемник Имира Джумы, — молодой человек, чертами лица напоминавший Чингисхана, причем такое сравнение было бы скорее комплиментом.

Канадец указал им на карте местонахождение пещеры с таким хладнокровием, словно выступал с лекцией в Высшей военной школе. Имир Джума слушал с непроницаемым, невозмутимым видом. Он был повелителем и собственных эмоций и окружавших его людей. Все в нем было чистой волей к власти. Такие не ездят на «фольксвагенах».

— У нас с собой портативная атомная бомба в двадцать мегатонн. Под ее защитой мы дойдем до цели, которую намереваемся нейтрализовать. Так что я рекомендовал бы вам отдать военным приказ, чтобы они не падали в этом секторе. Всем военным. Бомба соединена с нашими электронными комбинезонами. Пуля, даже простая царапина, вызовет взрыв, и ни от нас,

ни от вас, господа, ничего не останется; в этом секторе будет разрушено все — установки, хранилища, да и вообще вы лишитесь приличной части страны.

— Говорите по-французски, — оборвал его Джума. — Я гораздо лучше знаю французский, чем английский. Продолжайте.

— Уверен, что если вы посмотрите на эту ситуацию как военный, то признаете, что вы не можете помешать нам выполнить нашу задачу. Поэтому я предлагаю вам отдать соответствующий приказ немедленно. Я также должен попросить всех присутствующих здесь генералов и самого маршала сопроводить меня до пещеры и лично проследить за тем, чтобы за время операции не было сделано ни одного выстрела. Выступить предлагаю немедленно. Сейчас пять сорок пять, а если я не вернусь к своим в шесть ноль пять, они произведут взрыв. Эти люди — профессионалы, и можете не сомневаться: ровно в шесть ноль пять все взлетит на воздух — они сами тоже, разумеется. Сейчас пять сорок шесть.

5.46

Старр раздумывал о том, что подорвать себя бомбой в двадцать мегатонн — это что-то в духе «сумерек богов», и такой старый вояка, как он, должен радоваться возможности умереть именно так. Но оставалось еще девятнадцать минут, и каждая выигранная секунда работала на них. Не было слышно ни выстрелов, ни пулеметных очередей, и более чем вероятным казалось то, что Колек сейчас в безопасности, в руках высшего албанского командования. У Старра не было предчувствия смерти. На кону была не его собственная жизнь, а жизнь трех миллиардов людей. Приятно ощущать, что ты не одинок.

— Можно сказать вам одну вещь, майор?

Это был поляк. Он стоял в нескольких метрах слева от Литтла и улыбался.

«Он улыбался. Краешками губ: улыбка превосходства, одновременно хитрая и фанатичная. Думаю, спасло нас то, что я все время ожидал от него чего-то подобного. В такой команде, как эта, должен был найтись один психопат. Правда, его бы я как раз заподозрил в последнюю очередь — чертовски набожный, а значит, преданный... ну этому, как его, делу спасения души. Честно признаться, если я от кого и ждал срыва, так это от янки». Так, должно быть, говорил Литтл генералу Макгрегору, британскому военному атташе в Белграде, через пару дней.

— Господа, я должен объясниться.

— Это может подождать, — спокойно возразил Литтл.

Поляк повысил голос, и все взгляды устремились на него.

— Один из вас спросил, как я, с моими-то религиозными убеждениями, мог работать на коммунистов, да еще и завоевать их доверие... Я ему ответил: Запад предал не только Польшу, но и все христианство, и единственной адекватной карой для него может быть только уничтожение...

Мнишек целился в электронный «фартук», окружавший бомбу, и не промазал. Секунду спустя он уже лежал мертвый, а Литтл убирал в кобуру свой пистолет.

Все, кроме англичанина, ошалев, в гробовой тишине уставились на щит. Наконец Старру удалось выдать из себя слово:

— Как?..

Он махнул рукой в сторону бомбы.

— Она не взорвалась, — тихо сказал Григорьев. — Она неисправна.

— Очень даже исправна, — успокоил его Литтл. — Просто в ней двойной предохранитель. И я его заблокировал.

— Почему было не сказать нам этого сразу, ну ты и... — пробормотал СтARR.

— Ну вот, я вам сейчас и говорю, — как будто смущенно произнес Литтл. — Я всегда оставляю запас надежности, когда работаю с... гм... бррр... апчхи!.. с иностранцами.

5.55

Литтл холодно всматривался в лица своих людей.

— Никто больше не желает устроить истерику? — осведомился он.

6.00

Над горами вставало солнце, его первые лучи осветили нутро пещеры.

6.05

Литтл склонился над щитом и выдернул предохранитель. Он поднял свой «спат», целясь в бомбу.

— Ну что ж, взлетаем, — сказал он. — Удачи там, наверху!

Послышался грохот грузовиков на дороге, скрип тормозов и голоса офицеров.

Литтл взглянул на часы.

— Ладно, не взлетаем. Похоже, все идет как надо. Вперед, господа. Взяли черепаху, черт возьми!

Они подхватили щит, водрузили его себе на плечи и вышли на свет.

6.05

Цифры бежали на экране радара, висевшего над картой Албании; объект «боров» был обведен на ней красным пунктиром.

Русские переговаривались между собой. Президент не мог их слышать: они отключили внешнюю связь — это его раздражало, хотя он и сам отключал ее всякий раз, когда хотел переговорить со своими так, чтобы этого не слышали русские.

— Сколько времени понадобится нашим самолетам, чтобы долететь из точки, где они сейчас находятся?

Хэллок бросил взгляд на экран радара.

— Еще шестнадцать минут. У нас хороший запас надежности.

— Запас надежности, — повторил президент.

У него не оказалось носового платка, и он чуть было не попросил его у Хэнка Эдвардса, но вовремя одернул себя. Он не собирается утирать холодный пот на глазах у русских.

— Как там зовут нашего диверсанта?

— Старр. Полковник Огден Старр.

— А эту... молодую женщину, которая снабжает нас информацией?

— Мэй Дэвон.

— Вы представите их обоих к почетной медали Конгресса посмертно.

Внезапно пустой экран ожил. На нем замелькали вспышки, возникли световые точки.

Президент поспешно выпрямился в ожидании. Он не знал, чего именно ждет, но он никогда еще ничего не ждал с такой надеждой и так истово — даже подсчета голосов во время избирательной кампании.

На экране появилось лицо духовного лидера христианского мира.

Часом раньше президент сам дал согласие на эту беседу, но затем, под грузом ответственности, совершенно забыл о своей договоренности.

Теперь же он пристально всматривался в экран, пытаясь припомнить, в каких выражениях следует обращаться к понтифику.

Он уже был готов произнести приветствие, как вдруг папа исчез. Высокая белая фигура почти тут же возникла снова, но то ли связь была неустойчивой, то ли самому папе было нелегко с ним заговорить — как бы там ни было, понтифик продолжал появляться и исчезать, а на экране пустота сменялась мерцанием. Воздев к небу руки, скрытые колышущимися рукавами сутаны, он трепыхался, как крупная птица, угодившая в сеть.

— Господин президент, умоляю вас связаться с албанским правительством...

— Ваша Ясность... — начал президент.

Что-то подсказывало ему, что к этому духовному лицу следовало обращаться иначе, но как есть, так есть — момент был неподходящий для того, чтобы справляться у протокольной службы.

— Ваша Ясность, мы уже пытались разубедить албанцев. Но никакого результата. Это не люди, а гады, притом взбесившиеся гады. Русские предупреждали их об угрозе цепной реакции. Они ничего не хотят

знать. Они ответили, что это попытка запугивания с нашей стороны, и потому решили ускорить ход событий и начать испытания на десять дней раньше: взрыв может произойти с минуты на минуту...

— Господин президент, я умоляю вас остановить этот ужас...

— Именно этим мы сейчас и занимаемся...

Он чуть было не сказал «господин папа», но вовремя сдержался.

— Через несколько минут мы сбросим бомбы на этот, как вы выразились, ужас. Мы избавим от него мир. Мы просто обязаны это сделать, если не хотим быть низведены до состояния бабуинов. Я прекрасно сознаю, что на карту поставлено бессмертие нашей души. Вот почему мы собираемся стереть эту штуку с лица земли...

На него были устремлены горящие глаза, в которых сконцентрировались тысячелетия людских страданий. А он похож на еврея, внезапно подумал президент.

— Я в курсе, что все это наделает шуму, Ваша Честь. Но у нас нет выбора. Мы уже составили коммюнике и согласовали его с русскими. В нем открыто признается вторжение в Албанию. Его цель — положить конец распространению термоядерного оружия. Мы попросили о внеочередном созыве Генеральной Ассамблеи ООН, мы возьмем на себя историческую ответственность перед всеми народами мира. *В душе и по совести* мы убеждены, что действуем в священных интересах человечества. Неплохо сказано, по-моему. У нас были кое-какие трудности с переводом выражения «в душе и по совести»: его, кажется, не существует в русском языке. Но могу заверить Вашу Ясность, что от «борова» и следа не останется... Гм... Это кодовое название цели. Она будет стерта в порошок через несколько минут.

Понтифик воздел руки к небу:

— Господин президент, я умоляю вас проявить веру в Бога и в Его милосердие — немедленно отзовите самолеты и попросите сделать то же самое русских...

После этого президент сказал что-то не то. Вовсе не то, что хотел сказать. А именно — что у него просто нет права уходить от ответственности.

— Я не могу делегировать свои полномочия и доверить кому-либо судьбу американского народа, потому что я — президент этой страны, и я не имею права отдавать ее судьбу в чужие руки.

Понтифик плакал. Президент ясно видел слезы, которые лились на другом конце света. И тут до него дошло: в сущности, он только что сказал, что не собирается отдавать судьбу американского народа в руки Божьи. Он открыл было рот, который в такие моменты называл своей «миссурийской глоткой», дабы растолковать, что он ни в коем случае не имел в виду ничего подобного, но в этот миг папа снова начал вибрировать, мерцать, заволакиваться дымкой, а затем и вовсе пропал с экрана.

— Почините мне этот агрегат! — заорал президент, злясь на самого себя.

И только тогда он понял, что с ним одновременно говорят генерал Хэллок, глава Пентагона Роден и профессор Скарбинский.

— Мы согласны с русскими...

Он не слышал, что сказали русские. Черт побери, дурацкая идея — допустить папу в Оперативный зал!

— Нужно немедленно отозвать бомбардировщики, — говорил Хэллок. Лицо его стало серо-зеленым — цвета полевой формы сухопутных войск.

— Русские уже отдали приказ, я тоже отдал, но нужно, чтобы вы его подтвердили...

— Что? Отозвать... Об этом не может быть и речи. Зачем?

— Но, господин президент, ведь вы же слышали...

Застыв, они не сводили глаз с цифр на экране радара.

Голос Ушакова был резким, как будто сорванным. Следом за ним зазвучал дрожащий голос переводчика:

— Господин президент, мы получили новые данные об объекте... Дело в том, что компьютер... *Цепная реакция начнется автоматически, если любая атомная бомба взорвется в какой угодно точке земного шара...*

Президент застыл перед пустым экраном.

— Настройте мне этот проклятый аппарат! — повторил он гневно.

И спохватился. На него смотрят, он не должен терять голову. Ведь это голова американского народа.

Лицо маршала Храпова едва не вылезло с экрана.

— Я отозвал наши самолеты... Теперь ваша очередь, господин президент!

— Шесть минут, — напомнил Хэллок. — Подтвердите приказ об отзыве, господин президент...

Скарбинскому с трудом удавалось склеить осколки своего голоса.

— Господин президент, атомный взрыв в *какой угодно точке земного шара* мгновенно вызовет цепную дезинтеграцию... Дело в том, что компьютер...

— Я не хочу больше слышать о компьютере! — закричал президент. — Ясно? В следующий раз его в президенты и избирайте!

— Пять минут, — спокойно сказал генерал Хэллок. — Они появились на албанских радарх.

— Именно об этом Матье и говорил с самого начала, — пробормотал Скарбинский. — Речь Эйнштейна в сорок четвертом году... О... о духовном распаде... «Принстонская метафора»...

— Ладно вам, — сказал президент и замолчал.

— Необходимо срочно отозвать самолеты! — орал Храпов.

— А если наша диверсионная группа провалит операцию, господин... господин...

Он вспоминал его фамилию.

— Храпов! Маршал Храпов! — заорал русский.

— Очень приятно. А если наша диверсионная группа провалит операцию, господин Храпов? Что произойдет, если они провалятся? Албанцы включат своего «борова», и эффект будет такой же, как и от нашей бомбардировки. Ведь так?

— Господин президент! ГОСПОДИН ПРЕЗИДЕНТ!

— Подождите минутку, пожалуйста. Есть еще кое-что. Кое-что, о чем вы, похоже, забыли. Наши люди несут на себе атомную бомбу в двадцать мегатонн. Как защиту. Под прикрытием этого «щита» они и работают. Если какой-нибудь албанский рядовой откроет по ним огонь, произойдет ядерный взрыв и... — Он бросил на собеседников хитроватый взгляд. — Иными словами, господа стратеги, любой придурочный албанский рядовой может низвести нас до состояния отбросов... если этого еще не произошло.

— Три минуты тридцать секунд, — объявил Хэллок.

Президент улыбался.

— Для военного планирования это и впрямь идеально, — сказал он. — Грандиозно. Лучше и не сделаешь — и понятно почему. Ваши компьютеры нужно одеть в военную форму.

— Они пересекают албанскую границу, — сказал Хэллок.

— Восемь человек, — сказал президент. — Восемь авантюристов, у которых нет ни стыда, ни совести. Профессиональные убийцы. И всё в их руках. Нет, даже не в их руках. А в руках того жалкого албан-

ского рядового. Мы построили самую мощную военную машину, какую когда-либо знал мир, и вот к чему пришли. Снаряжения на сто двадцать миллиардов... И один-единственный албанский солдат со своей винтовкой...

Он направился к своему пульту и открыл его.

— Игра случая, — произнес он. — Орел или решка. Удачи тебе, Америка! — И набрал код отзыва.

Потом опустился на стул и посмотрел на военных. Русских, американских. Моих, твоих, наших, их. Чертовы наполеонишки. И эти ученые с их долбаной гениальностью. Не гениальности миру не хватает, а пределов гениальности.

«Боров» существовал не снаружи. Он был внутри. В сердцах и в голове.

Эта истина была вписана в самую концепцию ядерного вооружения и приумножения его запасов, которые за девять минут могут уничтожить человеческий дух всюду, где он обитает.

Президент закрыл глаза и опустил голову.

Научный гений предвещал конец демократии, потому что контролировать гения мог только гений. А это означает, что народы находятся во власти элиты.

У него в памяти всплыли лица внуков.

Обнадеживающий симптом. Полная дегуманизация еще не произошла.

— Бомбардировщики возвращаются, сэр, — объявил генерал Хэллок.

На седьмом экране полыхнула яркая вспышка, и появился понтифик — на коленях, со склоненной головой, с молитвенно сложенными руками.

Президент удовлетворенно посмотрел на экран: они все-таки починили этот агрегат.

Винтовка в руках какого-нибудь чертова албанского рядового, подумал он.

Подошел к телефону и позвонил домой.

По счастливой случайности, трубку снял его семилетний внук.

И тогда советские вожди и все люди, находившиеся в этот час последней надежды в Оперативном зале, слышали, как президент Соединенных Штатов беседует с семилетним мальчишкой о проступке кота Скипа, стащившего на кухне кусок мяса.

Президент положил трубку.

Чертов кот, подумал он. Вечно залезает на шторы или на шкаф и оттуда, с высоты, изливает на людей свое презрение. Но, по крайней мере, одно несомненно: коты не такие уж дураки.

6.10

Они вышли на свет божий, сгибаясь под тяжестью щита; солдаты стояли по обе стороны дороги, образуя живую изгородь.

«Мы, наверное, были похожи на шестерых водолазов, несущих на своих спинах темно-зеленую торпеду. Было страшно тяжело», — писал Старр в своем отчете. В машине с открытым верхом, рядом с водителем, они увидели Колека, а позади него двух албанских генералов. Стоявший на бронетранспортере генерал Кочук в мегафон отдавал приказы, а сзади, в черном «мерседесе», сидели маршал Джума, начальник службы безопасности Ринек и командующий китайскими военными специалистами генерал Чен Ли. В лимузине, сопровождавшем автомобиль диктатора, они увидели политических лидеров страны, чьи физиономии заучили во время тренировок: министр промышленности Карз и министр обороны Батк. По обе стороны от машины Колека стояла дюжина албанских офицеров с автоматами, направленными в сторону своих же солдат. Военная премьера, подумал Старр. Впервые диверсионная операция проводится под защитой самого противника.

Галлюцинации начались, как только они оказались на дороге, ведущей к «бору».

Сначала они обнаружили, что вся дорога усеяна мертвыми птицами и насекомыми. «Я видел, как птицы падают, словно подбитые, на лету, — писал Литтл в своем отчете, — а на земле разлагались миллионы бабочек, насекомых и прочих тварей. Ноги утопали во всем этом по щиколотку. Настоящий экологический бред. Поразительно реалистично, задействованы все органы чувств — зрение, обоняние, слух, даже осязание. Невозможно было усомниться в происходящем, отнести его на счет того пресловутого побочного воздействия, о котором нас предупреждали. Мне было хорошо известно о психических расстройствах, вызываемых отходами передового топлива, но разве можно было не верить тому, что видели мои собственные глаза? Растения вокруг нас уже погибли или еще агонизировали, деревья стояли голые — ни листочка, и между тем — не моему скудному уму было понять это поразительное противоречие, — новые цветы прорезались сквозь камни и асфальт у нас под ногами с какой-то неодолимостью, какой-то неудержимой силой, и каждый из нас испытывал странную радость, эйфорическое опьянение и чувствовал себя чуть ли не бессмертным, как если бы не было ничего невозможного и не было пределов тому, что может совершить человек».

Впереди шел Литтл, справа и слева от него — американец и Григорьев. Литтл услышал, как Старр рассмеялся.

— В чем дело? Что случилось?

— Воняет, — сказал майор. — Чувствуете?

— Это мертвые птицы и насекомые.

— Нет, сэр. Это он воняет, говорю вам.

— Так он же «боров», — воскликнул Литтл. — Что ж тут странного?

— Это то, что внутри, сэр. Сам дух. Он ужасно воняет.

Литтл рассвирепел — его, похоже, оскорбили в лучших чувствах. Его оксфордский английский на этом закончился.

— **Вовсе нет, сэри!** — рыкнул он. — **И даже если так оно и есть, то это исключительно из-за того, как с ним обошлись!**

— **Он же сам и обошелся!** — заметил ему Старр.

— **Нет, политика так с ним обошлась, сэри!** — выкрикнул Литтл. — **Захват, концентрация, гнет, давление, утилизация, эксплуатация — кучка негодяев! Психологическая обработка, лишение воли, подавление и все такое! Чтобы выжить, духу приходится прокладывать себе дорогу сквозь всякое историческое, идеологическое, научное, техническое, экономическое дерьмо, и из всего этого дух выходит опозоренным, униженным, оскверненным, отравленным, сломленным, пресмыкающимся, падшим... да, именно так, сэри... падшим!**

— **Во всяком случае, пахнет от него не розами!**

— **Заткнитесь!** — рявкнул Литтл. — **Это приказ!**

Они продолжали путь, сгибаясь под тяжестью своей ноши.

— **Вы не находите, майор, — спросил Старр, который внезапно почувствовал непреодолимый подъем духа: он ощущал себя с головы до пят живой аллегорией, легендой, мифом, героем будущих саг, — вы не находите, майор, что с этой атомной бомбой, тяжким грузом лежащей на наших плечах, мы восхитительным образом воплощаем собой человечество в целом, которое пошатывается под тем же бременем, но тем не менее мужественно продвигается навстречу будущему?**

Литтл возмущенно засопел.

— **Возьмите себя в руки, полковник!** — приказал он. — **Я конечно же знаю, что все мы жертвы этого дьявольского загрязнения, но такого рода речи недостойны профессионального солдата.**

— Да он стелется по земле, — вдруг объявил Комаров, с отвращением глядя себе под ноги. — Надо же, как низко он пал. Никогда бы не подумал, что эта штука может так низко пасть...

— Разговорчики! — гаркнул Литтл. — Пока я ваш командир, я не позволю вам кощунствовать! Дух не ползает — он летает, и даже очень высоко, сэр! Вместе с орлами — он летает там, в вышине! А то, что стелется сейчас по земле, по этой долине, это *отходы!* *Отходы*, сэр! Побочные продукты переработки, сэр! Настоящая штукovina, сэр, там, высоко, над вершинами! С орлами!

— Возьмите себя в руки, майор! — в свою очередь насмешливо посоветовал ему СтARR. — Такого рода речи...

— Извините, сэр! — произнес Литтл с почти смиренным видом. — Предательская штука! Она подлавливает то снизу, то сверху!

Настал черед Григорьева продемонстрировать признаки интоксикации.

На русского напал безумный хохот. Майор повернул голову в его сторону: его интересовало, не упадет ли русский, — без него «щит» стал бы практически неподъемным.

— Знаете, что мне это напоминает? — весело кричал Григорьев. — Эта черепаха, которую мы несем на своих плечах, и солдаты, которые смотрят на нас и не верят своим глазам? Это мне напоминает лучший момент в моей жизни, когда по Красной площади несли гроб Сталина!

— Музыка, — вступил в разговор профессор Каплан.

— *Что?* — взвизгнул Литтл.

— Я слышу музыку.

— У вас еврейская депрессия, — сообщил ему Литтл.

— Я отчетливо слышу музыку, майор. А вы нет? Это так прекрасно.

— Старина, возьмите себя в руки, — почти взмолился Литтл. — Вы будете очень нужны там, внутри!

— Что с вами, майор? — вмешался Старр. — У вас испуганный вид.

— Этот олух слышит пение ангелов, — пробормотал Литтл.

— Этого я не говорил, — поправил его профессор Каплан со спокойствием человека, придерживающегося фактов. — Я ничего не говорил о пении ангелов. Я просто сказал, что слышу музыку.

Дух пел.

Литтл тоже отчетливо слышал его. Тут не о чем было спорить. Пение доносилось со всех сторон.

— Чертовы транзисторы, — буркнул он.

— Бах, — объявил профессор Каплан.

— Оптический обман, — высокомерно заявил Литтл.

— Оптический? — удивился Старр.

— Вы прекрасно поняли, что я имею в виду, болван! — заорал Литтл. — Следствие жары. Скалы, которые поют...

— Баха?..

— Не знаю, что они там поют, и не хочу этого знать, сэр! Это обманный маневр, нужно быть осторожнее. Они хотят свести нас с ума!

В своем рапорте Литтл попытался расставить все по своим местам: «Вне всякого сомнения, долина была отравлена отходами передового топлива. Мы, вероятно, погрязли в них по уши. Это было то же воздействие, что уже наблюдалось вокруг плутониевых реакторов-размножителей: это объясняет ненормальную „экологическую“ реакцию населения этих районов».

— Не хочу вас расстраивать, майор, — заметил Старр, — но если вы поднимите глаза, то увидите, что

у нас над головой небо Микеланджело. И все святые на своих местах!

— Это называется попыткой подорвать моральный дух, полковник, — сказал Литтл. — Я не хочу больше слышать никаких пораженческих речей. Вы позорите свою страну и свой флаг. Я доложу об этом.

Пот струился под капюшонами, оставлявшими открытыми только глаза и уши.

И тут случилась еще более неприятная вещь.

Станко, который до этой минуты лучше остальных сопротивлялся побочному эффекту, без всякого предупреждения резко остановился.

— Кто этот крестьянин? — спросил он бесцветным голосом.

— Какой крестьянин? — с подозрением процедил сквозь зубы Литтл.

Он твердо решил не замечать ничего, даже Ее Величество королеву.

— Вон тот крестьянин, что несет крест, — запинаясь, сказал Станко.

И тогда Литтл совершил роковую ошибку. Он взглянул — и поперхнулся.

— Совершенно обыкновенный крестьянин! — заявил он с тем большей убежденностью, что на сей раз был уверен, что сходит с ума.

— А зачем он тащит на спине тяжеленный крест? — захотелось узнать Станко.

Босой, с терновым венцом на голове, Он шагал рядом с ними, сгибаясь под тяжестью огромного креста, один конец которого лежал у Него на плече, — похожим образом и они несли на своих плечах атомную бомбу. Окровавленная простыня едва скрывала Его наготу, и облик Его был настолько узнаваем, что Литтлу показалось, будто он встретил старого школьного товарища.

Майор взял себя в руки. Еще один культурный побочный эффект, видение, вызванное галлюциногенным

воздействием передового топлива. Их предупреждали. Музыка. Поэзия. Религия. Искусство. Музеи. Симфонии. Ну, в общем, фокусы. Но сейчас было не время влезать во все эти дебри.

— А что вас удивляет? — рявкнул он. — Старый албанский крестьянин тащит на работу свой крест.

— ЧТО? — заорал Старр.

— А зачем албанскому крестьянину нести на работу крест? — поинтересовался Станко.

— Ну, надо полагать, у них тут так принято, — процедил сквозь зубы Литтл. — Вероятно, им не хватает тракторов.

— У него на голове терновый венец, — заметил Станко.

— Какой венец? Нет там никакого венца, — заверил его Литтл. — Колючки, вот и все.

— Но зачем?

— Местный обычай, — взвизгнул англичанин.

— Майор, — спокойно произнес Старр, — он плачет.

— А я что могу поделаты! У него, видно, тоже неприятности.

— А крест? — настаивал Станко.

— Послушайте, старина, бомба и без того тяжелая. Я не могу еще и помогать какому-то албанскому крестьянину нести его крест.

Он выпрямился, глядя прямо перед собой. Старр никогда в жизни не видел, чтобы у человека был такой возмущенный и оскорбленный вид.

— Господа, я считаю, что инцидент исчерпан!

— *Инцидент?* — завопил Станко. — *Исчерпан?* Да вы понимаете, что вы говорите?

— Разговорчики! Здесь команду я! Инцидент исчерпан.

Но он не был исчерпан.

В течение почти всего перехода, пока они, пошатываясь под тяжестью щита, двигались в направлении «борова», «крестьянин» со своим увесистым крестом следовал за ними. И лишь когда их психика стала привыкать к его обществу, — а привыкание всегда сопровождается атрофией чувств, — лишь тогда его присутствие утратило видимость, и шесть профессионалов наконец оказались одни — они шли, придавленные к земле нечеловеческой тяжестью груза, между двумя шеренгами солдат, сжимавших свое оружие и бросавших на них кровожадные взгляды.

6.40

До «борова» оставалось несколько сотен метров, и Старр с удивлением отметил, что в нем не было никакого сходства с макетом, который они так долго изучали, хотя на макете были тщательно воспроизведены снимки со спутника. «Вы примете меня за сентиментальную размазню, — писал он, — но сама мысль, что этот мерзавец Матье придал дезинтеграционной установке, своему „Супер-Фениксу“, как он ее называл, вид Парфенона, наполняла меня яростью — и кроме профессиональных задач у меня возникали еще и личные. Я чувствовал себя лично оскорбленным, как будто мне плюнули в душу. Конечно, нужно учитывать крайнюю усталость, нервное напряжение и побочные эффекты, но сама мысль, что наша ядерная дегуманизация должна свершиться внутри „Супер-Феникса“, имеющего форму Парфенона, этой колыбели надежды и свободы, откуда вышла наша цивилизация, была циничной провокацией. Лишь когда я подошел ближе, мне мало-помалу открылся галлюцинаторный характер того, что, как мне казалось, я вижу. Это происходило постепенно, по мере того как „боров“ вновь обретал свою подлинную форму, не отличавшуюся от „Супер-Феникса“, к которому мы привыкли».

Стоя в машине, Колек — а он, надо сказать, досконально изучил модель объекта — поражался, как это он никогда прежде не осознавал, что Матье сделал из дезинтеграционной станции точную копию Шартрского собора. Профессор Далле в докладе французскому правительству сравнил психическое воздействие, производимое побочным эффектом передового топлива «Супер-Феникса», с мистическими видениями, вызываемыми мексиканскими галлюциногенными грибами.

Каждые сто метров стояли контрольные посты, и Колек с облегчением вздохнул, когда увидел, как диверсионная группа без помех проходит их один за другим: албанские офицеры бежали впереди, расчищая дорогу диверсантам. Сектор вокруг «борова», окруженный колючей проволокой, походил на фотографии нацистских лагерей смерти; некоторые аккумуляторы использовались как наблюдательные вышки; с деревянных помостов торчали стволы пулеметов. «Самое неприятное впечатление, — писал Старр в своем отчете, — оставляла сеть трубопроводов, по которым передовое топливо поступало из накопителей в камеру дезинтеграции. Эти изогнутые, мучительно перекрученные трубы покрывали всю долину; их вид производил гнетущее впечатление: в воображении возникала почти готическая картина пыток, которым подвергались мученики; именно так пытки изображались на картинах всех христианских художников».

Колек вышел из машины. Вряд ли это был самый подходящий момент для того, чтобы идти на поводу у собственного любопытства и пускаться в психологические изыскания, и все же он не смог удержаться и не взглянуть в лицо Имиру Джуме.

Он натолкнулся на абсолютную непроницаемость. Если не считать синеватых теней под глазами, с этого лица были раз и навсегда изгнаны все эмоции. Его

спокойствие, холодность, суровость — были ли они маской или нет — являлись приметам личности, достойной находиться во главе державы куда большей, нежели Албания. Если и существовал человек, который был вправе распоряжаться атомным оружием, то это, конечно, был он. Ладно, хватит, подумал Колек. Сейчас не самый подходящий момент просить у него автограф.

За все двадцать пять лет своей профессиональной деятельности Старр ни разу не чувствовал себя в такой полной безопасности. Офицеры и унтер-офицеры образовали вокруг них стену, сделались преградой для своих же солдат: с автоматами на изготовку, они были готовы стрелять при малейшем неповиновении.

Единственным албанцем, чье лицо выражало беспокойство, был генерал Кочук. Багровая кожа, налитые кровью глаза, следы пены в уголках губ — он источал ненависть всеми своими порами. Это действует успокаивающе, сказал себе Старр с молчаливой улыбкой: видно, что хотя бы в одном из этих парней еще осталось что-то человеческое.

Высоко в небе, над долиной, кружили три орла или, быть может, грифа — было трудно отличить одних от других.

7.05

Они стояли у входа в «борова», вокруг уложенного на землю атомного щита; электрические провода соединяли их с оружием, и вся конструкция наводила на мысль о каком-то чудовищном аппарате для переживания смерти. Их окружали две тысячи военных; высшее албанское командование казалось спаянным в неподвижности: плечи, эполеты, груди, медали, толстые шеи и невозмутимые, торжественные, строгие лица. Первомайский парад, подумал Старр, дожидаясь, пока Каплан освободится от проводов, после чего они оба вошли внутрь «борова». Согласно плану, «мозг» находился в конце туннеля с правой стороны. Впереди них шли китайские инженеры и два албанских офицера. Когда Старр очутился в туннеле, им овладела глубокая тоска, почти нестерпимое уныние; он выругался, разозлившись на самого себя, и попытался собраться с мыслями; их предупреждали о депрессивном воздействии отходов в месте дезинтеграции; он ожидал чего-то в этом роде, но не в такой степени; его охватила тревога, граничившая с отчаянием; ему пришлось полностью мобилизовать волю, чтобы вернуть себе самообладание. Он бросил взгляд на Каплана: тому тоже было паршиво; концентрация передового топлива вокруг них была ужасающей, она соответствовала

примерно полуторагодовой посмертной производительности албанского народа: сто пятнадцать тысяч духо-единиц, то есть в десять раз больше, чем выработка ГУЛАГа за пятьдесят лет. Считалось, что если не прививать иммунитет в детстве и не поддерживать в дальнейшем, то воздействие такой концентрации на психику непереносимо. Он слышал ровное глухое бие-ние топлива в каждой части системы.

В конце туннеля один из албанских офицеров открыл дверь.

Мэй сидела на табурете неподвижно и прямо. Она махнула рукой, не поворачивая головы.

— Hello, there!¹ — сказала она им.

Матье стоял перед мольбертом с кистью в руке, и Старру потребовалось несколько секунд, чтобы убедиться, что он не стал жертвой очередной галлюцинации.

Матье писал икону.

Это был образ Мэй — наивный, неумелый, но трогательный в своей нежной неуклюжести. Вокруг головы — нимб, а над нимбом надпись кириллицей: СВЯТАЯ МЭЙ АЛБАНСКАЯ.

— Профессор Матье... — начал Каплан.

Матье отступил на шаг и с удовлетворением посмотрел на свое произведение.

— Это лучшее, что я сотворил в своей жизни, — сказал он. — Святая Мэй Албанская, Спасительница всех нас!

— Профессор Матье! — сделал еще одну попытку Каплан.

— Вы знаете, эти проклятые нимбы чертовски трудно писать, — продолжал Матье. — Казалось бы, пустяк, но... Погодите... Думаю, нужно добавить немного золота, вот здесь... Один штрих...

---

¹ Приветик! (Англ.)

Она смотрела на него с такой любовью, что если бы любовь могла держать кисть, то получился бы шедевр, подумал Старр.

— Не шевелись, Мэй. Я должен придать нимбу еще немного блеска...

— Почему я не могу шевелиться? На мне нимба нет, так что какая разница, шевелюсь я или нет? А курить можно?

— Пока я работаю над твоим нимбом — нет. Постарайся мне немножко помочь.

— Профессор Матье! — взревел Каплан, выйдя из оцепенения. — Вы допустили ошибку!

Матье взглянул на молодого ученого, затем вновь обратил свой взгляд к иконе.

— Какую ошибку? Слишком много золота? Знаете ли, эта вещь должна распространять свет. А как бы вы стали писать нимб?

— Не могли бы вы хоть на несколько секунд перестать нас ненавидеть, профессор? — мягко спросил Старр. — Ладно, чего уж там, мы все жрем дерьмо. И вы уже не первый год по-всякому даете нам это понять. Но, оказывается, нельзя покончить с дерьмом, не покончив при этом и со всем остальным. Вы уничтожите не только дерьмо, но и красоту, профессор. Никаких больше икон. Никаких золотых нимбов. Никакой любви. В связи с этим довожу до вашего сведения, что мы связаны с гигантской кучей ядерного дерьма, и если какой-нибудь нервнобольной придурок нажмет на курок...

— Профессор Матье! — орал Каплан. — Вы допустили ошибку...

— Кто? Я? Нет. Никакой ошибки.

— Дезинтеграция духа повлечет за собой цепную реакцию!

На Матье это произвело впечатление.

— И вы проделали весь этот путь, чтобы процитировать мне слова Евангелия?

— Saint Mathieu¹, — сказала внезапно Мэй.

— ЧТО? — взорвался Каплан.

— Вы сейчас цитируете Евангелие от Матфея, — любезно пояснила ему Мэй.

Старру захотелось рассмеяться, но из горла вырвались лишь хриплые взвизги, и он умолк. Все они были одурманены этой концентрационной вселенной духа, сочившегося из каждого элемента системы, находились во власти галлюцинаций и мессианских настроений, против которых столько боролись в СССР, — это не вызывало сомнений. Однако нужно было выяснить, какую роль в этом играло передовое топливо, а какую — переработка, которой топливо подвергалось внутри каждой общественной модели — западной и «социалистической», внутри которой они сейчас находились.

— Вы совершили колоссальную ошибку, не достойную ученого вашего масштаба! — орал Каплан. — К счастью, мы вовремя вмешались! Иначе уже не осталось бы ничего из тех вещей, которые делают нас людьми.

У Матье был оскорбленный вид. Он бросил кисть.

— Послушайте, Каплан, а вы не могли бы перечислить хоть какие-нибудь вещи, «которые делают нас людьми»?

— Вот тут вы несправедливы, профессор, — дружелюбно вмешался Старр. — Вы же знаете: музеи, симфонии... В Лондоне за одну картину Мазаччо заплатили миллион долларов!

— Матье, я пришел сюда не для того, чтобы выслушивать ваши метафоры! — взвыл Каплан.

— Именно это я и имею в виду, — резко парировал Матье. — Если это всего лишь метафоры, самое время спросить себя, что в нас осталось человеческого...

---

¹ святой Матфей (фр.).

Вдруг они услышали вопль албанского офицера. Офицер показывал на дверь и захлебывался потоком слов.

Лицо Каплана приобрело землистый, трупный оттенок.

— Что он пытается нам сказать? — спросил Старр.

— Он говорит, чтобы мы поторапливались, — перевел Каплан. — Он не может гарантировать, что какой-нибудь неуравновешенный солдат...

Старр страшно удивился.

— Вы понимаете по-албански? С каких это пор?

— Мне не нужно понимать по-албански, чтобы...

Все операции по высвобождению духа были заранее расписаны по минутам — получалось двадцать пять минут. Но чего никто не мог рассчитать по минутам, так это на сколько еще хватит выдержки у солдат.

— Поторапливайтесь, господа, — сказал Старр. — Сообщите нам то, что считаете нужным, и покончим с этим. Там снаружи — бомба в двадцать мегатонн, которой может воспользоваться любой дурак.

Снаружи Литтл проверял по карте обратный маршрут. Если только не наткнуться на фанатика, который откажется подчиняться приказам, все должно пройти без осложнений. А сорок лет «образцового режима» сделали этот народ очень дисциплинированным. Литтл с удовлетворенным видом сложил карту. Можно говорить что угодно, но для успеха операции дисциплина важнее всего. Впервые с момента знакомства его люди видели, как он смеется.

У него возникла идея. Какая удача, что здесь оказался албанский диктатор. Приглаживая усы, Литтл с симпатией разглядывал маршала. Небольшая дополнительная страховка им совсем не помешает.

А в пятидесяти метрах от них стоял в «мерседесе» Колек. Он забрал автомат Калашникова у албанского офицера, и теперь чувствовал себя не столь одиноким. Сидевший сзади Имир Джума смотрел прямо перед собой. Полная безучастность. Лицо его выражало такую пустоту, что канадец ощутил, как у него по спине пробежали мурашки. Он очень рассчитывал на то, что не попадет живым в руки этого человека. Ему вспомнились изощренные пытки древней Турции. Вероятно, сказывалась усталость. Или культурный побочный эффект. Но когда Джума бросил несколько слов одному из офицеров, что стояли поблизости, Колек машинально направил автомат в грудь маршалу. Это было совершенно немотивированное движение — просто в присутствии этого грозного истукана у него возникла потребность как-то самоутвердиться.

Албанский офицер покачал головой.

— Мир, мир, — произнес он быстро по-английски.

Затем повторил приказ Джумы в мегафон, и солдаты сложили оружие.

Двое ученых вели беседу у классной доски. Эта дискуссия была запланированной, ее требовали и американцы, и русские. В сведениях, которыми располагали их научные специалисты, было довольно много пробелов.

— Вот! — кричал Каплан, подчеркивая мелом на доске формулу Ёсимото. — Это абсолютная данность, из нее я и исхожу! Согласен с тем, что касается направленного взрыва с неограниченным радиусом действия. Мы проверили — это восхитительная экстраполяция трудов Кастлера о лазере! Я первый признаю это и выражаю почтение вашему дару находить короткие пути, но напоминаю, что известная относительная дегуманизация, тщательно выверенная,

уже была между строк вписана в нашу нейтронную бомбу! Я не говорю, что ваш вклад в науку не заслуживает уважения, однако если бы Массачусетский технологический институт раньше получил в свое распоряжение необходимые средства, мы бы достигли тех же результатов! Но вы не сумели определить и измерить последствия распространения, Матье! Вы утратили контроль над происходящим! Вы оказались совершенно не способны предусмотреть и ограничить масштабы реакции! То, что вы здесь осуществили, не что иное, как чисто интеллектуальная забава, искусство для искусства, ибо, спрашиваю я вас, на что годится оружие, которое убивает как того, на кого оно нацелено, так и того, кто его применяет? Можете вы мне объяснить, с каких пор целью ядерной программы стало саморазрушение?

Он бросил мел и скрестил на груди руки с видом победителя. Волосы у него на голове топорщились под влиянием статического электричества, как витая проволока. Старр сказал себе, что у Каплана — если смотреть прежде всего на шевелюру — действительно есть что-то общее с Эйнштейном. «Послушав его, — написал он впоследствии, — я подумал, что единственная ошибка, допущенная Матье, заключалась в том, что он вбил себе в голову: чтобы нас дегуманизировать, требуется построить „борова“. Мы же прекрасно справлялись и без всякого „борова“ — тот был всего лишь механической игрушкой!»

Матье завладел мелом, и доска быстро покрылась формулами.

Хватило нескольких минут, чтобы позиция Каплана в корне изменилась. Сначала он следил за гонкой символов на доске, затем перевел взгляд на Матье. От его торжествующего вида не осталось и следа — он почти униженно и с безграничным восхищением взирал на своего коллегу.

— Я понял, — пробормотал он. — Это гениально. *Гениально. Итак, вы это сделали умышленно...*

Матье вытирал руки.

— Примерно девять лет назад Группа Эразма передала великим державам меморандум, в котором требовала уничтожения всех ядерных арсеналов и уведомила о том, что произойдет в противном случае. Никто нас не послушал. Тогда... *Мы дали им нечто, слишком мощное для мощи, слишком разрушительное для разрушения, слишком превосходное для превосходства...* Теперь всё в их руках...

Он разглядывал свои руки.

— Покончим с этим, — сказал Старр, — у нас нет в запасе вечности... я, по крайней мере, на это надеюсь!

Группа китайских инженеров в полном составе находилась в туннеле вместе с тремя албанскими офицерами, которым было поручено следить за их психическим состоянием. Автоматы здесь были лишними. Никто не сомневался, что диверсанты, не дрогнув, взорвут ядерный щит и весь сектор, включая и себя самих. Ну и замечательно, подумал Старр, поглядывая в коридор. У каждого члена их группы имелся при себе план-схема «борова», и каждый добрую сотню раз повторил все действия по высвобождению передового топлива. Но, увидев насмерть перепуганные лица китайцев, Старр понял, что может рассчитывать на их незамедлительное и услужливое содействие. Они великолепно с этим справятся. «Признаюсь, я испытывал довольно приятное чувство абсолютной власти», — написал он позже. Для большей верности, они попросили, чтобы Джума сам подтвердил приказ об освобождении духа. «Думаю, то, что происходило тогда в голове маршала, могло бы опустошить всю землю, не будь у него древнего инстинкта самосохранения, который, во-

обще-то говоря, уже устарел и пока что препятствует полному раскрытию потенциала современной науки». Когда он вернулся, ученые еще беседовали. Матье как раз расписывал на доске свою экстраполяцию.

Старр увидел Мэй. Она стояла у входа в туннель среди переплетения труб. Запутанный, извилистый лабиринт выглядел как разверстое чрево. Внутри системы ясно ощущалось тяжелое, мерное биение духа.

Старра мутило. Мэй положила руку на одну из труб.

— Вы будете спасены, — сказала она Бог знает кому или чему, и не было никакой гарантии, что это спасение осуществится, но если и оставался какой-то шанс, он заключался в этом полном любви взгляде.

— Иди сюда, святая Мэй Албанская, — сказал ей Старр. — You're going home, kid. Тебе, детка, пора домой.

7.40

Они ждали.

Ядерный щит покоился между ними на земле. Его провода были похожи на лапки мокрицы, а сам он — на гигантское доисторическое насекомое бутылочно-зеленого цвета, которое выползло из первобытных сумерек на свет, чтобы от него же погибнуть.

Тысячи солдат со сложенным у ног оружием окружили их кордоном ненависти.

Сидевший в машине Имир Джума был абсолютно недвижим и бесстрастен, он не удостаивал и взглядом поругателей албанского народного духа, внушавшего такой ужас своей неодолимой силой.

Они опять возьмутся за свое, думал Колек, не сводивший глаз с этого сурового истукана. Будем надеяться, что свободный мир выиграет достаточно времени, чтобы построить своего «борова». «Анти-борова». «Борова» сдерживания.

Он избегал смотреть на небо. Там, наверху, творилось нечто странное. Страшная суматоха. Приготовления к приему гостей. Это подсознание, подумал Колек. Галлюциногенные отходы вытаскивали из его подсознания вещи, о которых он узнал, наверное, в детском саду. К примеру, алфавит от А до Я — как будто кто-то там наверху стремился возвратить его к самым первым истинам, к простейшим понятиям человеческой мысли и совести. Колеку хотелось крикнуть им, что он не ученый и не интеллеktуал и весь их идеологический бардак от А до Я ему до лампочки.

Он нагнулся, и его вырвало.

От края до края Орлиной Долины все замерло. Всем был отдан приказ не двигаться с места. Вышедшие из домов жители и бригады рабочих застыли в тех позах, в которых их застал приказ, что делало их похожими на заживо погребенных жителей Помпеи. Литтл подумал, что эти люди напоминают фольклорные коллективы, позирующие перед объективом. Приходил на ум Советский Союз — там вот так же все застыло, и любое преобразование находится под запретом. Мысль эта была тенденциозной и реформистской, но он не нес за нее ответственность. Она была вызвана излучением духа.

— Извините меня, — сказал он Григорьеву, ведь русские как-никак были союзниками.

— За что? — удивился русский.

— Ни за что, — ответил Литтл, сердясь на самого себя, и русский, похоже, еще больше удивился.

Показались Матье и Мэй, они заняли свое место среди остальных. Он держал ее за руку. Мэй улыбалась ему с нежностью и безмятежностью, свидетельствующими о каком-то совершенном, врожденном, священном безразличии к тому, что могло им угрожать, и Старра при виде этого доверия, этой дурацкой и безграничной любви, охватила отчаянная зависть.

Невозможно было не проникнуться человеческой верой, столь наивной в своем спокойном отказе от всего, что так или иначе ей *противоречило*; а Старр прекрасно понимал, что если он снова уверует и освободится от своего панциря цинизма, ему никогда больше не знать покоя.

Он уже отвернулся от этой пары, чтобы укрепить свой моральный дух лицезрением «борова», когда услышал, как Матье произнес несколько слов.

Сначала он не поверил своим ушам, но пришлось смириться с очевидным. Матье — тут не было никаких сомнений — читал стихи.

Терпимей будьте, братья люди, к нам,
Что раньше вас прошли земным путем.
Коль явите вы жалость к мертвецам,
В свой срок и вам Господь воздаст добром.

Старр чуть было не съездил ему по морде: этому типу, похоже, мало того, что он чуть не устроил ядерную катастрофу, нет, ему еще нужно облечь все это в лирическую форму. Но он вовремя спохватился. Матье, как и все они, стал жертвой побочного эффекта.

С этим ничего нельзя было поделать, несмотря на то, что все они были напичканы средствами, понижающими чувствительность.

Даже Комаров вдруг принялся читать Пушкина.

— Нужно убираться отсюда, и поскорее, — сказал Старр майору.

Литтл был мертвенно-бледен. Старр струхнул: одному Богу известно, что может сейчас полезть из англичанина.

— Еще четыре минуты, — пробормотал Литтл. — Скажите, полковник... а вы не хотели бы послушать монолог Гамлета? To be or not to be, that...¹

---

¹ Быть или не быть, вот... (Англ.)

— Заткнитесь! — приказал ему СтARR. — Или я объявляю вас недееспособным и принимаю командование!

«Боров» стоял перед ними, тяжело опираясь на изогнутые лапы, подобно языческому храму, готовому переварить своих жрецов, человеческие жертвы и ароматические курения, — все, чем поклонявшиеся ему люди набили его до отказа. Даже думать не хотелось, сколько Нобелевских премий потребовалось для его создания.

Что-то есть в этом от Вавилона, подумал СтARR.

— Майор, — позвал он.

Но тут с довольным видом вернулся Каплан, который до этого отдавал распоряжения китайским специалистам, и сразу же пришвартовался к бомбе.

— Ну как? — буркнул Литтл.

— Кто сказал: «Да будет свет»?

— Э-э-э... этот... ну как его... Эйнштейн, — сказал Литтл.

— Ленин в семнадцатом году, — уверенно заявил Григорьев.

Литтл попытался улучшить свой результат.

— Эдисон! — сказал он. — Человек, который изобрел электрическую лампочку!

Они услышали звук, похожий на шум крыльев, и, не сговариваясь, задрали головы. Там ничего не было. Ни ангела, ни дьявола. Это был дух внутри «Борова». «Боров» вот-вот должен был лишиться своего передового топлива. Потребностям индустриального мира в энергии, экономическому росту, а также строительству социализма придется подождать.

— Черт, что же будет? — нервно заговорил Станко. — Когда эта штука начнет высвобождаться... нас не сметет?

— С этим полный порядок, — успокоил его Литтл. — Я же прочел вам лекцию на эту тему. Оно

удирает по вертикали. Это восходящая сила. Бояться тут нечего.

— А если что-нибудь произойдет? — не унимался Станко.

— Не может ничего произойти, — сказал ему Литтл раздраженно. — Тут всё по-научному.

— Я хочу сказать... выше? Там, высоко?

— Совсем-совсем высоко?

— Да... Ну, на приемном пункте... Я хочу сказать... эта штука теперь довольно гнусная. Грязная. В ней хорошенько насвинячили. Она не такая, какой была вначале. Ну, это как если бы им туда наверх подсунули подержанную машину в плохом состоянии вместо... Вам понятно?

— Понятно, — сказал Литтл, решив выказать терпимость перед лицом нового проявления психической неустойчивости. — Я не знаю, что они станут применять там наверху, если от этой штуки будет разить дерьмом. Полагаю — благодать, что-то в этом роде. У них наверняка там все оборудовано. Допускаю, что у них есть фильтры, дезинфицирующие средства, приспособления для переработки. Рекомендую не вмешиваться. Это не наше дело.

Предполагалось, что высвобождение такого количества духа вызовет особенно сильные побочные явления. Дискуссий на эту тему было достаточно. Каплан считал, что неизбежно возникнут какие-то художественные видения — у каждого свои. Наверняка сыграет роль индивидуальный культурный уровень. В его собственном случае это будет живопись Возрождения и, естественно, Шагал, а у русских и югославов — что-нибудь фольклорное. А может быть, они увидят лишь ослепительный свет, то есть необработанное состояние духа, ведь речь идет не о рафинированном, а о народном духе, в самом возвышенном смысле этого слова, или же они увидят простые яркие краски, какие встре-

чаются на крестьянских праздниках, поскольку высвобождение духа, по сути, такой же праздник. Что касается Старра, то он ожидал увидеть скорее облака в форме грибов, так как из-за страданий и гнета, которые эта штука вынесла и вызвала, она не могла не озлобиться.

Так что они пребывали в состоянии тревожного ожидания. Но когда само солнце, будто ослепленное человеческим светом, поднимавшимся от земли, исчезло в сиянии, ничем ему не уступавшем, Старр в какой-то момент поверил — в первый и, вероятно, в последний раз, — что существует то, о чем не может поведать никакое знание, никакая астрономическая карта, никакая космогония.

Они обезумели. Никто из них впоследствии не смог сказать, что именно он видел: эмоциональный побочный эффект был столь сильным, что они утратили всякое чувство реальности, — а это всегда первый шаг к истине. Дух поднимался с такой скоростью, что не оставлял позади себя никаких следов бессмертия, и это возвращало секундам и мгновеньям всю их эфемерную длительность. Старр был первым, к кому вернулось сознание, или, вернее, первым — как он, наверное, говорил себе позже, — кто потерял зрение, то есть чьи зрительные способности снова обрели естественные границы. Этому возвращению к привычной реальности способствовал вид Комарова, поднявшего кулак, — старое приветствие Народного фронта. Он так никогда и не узнал, был ли тот жест убежденно-марксиста попыткой самозащиты или, напротив, данью уважения тому, что он, возможно, принял за зарю социализма.

На Литтла происходящее повлияло меньше, чем на других. Все его поведение говорило о том, что реагировать на подобные вещи недостойно уважающего себя англичанина. Впоследствии он не принимал никакого

участия в дискуссиях на эту тему, строго держась в стороне от всего, что могло иметь отношение к «попытке деморализации» — это было его единственной ремаркой по этому вопросу. Когда Старр спросил у него, что он видел и чувствовал, Литтл с видом глубокого неодобрения почесал усы, но, отступая перед возмущенной настойчивостью остальных, в конце концов процедил сквозь зубы единственную фразу, надменный тон которой вызвал всеобщую оторопь:

— Если я правильно понимаю, у этого Матье есть талант к живописи.

Лицо Имира Джумы было пепельно-серым; он, наверное, говорил себе, что еще долгое время партия не сможет доверять войскам, которые присутствовали при освобождении народного духа, и, скорее всего, их придется до конца дней перевоспитывать.

Сферическая голова «борова» была теперь черной, как уголь. Дух покинул ее, и внутри установки не было больше ничего, кроме человеческого гения.

Они довольно непочтительно затащили неподвижного, как статуя, Имира Джуму в свой грузовик. Это была идея Литтла. Их оперативный план этого не предусматривал, но майор считал, что ему как командиру должна быть предоставлена полная тактическая свобода. Присутствие главы албанского государства защищало их лучше, чем ядерный «щит»: в горах, особенно вблизи югославской границы, и в тамошних деревьях атомной бомбой уже никого не напугаешь. Гранитный монумент — именно такое впечатление последний из великих сталинистов производил на Старра, впервые увидевшего его с близкого расстояния. Он не понимал, свидетельствует ли его облик о чувстве собственного достоинства и силе характера или же о последствиях сорока лет абсолютной власти. Но в любом случае, в нем была монументальность, которая оказала бы честь любой Красной площади, где этот истукан будет вышаться.

Бомба лежала в грузовике у них в ногах; албанцы, судя по всему, скрупулезно придерживались условий договора: на хвосте у них не было ни одной машины. Они ехали по превосходной военной дороге, среди гор, поднимавшихся выше солнца.

Матье сидел на заднем сиденье рядом со своей подругой, приобнимая ее одной рукой; голова Мэй лежала

у него на плече. Они были похожи на всех тех влюбленных, которые, выбрав личное счастье, забывают об остальном мире.

— Ну что, мы признаём себя побежденным, господин профессор? — спросил Старр даже не с иронией, а с агрессией и злорадством: профессиональному наемнику всегда делается неловко, когда он испытывает горечь и зависть при виде того, что исключил из своей жизни раз и навсегда.

— Почему?

— У вас счастливый вид. А как же мир?

— Я не думаю, что он долго простоит, если только кто-нибудь не соизволит поставить этот снаряд на предохранитель.

Литтл наклонился и защелкнул предохранитель, бормоча извинения, как школьник, забывший сделать домашнее задание.

Старр считал, что самое время немного позабавиться и разрядить атмосферу.

— Ну что же, парни, мы очень старались, никто не станет это отрицать, — заявил он. — Мы сделали, что могли. И не наша вина, что все провалилось.

Все повернулись к американцу, Литтл остановил на нем взгляд, в котором читалась подозрительность.

— Что именно вы хотите этим сказать? — спросил он гнусавым и раздраженным голосом.

Старр пожал плечами и ничего не ответил.

Его глубинную мысль взялся передать Матье.

— Думаю, что я знаю, что хотел сказать ваш боевой товарищ, господа. Бой, что вы вели, окончился честным поражением, хотя — что есть, то есть — *вы уже не способны это осознать...* Бомба взорвалась давно, в Хиросиме, процесс дегуманизации завершился, и особенность этого феномена, очевидно, заключается в том, что у нас больше нет духовных, этических и психологических качеств, чтобы отдавать себе в этом отчет.

Эта шутка заставила улыбнуться всех, кроме Литтла, который, похоже, принял ее за гнусные бредни интеллектуала, и, вдобавок, интеллектуала французского.

Правильный ответ, вызвавший взрыв смеха, подыскал Станко.

— Вы заблуждаетесь, друг! Достаточно взглянуть на эту прекрасную девушку и на вас, чтобы понять, что мы все-таки спасли то, что пришли спасти, и что мы еще вполне человечны, настолько человечны, насколько это возможно для человека! И за этот героический и сверхчеловеческий поступок — оставаться человечными во всем и несмотря ни на что — мы заслуживаем премии! И особой медали за проявленное мужество!

— Только один момент: сколько раз цивилизация может быть спасена, прежде чем утратит право называться цивилизацией? — спросил Старр.

— Хватит! — оборвал его Литтл. — Мы не на светском приеме! Перед нами стоят *серьезные задачи!*

— Знаете что, товарищи? — заявил Комаров. — К миру на земле можно идти лишь пятась!

— Да заткнитесь же, черт возьми! — заорал Литтл на своем чистейшем сержантском кокни. — Отставить эту разлагающую болтовню! Еще слово, и я вас всех отправлю в наряд чистить сортиры!

Машину вел Григорьев, затем Литтл сам сел за руль «шкоды».

Каптан дулся, забившись в угол. Он был чем-то разочарован и обижен, и Старр полагал, что знает, чем именно. У него украли его миг триумфа: как оказалось, Матье не ошибся...

На всем пути они не встретили ни одного человека в военной форме. Албанцы соблюдали соглашение. Старр с признательностью посмотрел на Джуму: слава Богу, что существует культ личности!

По обеим сторонам дороги, на склонах гор один за другим стояли энергоуловители, соединенные со станцией. Они уже не фосфоресцировали.

— Можно подумать, что вырубили электричество, — холодно заметил Литтл.

— Электричество, ну да, как же, — буркнул СтARR. — Как легко вы об этом говорите, майор, хоть премию за наглость выдавай. В конце концов, даже если они снова начнут качать дух, им потребуется два года, чтобы восстановить свои запасы! Наши ученые тем временем, полагаю, найдут средство защиты или изобретут что-нибудь еще более занятное. Чего не хватает цивилизациям, так это полигона на другой планете, чтобы определить размер возможного ущерба!

— Разговорчики! — оборвал его Литтл. — Вы, может, не отдаете себе отчета, но ваши разговоры свидетельствуют о том, что на вас еще сказывается деморализующее действие побочного эффекта!

Над ними кружили орлы, и в пылу победы они испытывали удовольствие от соседства с равными себе.

— Орлы, — произнес СтARR.

Станко поднял глаза:

— Грифы.

— Интересно, а что приключилось с нашим прелестным албанским юношей? — мечтательно прошептал Литтл.

— Сидит в деревенском кабаке и жрет чеснок, — предположил Колек.

— Нет, — возразил Станко. — Он пошел в долину, чтобы рассказать народу всю правду. Он где-то там, внизу, ходит от деревни к деревне и рассказывает всем правду. Я знаю албанцев. Это гордые и мужественные люди. У них отличный дух, очень стойкий. Высшей пробы! Одно слово — горцы...

Они услышали, как вдалеке затрещал пулемет. Дорога петляла, поднимаясь по склону горы над деревней

Берц, в самой западной точке долины. Там, наверное, учебный полигон, сказал себе Старр.

— Это не учебный полигон, — гневно произнес Станко, как будто прочел его мысль.

— Тогда полигон смерти, — сквозь зубы процедил Старр. — Не хватало Камбоджи — вот она!

Пулеметный огонь отзывался в горах нескончаемым эхом очередей.

Литтл остановил грузовик.

Перед ними лежала деревня Берц, последняя деревня в долине.

Литтл настроил бинокль.

— Малыш сдержал слово, — сказал он одобрительно.

Люди в глубине долины явно пытались отойти подальше от окружавших их энергоуловителей. Они старались держаться отobelisks на пресловутом расстоянии в семьдесят пять метров, на котором улавливание уже невозможно.

Это неправда, подумал Старр, закрыв глаза. Галлюцинации, патологический, упадочнический, болезненный побочный эффект. Ничего этого не было. Бред отравленного, извращенного воображения. Все неправда. И варшавское гетто, и Катынь, и Бабий Яр. Будапешт, Прага, Орадур, Лидице, Ян Палах¹, Вьетнам, Берлинская стена. Фантазмы.

— Они, наверное, попробовали взорвать уловители, и... — проговорил Григорьев.

Старр взглянул на Имира Джуму. Сталинский истукан, казалось, начал возвращаться к жизни. Глаза его горели презрением.

---

¹ *Ян Палах* — чешский студент, который 16 января 1969 г. совершил самоубийство на площади Венцеслава в знак протеста против советской оккупации Праги.

— Неправда, — сказал он. — Западная пропаганда. Такие же, как вы, агенты-провокаторы попытались совершить диверсию и были схвачены народом. Лживые домыслы. Клевета. Последние капли яда, изливаемые прислужниками капитализма...

— Зачем? — простонал Каплан. — Зачем эта бойня?

— Вы только что слышали, — ответил ему Старр. — Это западная пропаганда. Это была не пулеметная очередь, это — пропаганда Запада, отравляющая дух народа.

— Боже мой! — прошептал Каплан.

— И это тоже западная пропаганда, — сообщил ему Старр.

— Ну что же, я думаю, что маршал прав. Эти выстрелы — остаточное галлюциногенное действие топлива. Впрочем, тех славных крестьян, что поверили бы в историю с улавливанием и освобождением духа, просто-напросто посадили бы в психиатрические больницы!

— Протестую! — крикнул Комаров. — Это антисоветское высказывание.

— Я не допущу в своей группе пререканий между союзниками, — предупредил их Литтл. — Майор Комаров, примите мои извинения за оскорбительные слова, прозвучавшие из уст одного из моих подчиненных. Он явно находится под влиянием деморализующего действия топлива. СССР — свободная страна. То же можно сказать и о Соединенных Штатах. И во всех представленных здесь странах, и под моим командованием. Если бы Китай и Албания были на нашей стороне, там бы тоже процветала свобода. Пока я занимаю эту должность, на свете есть лишь те чертовы страны, где процветает свобода. Профессор Матье, с вами все в порядке?

— Да, — ответил удивленный Матье. — А что?

— А то, что вы нам, может быть, еще понадобится! — окончательно выйдя из себя, крикнул Литтл. — Может быть, мы совершили ошибку! Может быть, нам не надо было трогать эту гадость, пусть бы себе дезинтегрировалась! Как офицер и джентльмен я не считаю, что мы заслуживаем лучшего!

В долине вновь воцарилась тишина.

Литтл надавил на педаль, и грузовик тронулся с места.

Оставалось проехать не больше десятка километров.

Горы отступили, и теперь дорога шла напрямую через каменистое и глухое Кинжальское плато. Единственными признаками человеческой деятельности были ловители, снабжавшие энергией военные форпосты и каменоломни в Арзе. Но и сюда энергия больше не поступала, и ретрансляторы стояли пустые, безжизненные, тускло-серого цвета.

Колек и Станко ехали в грузовике стоя, следя за окружающей местностью и за небом, хотя присутствие заложника делало нападение с воздуха маловероятным. Джуму держали на мушке русские. «Чтобы произвести должное впечатление, — написал Старр, — русские вели себя мелодраматично и несколько переигрывали, но правда и то, что в течение тех решающих минут, когда мы вплотную приблизились к югославской границе, наша судьба полностью зависела от философских взглядов маршала Имира Джумы на жизнь и смерть... Оглядываясь назад, следует-таки признать, что мы недооценили как самого этого человека, так и албанский национальный характер».

Ядерный щит нужно было любой ценой вывезти с албанской территории. На этот счет они получили

категорические инструкции: оставить после себя эту улику было бы в глазах общественного мнения равносильно «этическому самоубийству».

Соглашение с албанцами предусматривало открытие границы и отвод всех находившихся поблизости войск; группа службы безопасности была выслана вперед, чтобы расчистить дороги и дожидаться освобождения Джумы.

Литтл взглянул на часы: еще пять минут, и все. Для него были привычными эти последние минуты любой операции, всегда самые изматывающие. Впервые с начала рейда он начинал ощущать самого себя физически: вцепившиеся в руль руки, пересохшее горло, мышечное напряжение в плечах и шее, учащенное дыхание...

Матве положил голову на колени Мэй, и она ласково гладила его по волосам. Старр находил этот эксгибиционизм почти вызывающим: эта пара искала убежища в самом избитом сентиментализме, как будто там имелся какой-то ответ на все вопросы, какой-то еще живой источник мужества и надежды. Старр злился на самого себя, поскольку мужчина, вынужденный в сорок пять лет смотреть на любовь с иронией, признается тем самым в собственной неудовлетворенности и тайной тоске, а ведь он считал, что давно уже от них излечился. Мэй склонилась над французом с материнской нежностью; ее волосы омывали лицо этого никудышного Атланта, который решил было взгромоздить на себя всю тяжесть мира. «Я бы не удивился, если бы она начала кормить его грудью», — написал Старр, но убрал эту фразу из окончательного варианта отчета, поскольку своей интонацией она как-то не вязалась с его образом безупречного вояки. Перед глазами у него маячило извечное эмоциональное барахло, вызывавшее разве что пренебрежительную гримасу; он отвернулся, но при этом ощутил острый укол гру-

сти: есть простые вещи, на которые лучше не смотреть одиноким людям.

— По-моему, на этот раз у меня получится, — пробормотал Матье. — Получится отказаться. Я смогу выразить себя как-нибудь по-другому...

— Как, Марк?

— Через тебя.

Старр закрыл глаза. Вся эта сентиментальная паточка, эти мадригалы рядом с идеально сконструированной портативной атомной бомбой — шедевром мысли и техники — оскорбляли человеческий гений.

— Что тут смешного, полковник? — спросил Григорьев.

— Я сам, — сказал Старр.

Показался пограничный пост: красный албанский флаг, развевавшийся над квадратной бетонной плитой с бойницами.

Литтл притормозил и посмотрел в бинокль. Два взвода солдат перекрыли дорогу, но при виде грузовика отошли в сторону и выстроились по обочинам, опустив автоматы. Командовавший ими офицер тоже посторонился и убрал пистолет в кобуру.

На югославской стороне шлагбаум был поднят. За шлагбаумом стояли шесть танков и вертолет. Бронетранспортеры ждали на дороге, в головной машине Литтл увидел Поповича. Несколько сотен солдат были рассредоточены вокруг.

Им оставалось преодолеть метров двести.

— Порядок, — произнес Литтл. — Поехали. — И нажал на газ.

Мотор заглох. На приборном щитке имелись два рычажка: белый и черный. Литтл потянул на себя белый, находившийся справа, — инжекторный.

Над капотом внезапно вспыхнул белый свет, двигатель задрожал и снова заглох.

— Черт побери, — сказал Литтл. — Утечка горючего. Дерьмовое топливо.

Он огляделся:

— Мы можем где-нибудь здесь заправиться?

— Нет, — ответил Каплан. — Энергоуловители пусты. Полностью.

Литтл повернулся к обелискам:

— Может, в них еще что-нибудь осталось.

— Взгляните на цвет, — сказал Каплан. — В них ничего нет.

— Придется идти пешком, всего-навсего, — заявил англичанин. — Ничего страшного... Подсоединяйтесь к щиту, господа.

Старр нагнулся и снял предохранитель.

— Отлично, — произнес англичанин. — Старая черепаха проснулась. Осторожней ее приподнимайте. Я выхожу.

Он наклонился с переднего сиденья к Имиру Джуме:

— Может, вы с ними поговорите, сэр? Скажите, чтобы они предоставили нам транспортное средство. Если только, конечно, вы не предпочтете нести вместе с нами эту штуку... Правда, боюсь, это будет несколько унижительно — прямо на глазах у ваших солдат и у югославов...

Станко протянул маршалу мегафон. «Причина ошибки, — докладывал Литтл позднее, — крылась в недостаточном знании нами этой страны, ее истории и сурового национального характера, или, выражаясь современным языком, качества албанского духа. В этом конкретном случае мы серьезно недооценили качество личного духа маршала Имира Джумы — и тем самым едва все не погубили. Никто из нас не задумался всерьез над тем, что происходило в его душе. В долине его поставили в такое положение, когда он вынужден был согласиться на наши условия, дабы

избежать уничтожения своей страны. Зато уничтожение части Югославии его нисколько не волновало — а именно это и случилось бы, если бы бомба взорвалась там, где мы находились. Он прекрасно понял ситуацию: ядерный щит стал бесполезен, а он, Имир Джума, „последний из первых“ после смерти Сталина и Мао, был теперь нашей единственной защитой. А с этим ему не позволяла мириться гордость».

Маршал спокойно взял мегафон из рук Станко и бесстрастным голосом произнес несколько слов. Затем он поднял голову, повернулся к диверсантам, и его гордое, решительное и презрительное поведение стало поведением человека, стоящего перед расстрельным взводом и получившего при этом право распоряжаться собственной казнью.

Солдаты перестроились, встали поперек дороги лицом к грузовику и открыли огонь.

— Погодите, братцы! — заорал Литтл, когда автоматы его коллег затрещали у него за спиной. — Они слишком далеко — топливо пропадет! Дайте им подойти на нужное расстояние, и мы сможем заправиться!

Солдаты приближались, но их пока отделяло от грузовика метров сто. Майор выжидал, чтобы они подошли ближе к уловителю. Метров хотя бы на пятьдесят. Он не доверял качеству местной продукции. Он был готов поспорить, что энергоколлектор двигателя сделан халтурно и не сможет захватить энергию на расстоянии семидесяти пяти метров.

— Прячьтесь за камнями... Ну же, быстрее! Осторожно, отсоединитесь... Дайте им подойти как можно ближе! Бак пуст, нужно заправиться, черт возьми!

Старр и Григорьев уже спрыгнули на землю и, пригнувшись, бежали к скалам. В русского попали, и он рухнул на землю на полпути между грузовиком и обелиском. Старр распластался на земле рядом с ним.

— Серьезно? — спросил он, не глядя на него.

— Plokho... — пробормотал русский. — Плохо...

Не прекращая огонь, албанцы двумя шеренгами медленно приближались к грузовику.

Джума стоял на виду у всех, скрестив руки на груди.

Литтл опустил бинокль, мешавший ему оценить расстояние. На глаз выходило метров шестьдесят. А ему хотелось подпустить их на пятьдесят. Даже для местной техники этого должно было хватить.

— Огонь! — крикнул он.

Колек и Станко залегли слева от дороги, их «спат» заработал; на правом фланге вел огонь Старр.

Трое солдат почти одновременно осели на землю.

Тут же заработал двигатель грузовика.

Албанцы стали укрываться за камнями, но Старр успел заправить грузовик еще дважды. Дополнительно.

— В Женевской конвенции есть что-нибудь об этом? — поинтересовался Станко, ползком пробираясь к грузовику. — Я имею в виду передовое топливо и законы войны в мирное время.

— Ровным счетом ничего, — заверил его Колек. — Законы военного времени применимы только в военное время. В мирное время все сойдет.

Двигатель мерно урчал, но стоило Литтлу потянуть за белый рычажок, как последовала новая вспышка белого света, и двигатель снова заглох.

— Да что же это за чертово албанское горючее? — рявкнул Литтл. — Оно вытекает!

— Дело не в горючем, майор! — крикнул Каплан. — Вы не знаете, как устроена машина. Не тот рычаг дергаете! Это не инжектор, а сливной кран! Что же за машины вы водили всю жизнь, ископаемое вы наше!

Смущенный и обиженный, Литтл пробормотал какие-то извинения. Он встал, скинул на плечо свой

«спат», дожидаясь новой заправки. Но албанцы уже были под защитой камней. Майор повернулся к Имиру Джуме. Их взгляды скрестились.

Комаров приставил автомат к затылку маршала.

— Не спешите, — сказал Литтл.

Он решил оставить про запас этот последний шанс.

Старр полз к грузовику, таща за собой своего русского товарища.

Григорьев умирал. Взгляд его был прикован к серому обелиску ближайшего уловителя, стоявшего менее чем в шестидесяти метрах. Он ничего не говорил, но глаза его расширились, и в них застыло выражение ужаса. Ему не хотелось отдавать ни капли своей энергии этой мерзкой албанской штуке. По-видимому, в его голове соединение пролетариев всех стран имело свои пределы. Старр тащил его подальше от обелиска и поближе к грузовику.

— Спасибо, Джон, — прошептал русский. — Ты меня спас... Ты спас мою... я не знаю, что ты спас...

Он улыбнулся.

— ...но ты это спас. Спасибо.

— Не за что, — сказал Старр.

— Есть за что...

Кровь хлынула у него изо рта, и его не стало.

Старр ощутил некоторую неловкость морального свойства — впрочем, это продлилось недолго.

Он не пытался спасти русского от уловителя обелиска. Он стремился подтолкнуть его поближе к уловителю грузовика.

Речь шла единственно о том, чтобы запустить двигатель.

Но дух Григорьева отлетел слишком рано, и еще один верный шанс был упущен.

Литтл бросил на них раздраженный взгляд и хладнокровно приосанился под пулями.

— Полковник Старр! — крикнул он. — Садитесь за руль. Передаю вам командование. Я берусь сам наполнить этот чертов бак, сэр!

Старр, собиравшийся с силами, чтобы запрыгнуть в грузовик, стал дожидаться, пока майор исполнит свое обещание. «Этот сукин сын вызывал восхищение, — наверное, так он впоследствии комментировал это после второй бутылки сливовицы в штаб-квартире в Белграде. — Он ведь нам обещал до конца не снимать маску джентльмена и офицера Ее Величества, он заявил нам, что мы можем полагаться на этот образ, и вот он держал слово. Я ждал, когда он наполнит бак, и был взволнован и одновременно возмущен, меня раздирали противоречивые чувства: презрение профессионального военного к этому позеру и восхищение, которое вызывала у меня верность этого чертова фигляра избранной роли. Когда человек готов отдать свою жизнь ради маски, это конец всех масок и начало подлинности. Он заставлял возродиться из пепла, пусть даже на короткий миг и только для себя самого, Британскую империю. „Давайте, сэр! — крикнул я ему. — There'll always be an England. Англия никогда не умрет!“»

Старр почти что слышал звуки волюнок.

Литтл остался стоять в ожидании, когда его поразит какая-нибудь пуля.

— Жалкие стрелки эти ребята. Poor show. Bloody awful¹.

Облако пыли поднималось над долиной: казалось, на них движется вся албанская армия.

Старр запрыгнул в грузовик. Им оставалось лишь одно, иначе... Иначе — суд над пятью пленными диверсантами, их публичное покаяние и портативная бомба в двадцать мегатонн в руках албанцев.

---

¹ Жалкое зрелище. Никуда не годится (англ.).

Станко пришла в голову та же мысль, что и ему. Он направил оружие на «фартук» бомбы.

Затем сделал знак Джуме.

— Отодвиньтесь на несколько сантиметров, маршал, — сказал он насмешливо. — А то вас может оглушить...

Никто из них не смотрел на Матье, но они поняли, что пуля попала в него, когда услышали крик женщины. Она бы не кричала так душераздирающе, если бы была ранена сама.

Мэй сжимала его в своих объятиях.

— Любовь моя, любовь моя!

Замечательное французское произношение, подумал Старр в отчаянном рефлексе самозащиты.

Она пыталась его спасти. Если бы поцелуй мог спасти человека, этот мерзавец был бы обречен на бессмертие.

Лица Матье почти не было видно за струящимся золотым потоком.

— Мне будет тебя не хватать, девочка, — сказал он ей.

Голос еще звучал твердо. Но Старр видел, куда попала пуля. Парню конец. Если им чуть-чуть повезет, скоро они смогут тронуться с места. Комаров нагнулся и не спускал глаз с индикатора топлива.

Они ждали. Имир Джума поднял руки, и солдаты прекратили стрельбу.

«Он хочет взять нас живыми», — подумал Колек.

Станко навел автомат на Джуму.

— Только прикажите, майор! — крикнул он. — Отличная энергия! Лучше и быть не может!

Тут он заметил, что все взгляды устремлены на Матье.

Последним следом жизни на лице Матье была улыбка.

— Святая Мэй Албанская, — прошептал он.

Он вытянул руку, как будто пытаясь коснуться лица любимой, но рука упала, и тут же заработал двигатель.

Литтл сел за руль, и машина резко рванула с места.

Албанцы снова открыли огонь.

Старр оглянулся. Никогда прежде он не видел такого отчаяния.

— Остановите! — кричала она. — Остановите! *Выпустите его!*

Литтл жал на газ.

Старр почти болезненно ощущал толчки грузовика. Он перестал обращать внимание на пули. Кажется, его несколько раз зацепили, по левой руке текла кровь, однако боли он не чувствовал.

— Остановите! *Выпустите его! Освободите его!*

Американец всем сердцем желал сам оказаться на месте этого типа. Впрочем, это желание, скорее всего, было следствием нервного перенапряжения.

Он нашел в себе мужество снова повернуться к Мэй, и одно слово, одно только слово могло описать выражение, которое он прочел на ее лице, и это было слово «победа».

Пуля, должно быть, поразила ее совсем близко к сердцу. Она на мгновение выпрямилась во весь свой рост, рост высокой американки, — волосы ее развевались на ветру, на лице застыла торжествующая улыбка, а затем ее опустевшее тело рухнуло на тело Матье.

Каплан плакал навзрыд. И вдруг он сделал странную для ученого вещь, напомнившую всем о Бухенвальде. Он принялся напевать «Эль мале рахамим», древнееврейскую зауспокойную молитву. Возвращение к истокам, подумал Старр; из него вытекала кровь и струилась по ядерному щиту.

Еще несколько секунд они мчались на полной скорости — и вот перед ними оказалась развернувшаяся поперек дороги шеренга югославских солдат.

Литтл мягко остановил грузовик.

Диверсанты прыгнули на землю и бросились к двигателю.

Никто из них не смотрел на тела.

Все смотрели на капот машины.

— Ну же, кто-нибудь! — закричал Литтл сорвавшимся голосом. — Сливной кран... Моя рука ни к черту!

Кран повернул Старр.

Этот свет не был ярче двадцати тысяч солнц, и он ничем не был обязан гению человека, однако тем, кто был обречен, он давал последний шанс.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора

5

Часть первая
«ПЕРЕДОВОЕ ТОПЛИВО»

9

Часть вторая
ОРЛИНАЯ ДОЛИНА

131

Гари, Ромен

Спасите наши души. / Пер. с фр. Л. Бондаренко.
СПб.: «Симпозиум», 2010. — 288 с.

ISBN: 978-5-89091-430-9

Исполнился завет Мао Цзэдуна — «Духовная энергия должна быть преобразована в энергию материальную»: гениальный французский ученый изобрел способ извлекать энергию из человеческих душ. И пока за это «передовое топливо» борются американцы, китайцы и русские, албанский диктатор создает оружие массового обездушивания...

Ромен Гари использует этот фантастический сюжет, чтобы вдоволь посмеяться над современной цивилизацией, ее политиками, учеными и военными, — и сделать попытку реабилитировать вышедшее из моды слово «душа».

Ромен Гари

СПАСИТЕ НАШИ ДУШИ

Редакторы Александра Глебовская, Михаил Куртов

Технический редактор Екатерина Каплунова

Верстка Марии Василенко

Корректор Елена Шнитникова

Издательство «Симпозиум»

190000, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 47

Тел. +7 (812) 571 45 02, факс +7 (812) 580 82 17

e-mail: symposium@yandex.ru

<http://www.symposium.su>

По вопросам оптовых продаж обращаться:

Торговый Дом «Симпозиум»

125363, Москва, ул. Новопоселковая, д. 6, кор. 1

Тел/факс +7 (495) 933-60-00

e-mail: tdsymposium@gradient.ru

Подписано в печать 10.03.10. Формат 84×108^{1/32}.

Усл. печ. л. 15,12. Тираж 4000 экз. Заказ № 128.

Отпечатано в соответствии с качеством

предоставленного оригинал-макета

в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»

620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

<http://www.uralprint.ru> e-mail: book@uralprint.ru

РОМЕН ГАРИ

ROMAIN GARY

**СПАСИТЕ
НАШИ
ДУШИ**

Исполнился завет Мао Цзэдуна – «Духовная энергия должна быть преобразована в энергию материальную»: гениальным французским ученым найден способ извлекать энергию из человеческих душ. Душа человека – самый мощный энергоноситель, она питает и электрическую лампочку, и двигатель автомобиля. В борьбу за обладание «передовым топливом» вступают китайский лидер, американский президент и албанский диктатор...

Черный юмор и политическая сатира, шпионские страсти в духе бульварного чтива и философские размышления – таков был ответ Ромена Гари на первый глобальный энергетический кризис.

ISBN-13: 978-5690914309

9 785890 914309

SYMPOSIUM